

ВОКРУГ ТРОНА МЕДИЧИ

Е.И. Майорова

ВОКРУГ ТРОНА МЕДИЧИ

HISTORY
FILES

Е.И. МАЙОРОВА

ВОКРУГ ТРОНА МЕДИЧИ

Москва
«Вече»

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(4Ита)
М12

Майорова, Е.И.

М12 Вокруг трона Медичи / Е.И. Майорова. — М. : Вече, 2012. — 288 с. : ил. — (History files).

ISBN 978-5-9533-6591-8

Флоренция — в переводе с итальянского значит «цветущая». С этим городом самым тесным образом связано восхождение к власти и активная государственная деятельность династии Медичи, чьи представители оставили глубокий след в истории всего человечества. Сначала Медичи пользовались дурной репутацией; их считали завистливыми и мстительными. Среди Медичи встречались даже преступники — воры и убийцы; некоторые за свои деяния были приговорены к смертной казни. Но династия постепенно и неуклонно поднималась к своему олимпу.

Последняя в роду Медичи курфюстина Анна-Мария-Луиза в 1843 году завещала все имущество «Флоренции навечно» при условии, что никакая часть сокровищ Медичи не может быть вывезена из города, и они должны быть открыты для всеобщего обозрения. Сделав так, курфюстина от имени своего дома оплатила флорентийцам за ту преданность, которую они питали к этой семье триста с лишним лет.

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(4Ита)

ISBN 978-5-9533-6591-8

© Е.И. Майорова, 2012
© ООО «Издательский дом «Вече», 2012
© ООО «Издательство «Вече», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Города в Италии существовали с античных времен и играли гораздо более значительную роль, чем где бы то ни было в Европе. Они не были подчинены феодальному синьору, поэтому там существовало гражданское общество, процветала свобода предпринимательства, развивались ремесла. Раннему развитию итальянских городов немало способствовало их выгодное географическое положение — в самом центре торговых путей из Европы на Восток, получивших значение со времен крестовых походов. Итальянские купцы использовали войны «за гроб господень» для захвата в свои руки почти всей торговли в районе Средиземного моря. Непримириемые соперники Генуя, Венеция и Пиза вели обширную торговлю с Византией, Ближним Востоком и европейскими странами, ревниво оберегая свои торговые привилегии. Кроме приморских центров рано возвысились города Северной Италии и, прежде всего, Милан, к которому стягивались важнейшие торговые пути из Италии в другие европейские страны.

С торговлей прямо или косвенно было связано возникновение банковской деятельности и возрастающий раз-

мах промышленного производства. Милан уже с XII века стал крупным промышленным центром по выделке сукна и оружия. Маленькая Лукка долгое время являлась почти безраздельным монополистом в производстве шелка, а Сиена получила известность как город ростовщиков. В XIII веке произошло быстрое выдвижение Флоренции, в следующем столетии завоевавшей одно из первых мест в политической и культурной жизни Италии.

Флоренция — в переводе с итальянского «цветущая». По старинному преданию, название произошло из-за огромного множества красивых и душистых цветов, покрывающих весной городские окрестности: фиалок, нарциссов, асфоделей. Летом повсюду благоухали розы. Сосны, буки, оливковые рощи вперемешку с лаврами и цветущими апельсиновыми деревьями со всех сторон окружали прекрасный город, наполняя воздух волнующими ароматами; между камнями зелеными струями бежали по склонам виноградники.

Путь Флоренции XIII—XV веков — переход от голубого дворянского креста к пополланской красной лилии — был определен отменой крепостного права, подорвавшей феодальные отношения. Беднота хлынула в город. Страх перед неуправляемыми массами заставил представителей обеспеченных слоев общества идти на ограничение демократических порядков. Поэтому во многих итальянских городах власть захватывали или представители какой-нибудь богатой фамилии, или просто смелые авантюристы, опиравшиеся на наемное войско. Если император Священной Римской империи, формально являвшийся

правителем Италии, даровал такому выдвигенцу разрешение на правление, тот получал возможность именоваться герцогом, как это произошло с миланскими Висконти; в противном случае правитель назывался тираном, как случилось с веронскими Скалигерами.

Только самые знатные, богатые и многолюдные семьи, обладающие огромными земельными владениями в окрестностях города и множеством зависимых от них земледельцев, противопоставляли себя растущей мощи города-республики. Их представители именовались грандами. Пополаны — горожане, ремесленники и торговцы, имели множество привилегий по сравнению с дворянами, запертыми в замках и башнях. Нобиль-дворянин стремился покинуть свои владения и стать пополаном-горожанином, получить политические права гражданина республики, войти в состав политически полноправной верхушки великого города на «серебряной Арно».

Богатые пополланские семьи, состоящие из купцов и владельцев крупных мастерских, назывались «жирным народом», в отличие от рядовых ремесленников, а впоследствии и наемных рабочих, именуемых «тощим народом». «Жирный народ» занимал промежуточное положение между грандами и низами. Самые сильные семьи, к которым в это время уже принадлежали Медичи, возводили в городе особые башни-крепости, вокруг которых формировались «башенные союзы» двух-трех родственных семей, называвшиеся консортериями. Всего консортерий во Флоренции насчитывалось около 100,

и они вели между собой постоянные войны за сферы влияния.

В республике была создана сложная система управления, основанная на недопущении единоличной власти и широком вовлечении граждан в работу государственных органов.

Во Флоренции, как и во всей Италии, происходила ожесточенная борьба гвельфов, выразителей интересов зарождающейся ранней буржуазии, и гибеллинов, стоявших ближе к лагерю нобилей и чужеземца-императора¹. В 1260 году гибеллины победили, и гвельфы вынуждены были покинуть Флоренцию, но вскоре с ослаблением гибеллинов, вернулись.

В начале XIV века нравы итальянцев были грубы; муж и жена ели из одной тарелки. В доме не имелось ножей с деревянной ручкой, насчитывалось не более одной чаши для питья. Дворяне не знали ни свеч, ни подсвечников. В продолжение ужина слуга держал над господским столом факел из зажженного дерева. Простой горожанин ел говядину три раза в неделю и оставлял холодную на ужин. Много людей не пили летом вина. Приданое женщин было незначительно, их одежда на свадьбе проста.

¹ Гвельфы — итальянизированное имя немецкого княжеского рода Вельфов, сторонников жесткого правления пап; гвельфы противились идеям универсальной монархии, требовавшей подчинения чужеземному государю.

Гибеллины — противники гвельфов, политическая партия, поддерживающая императоров Священной Римской империи. К партии гибеллинов относились преимущественно представители феодальной знати.

Гордость человека состояла в том, чтобы показываться верхом и с оружием. Благородные строили высокие башни, поэтому их так много в городах Италии.

Кругозор средневекового человека был крайне ограничен. Крестьянин, всю жизнь гнувший спину на своем клочке земли, мало что знал об окружающем мире. Его синьор, такой же невежественный, проводил время преимущественно в кутежах и военных предприятиях. Духовные пастыри, являвшиеся часто и земными владыками, единственным источником познания признавали Священное Писание и сочинения отцов церкви. Но в условиях городской жизни психология и интересы человека постепенно менялись. Сама жизнь вызывала потребность в развитии научных и технических знаний. Для того, чтобы успешно вести свои дела, горожанину надо было уметь хорошо считать. Чтобы успешно торговать с заморскими странами, требовалось строить прочные корабли, уметь в открытом море найти путь по карте и небесным светилам. Расширение производства разного рода товаров заставляло искать более совершенные методы обработки металлов и пряжи, изобретать новые инструменты и механизмы.

Раздвинув тесные границы привычного мира, человек вдруг увидел красоту земной, реальной жизни, почувствовал себя хозяином своей судьбы, своего счастья. Он проникся сознанием ценности и высокого назначения своей личности, поверил в свой разум, получил наслаждение от богатства своих чувств.

Постепенно роскошь стала вытеснять воздержанность; появились шелковые материи и богатые меха, платья, украшенные золотом, серебром, перлами.

Шелк стал главным продуктом фабрик в Ломбардии и Тоскане, разведение шелковицы было предписано законом. Флоренция стала богатым городом — банки, сукнодельни, шелковые мастерские способствовали его процветанию.

После утрюмых, с глухими стенами низкими сводами построек Средневековья появились стройные, прекрасные в своих античных пропорциях здания. Как-то разом возникла целая плеяда писателей, философов, живописцев и зодчих, творящих для человека, в своих произведениях стремившихся прославить человека, правдиво изобразить реальную действительность.

Этот культурный расцвет, известный под названием Возрождения, совпал с восхождением к власти и активной государственной деятельности флорентийской династии Медичи, чьи представители оставили такой глубокий след в истории всего человечества.

ИСТОКИ МОГУЩЕСТВА МЕДИЧИ. ДЖОВАННИ БИЧЧИ (1360—1429)

Медичи происходили из сельской округи Флоренции. Разбогатевшие крестьяне, они перебрались за стены города и вступили в гильдию менял. Первое упоминание рода относится к началу XII века: некий Кьярриссимо Медичи владел домами-башнями на Старом рынке (около совре-

менной площади Республики). Его сын однажды по жребию избирался гонфалоньером справедливости. Имеются сведения, датированные 1300 годом, что Бонаджунта Медичи был избран в состав городского совета (Синьории). Но это кратковременное возвышение не изменило положения фамилии: Медичи не принадлежали к аристократическим верхам, ссужали деньги под проценты и не смогли пробиться в высшее общество. Впрочем, в то время занятие ростовщичеством в Италии не считалось зазорным — вопрос заключался в размере оборотных средств.

Медичи пользовались дурной репутацией по другой причине. Их считали завистливыми и мстительными. Среди Медичи встречались преступники — воры и убийцы; некоторые за свои деяния были приговорены к смертной казни.

В XIV веке Медичи расплодилось очень много: в 1373 году один из старейшин рода сокрушался, что после опустошительной эпидемии чумы осталось всего около 50 взрослых мужчин. Но Черная Жница, как называли в Италии чуму, поражала всех независимо от общественного положения и принадлежности к знаменитому или заурядому роду. Население города сильно уменьшилось. Соответственно и дом Медичи потерял многих своих сыновей.

Постепенно из общей массы представителей рода стали выделяться наиболее выразительные фигуры.

Про Сильвестро Медичи (1331—1388) сохранилось не много сведений. Известно только, что в 1378 году он спровоцировал восстание Чомпи и руководил им. Сильвестро

помогал какой-то его родственник — генеалогия рода того времени прослеживается неотчетливо — Аверардо Биччи, по-видимому, банкир, влиятельный человек.

Восставшие добивались образования трех новых цехов: Тинори — красильщиков, Фарсеттаи — портных и Чомпи — чесальщиков шерсти и подсобных рабочих, включавших низы городского населения. Чомпи были самыми многочисленными, активными и неуправляемыми. В сущности, им было нечего терять, и они сражались отчаянно. Повстанцы сожгли родовое гнездо Альбицци, врагов Сильвестро. Представители этого старейшего флорентийского рода с 1210 года занимали высшие государственные должности и играли видную роль в партии гвельфов. На деревенских выскочек Медичи они всегда смотрели свысока, а те, как парвеню, в свою очередь ненавидели их.

На волне возмущения Сильвестро возвели в рыцарское достоинство и избрали главой магистрата. Восставшим казалось, что сейчас и наступит Золотой век; но новое правительство оказалось столь же глухим к нуждам восставших, как и предыдущее. Беднейшее население стало понимать, что их обманули. Лидер бедноты, Лука ди Тотто ди Пацано, сложил с себя рыцарское достоинство, пожалованное ему «жирным народом»; Сильвестро, напротив, был утвержден в нем новым правительством.

В последний день августа 1378 года отряды Чомпи были разбиты правительственными войсками, а их цех упразднен, хотя цехи красильщиков и портных сохранились.

Правительство Флоренции часто менялось, а Сильвестро действовал очень скрытно, постоянно находясь в тени. Уцелев после поражения восставших, он воспользовался доходами с лавок, расположенных на «Новом Мосту» для поддержания своего рыцарского статуса, тоже весьма нового. Впрочем, стоило ему возглавить возмущение против Альбицци, как он был подвергнут остракизму.

Другой влиятельный представитель фамилии Медичи, Вьери ди Камбио, прославился своей удачной финансовой деятельностью. После 1350 года его банк стал самым крупным в городе и открыл филиалы в Риме, Генуе, Брюгге и Венеции. Именно Вьери ди Камбио ввел своего дальнего родственника, способного Джованни Медичи, в круг влиятельных лиц, определявших политику Флоренции.

Собственно, история рода Медичи и его могущества и начинается с этого молодого человека, племянника Сильвестро, Джованни ди Аверардо, называемого Джованни Биччи.

В 1390 году он возглавил римский филиал банка Вьери ди Камбио и завел там множество полезных знакомств. За семь лет, проведенных в Вечном городе, молодой флорентинец взглядом издалека прозрел все тонкости политики Синьории, приобрел понимание соотношения сил в Италии, постиг искусство лавирования и временных уступок. От природы приветливый, он научился ладить с разными людьми, рассматривая и оценивая их с точки зрения собственной выгоды.

В 1397 году во Флоренцию вернулся не только уверенный в себе единоличный владелец независимого банка, но и общественный деятель, подготовленный к борьбе за место в первых рядах избранных.

К этому времени враждебно настроенные соперники из патрициата отобрали у дома Медичи то влияние, которое на недолгий срок сумел ему придать Сильвестро. Отодвинутые в тень, Медичи продолжали успешно заниматься ростовщичеством; от голода семья не страдала.

Джованни, благодаря богатству и осторожности, сумел сплотить вокруг себя партию горожан, которые выступали против врагов его дома — семейства Альбицци. Довольно скоро он занял высокую должность в буржуазной народной партии Флоренции. На этом посту он проявлял большую осмотрительность. Когда вспыхнуло восстание Чомпи, ему было 18 лет, и он, естественно, выступал на стороне народа. При этом он действовал в полном согласии с семейными традициями, поскольку Медичи в то время демонстрировали свою, по меньшей мере, солидарность с бесправным населением и рассматривались как проводники его интересов. Можно сказать, что они никогда не опасались «врага слева». Когда буржуазия выступила против привилегий дворянства, Медичи встали на защиту горожан и при дальнейшем противостоянии всегда стойко держали сторону народа.

Джованни Медичи был задумчивым и на вид робким человеком. Он не любил выделяться ни стилем жизни, ни одеждой и вел скромное существование в кругу семьи. Не отличаясь яркой внешностью, он, по-видимому, был со-

бою вполне доволен, поскольку посчитал необходимым заказать свой портрет знаменитому флорентийскому живописцу. Это говорило о больших амбициях — написание портрета требовало предварительной договоренности с мастером, времени для позирования, серьезных финансовых вложений, наконец, уверенности, что изображению будет выделено достойное место.

Джованни утверждал — и явно это демонстрировал, — что ему чуждо стремление к официальным должностям, однако с готовностью их принимал, расценивая как само собой разумеющееся. Так было три раза: в 1402, 1408 и в 1414 годах с должностью цехового старшины. В том же 1402 году Джованни был избран в Синьорию правительства, а позднее, в 1429 году, его главой — гонфалоньером справедливости¹.

Вместе с пятью братьями он наследовал небольшое состояние отца и сумел его значительно преумножить. Не ограничивая свою финансовую деятельность стенами Флоренции, он заводил деловые связи с другими городами Италии, особенно с Римом, и в 1409 году был официально объявлен банкиром папского двора. Джованни стал вторым по богатству и соответственно по влиянию человеком в городе. Флорентийцы оценивали человека в соответствии с его финансовыми возможностями. Местная поговорка гласила: «Кто ничего не имеет, тот и сам ничто».

¹ Гонфалоньер справедливости — буквально «Знаменосец», выборное должностное лицо, облеченное исполнительной властью.

В силу своего положения Джованни все больше входил в контакт с дворянством, хотя и оставался настроен в глубине души решительно против него. С другой стороны, он сам принадлежал к новой торговой и промышленной аристократии, которая задавала тон во Флоренции. Финансовая власть фамилии влияла на проводимую ею политику. Степень демократичности взглядов видоизменялась по мере надобности в зависимости от преследуемой цели.

Под личиной бескорыстия Джованни скрывал пронизательность, непреклонную волю и гениальные финансовые способности. Он всегда накапливал доходов больше правительства и поэтому держал в своих руках все политические инструменты власти. Его стараниями была образована сеть банковских контор — предприятие не столько статусное, сколько чрезвычайно гибкое, ставшее основой могущества рода. На приобретение безграничной финансовой власти он направлял все свои знания и незаурядные способности

В заслугу Джованни ставили учреждение городского Кадастра 1434 года — управления по сбору налогов. Распоряжаясь налоговыми средствами, он приобрел еще один рычаг для увеличения количества своих сторонников и помощи друзьям, попадавшим в затруднительное положение. Однако делал это столь умело и тактично, что его действия почти не породили недовольных.

Вместе с тем ему в достаточной степени был присущ здоровый цинизм. «Глупец тот, — говорил он, кто ищет для себя опору в небе. Умный человек твердо стоит на земле».

Герб Медичи, знаменитые семь шаров, символизировали, как утверждали сами представители дома, семь отверстий в щите одного из рыцарей Карла Великого, храброго Аверардо, победившего свирепого великана-противника. Карл был так поражен необыкновенной отвагой рыцаря, что позволил ему создать себе герб из побывавшего в сражении щита. Медичи объявили Аверардо своим предком, и семейство владело этим гербом в течение многих лет. Клич «Palle! Palle!» (Шары! Шары!) собирал людей под знамена Медичи. Впрочем, недоброжелатели злословили, что, прежде чем достичь политических высот, первые Медичи промышляли аптекарским делом и занимались врачеванием, а круглые предметы на щите — не что иное, как желудочные пилюли. Приемлемым компромиссом для фамилии и ее критиков являлась версия, что один из ранних Медичи лечил самого Карла Великого.

В 1386 году Джованни женился на Пикарде Буэри. Невесте — и это первая женщина, упоминающаяся в истории рода Медичи, — было 18 лет. Происхождение семьи Буэри восходило к временам борьбы между белыми гвельфами¹ и черными гибеллинами, когда многие находили убежище в Вероне. Там и родилась Пикарда. О ней известно немного: в конце XIV века большинство итальянских женщин из буржуазных семейств не часто проявляли себя иначе, чем производя и воспитывая потомство.

¹ Белые гвельфы — представители умеренного крыла партии (например, Данте); черные гвельфы, гибеллины — радикально настроенные элементы.

Со времени Джованни появилось меценатство, поддержка и поощрение искусства и культуры, которыми почти все Медичи прославились в истории. Кроме того, фамильными традициями стали мужество, открытое сердце, понимание духовной дружбы.

Среди прочего известна поддержка семейством Медичи антипапы Иоанна XXIII, в миру Бальтазара Коссы, неаполитанского гуманиста¹, который умер во дворце Медичи в 1419 году. Это он созвал знаменитый Констанцский собор и председательствовал на нем. Он воевал с могущественными монархами и предавал их анафеме. Однако в книге «Перечень пап», изданной в 1958 году, Иоанн XXIII не оказался. Действительно, Иоанн XXIII был отстранен от папского престола и в конце концов сам вынужден был от него отречься. Но до этого в течение пяти лет его признавали главой западного христианства. Позднее сын Джованни, Козимо, приказал возвести ему в баптистерии во Флоренции великолепную гробницу совместными усилиями обоих любимых семей скульпторов, Донателло и Микелоццо.

После смерти Джованни его вдова еще четыре года вела спокойное, незаметное существование в кругу сыновей, невесток и внуков и помогала им как могла. Она умерла 19 апреля 1433 года, в возрасте 65 лет, что для того времени считалось глубокой старостью. Ей не привелось стать свидетельницей неурядиц, которые привели к изгнанию из города ее почтительного и любящего сына Козимо.

¹ Существует мнение, что этот папа был не столько гуманистом, сколько морским разбойником — пиратом и не придерживался никаких моральных принципов.

КОЗИМО СТАРЫЙ (1389—1469)

С сыновьями Джованни произошло разделение дома Медичи на две ветви.

Первороденный сын Козимо стал основателем более крепкой и жизнеспособной линии Кафаголио, в то время как от Лоренцо произошла так называемая линия Пополано (народная). Позднее обе линии объединились из политических интересов, когда лишь сообща они могли сохранить свое значение и само право на существование. Они действовали в соответствии со своими демократическими убеждениями, борясь за равные права для всех граждан республики, и пользовались уважением и симпатией народа. Когда же впоследствии они отошли от этой цели, то потеряли власть в городе.

Козимо, который появился на свет в 1389 году, ко времени смерти Джованни уже достиг сорокалетнего возраста. С молодых лет он был посвящен отцом во все тонкости предпринимательства. Однако он не только живо воспринял науку, преподанную ему отцом, но во многом превзошел родительские навыки. Еще молодым человеком он путешествовал по Центральной Европе и открывал там филиалы банков Медичи. Везде он оставлял впечатление человека зрелого, даровитого, имеющего собственное мнение по многим вопросам. Действительно, путешествия и профессиональная деятельность позволили ему глубоко вникнуть в политическую и экономическую жизнь эпохи, расширили его политический горизонт. Его советов просили, его мнением дорожили, его дружбы искали.

Как и его отец Джованни, Козимо обладал терпением, простотой и, может быть, несколько нарочитой скромностью, но отличался от него в главном стремлении. Быть только богатейшим банкиром значило для него слишком мало, его целью были политика, власть. Но эти свои желания он прятал под личиной честной простоты и благожелательности.

Еще при жизни отца, владея 39 флорентийскими банками, он поставил состояние на службу своим амбициям. Считая, что истинная преданность — только та, что куплена за хорошие деньги, он ненавязчиво, как бы незначай снабжал средствами своих сторонников, и скоро огромное количество лиц различных социальных слоев уже составляли его клиентуру. Это тотчас же вызвало настороженность, а затем и враждебность других богатых семей города: Строцци, Пацци, Аччиаоли и больше всех — Альбицци. С 1382 года Мазо, а затем его сын Ринальдо Альбицци (1370—1442) возглавляли правительство Флоренции.

В 1416 году Козимо вступил в брак с Контессиной Барди, дочерью Алессандро, графа Фернио, и его супруги Милы (или Эмилии) Панночителики. Дворцы Барди, благороднейшей флорентийской дворянской фамилии, подтверждали голубизну крови и древность рода своих владельцев. Эти дворцы располагались в Ольтрарно, старой части города, и в Санта-Кроче. В последнем находилась фамильная церковь с фресками Джотто, изображавшими эпизоды жизни Св. Франциска.

Графское достоинство не мешало Барди выступать в качестве крупных банкиров и совместно с Геруччи являться главнейшими кредиторами короля Англии. Позднее они передали свое право Медичи.

Контессина, происходя из среды высшего дворянства, была рангом выше своего супруга. Ее жизнь являла пример благородства и благочестия. Она преданно заботилась о своих сыновьях и о внебрачном сыне Козимо, Карло, называя мальчиков своей «юной троицей» и уделяя им много материнского внимания.

Козимо приходилось нелегко. Трудности в начале его жизненного пути происходили, может быть, из-за фамильной гордости и были лишь мнимыми, но со временем они обретали все большую материальность.

Он поручил Микелоццо, своему любимому архитектору, возведение нового дворца на Виа Ларга вблизи церкви Сан-Лоренцо, что было особенно по сердцу всему семейству Медичи.

Дворец получился импозантный, гармоничный и жизнерадостно-светлый. По имени одной из своих башен позднее он был назван дворцом Рикарди. Это здание, олицетворяющее силу дома Медичи, было провокацией в глазах соперничающих с ним фамилий. Здесь каждый камень, казалось, свидетельствовал о притязаниях семьи Медичи. Альбицци во весь голос кричали, что Козимо желает захватить власть и позволяет себе иметь почти королевские привилегии; доказательство тому этот вызывающий дворец. Он и сейчас стоит величаво, не замечая проходящего времени.

Разногласия между Медичи и Альбицци становились все более глубокими. Они касались абсолютно всех вопросов городского управления и международной политики. Во время противостояния с Луккой они стали явными. В 1342 году Лукка решила порвать связи с Флоренцией и перейти под власть Пизы, имеющей выход к морю. Козимо настаивал на покорении Лукки — противники Медичи выступали против. Республика, как всегда в подобных случаях, обратилась за военной помощью к иностранцам. Капитаном Флоренции и ее пожизненным протектором был избран француз Готье де Бриенн. Мазо Альбицци в конце концов поддержал планы войны.

Де Бриенн не сумел одержать победы, флорентийские войска понесли поражение. Несмотря на позор, французский авантюрист попытался уничтожить республиканское правление и создать для себя наследственное герцогство. Только всенародное возмущение вынудило его бежать из Флоренции.

Старая вражда Медичи с высокомерными Альбицци подпитывалась новыми дровишками. Те считали, что неизвестно откуда возникшие слухи о том, что они присвоили общественные деньги, в результате чего флорентийцев разгромили под стенами Лукки, злонамеренно распространяются их противниками. И может быть, они не сильно заблуждались.

Демократия в городе была, пожалуй, сильнее, чем в других итальянских городах-республиках. Правительству, не сумевшему успешно провести военную кампанию, пришлось уйти в отставку.

После смерти влиятельного и уважаемого Никколо Уччано, всеобщего миротворца, вражда между Медичи и новым главой дома Альбицци, Ринальдо, разгорелась с удвоенной силой. Народ, всегда готовый приветствовать нового героя, поддерживал Альбицци против поднадоевшего Медичи. Город раздирали анархия и борьба фракций. В 1433 году Ринальдо Альбицци одержал победу на выборах в Синьорию.

Козимо, так уповавший на свое влияние, был обвинен в стремлении захватить власть и призван во дворец Синьории для допроса. Близкие убеждали его бежать из города, пока это еще возможно. Однако он, уверенный в своей невинности, предпочел явиться перед обвинителями и был заключен в палаццо Веккия. Ему инкриминировали подкуп, взяточничество и измену; его сторонников Руччеллаи и Альтовити обвинили во взяточничестве.

Козимо поместили в небольшую комнату в дворцовой башне. Узника охранял Федерико Малавольта. Из места своего заключения Козимо видел и слышал все, что происходило на площади, и услышанное ему не нравилось. Опасаясь за свою жизнь, он за четыре дня съел только немного хлеба и не притрагивался к другой пище. Видя это, тюремщик заверил, что не собирается его травить; пусть Козимо не опасается за свою жизнь, ибо у него много друзей не только в городе, но и во дворце. И чтобы узник более не боялся, он сам отведал принесенную еду.

Историки единодушно утверждают, что из своего заточения Козимо сумел подкупить гонфалоньера справедливости. Впрочем, говорили и о том, что его помиловали,

поскольку многие помнили его великодушие и благородство. Итак, вопреки желанию Ринальдо Альбицци, который требовал смерти своего врага, Козимо был только изгнан из Флоренции. То же самое выпало на долю Аверардо и многих других из дома Медичи.

Спасаясь бегством, Козимо, слава которого разнеслась далеко за пределы города, повсюду был встречен с большой честью. Пистойя и Феррара выражали ему свою преданность; в Венеции его называли «одним из могущественнейших властителей» и приглашали к себе навсегда.

Медичи были сильны не только своими деньгами и деловыми связями, но и расчетливым поведением. Слово мимоходом их сторонники вспоминали о давнишней (1378 год) попытке семьи Альбицци захватить власть в республике и изменить конституцию. Ведь только благодаря бдительности Сильвестро Медичи, поднявшего народ, удалось предотвратить гибель республиканских ценностей.

Медичи держались просто и старались привлечь на свою сторону народные низы. Поэтому победитель Ринальдо Альбицци не чувствовал себя спокойно и даже подумывал о том, чтобы снова предоставить градам политические права и сделать своими союзниками. Но один из его соратников решительно возразил, «указав на высокомерие градов и вообще невыносимый их характер, добавив, что нет необходимости идти в рабство к градам, чтобы избежать сомнительной опасности со стороны народных низов».

Сторонники Медичи продолжали активно действовать во Флоренции, и благодаря их стараниям в новую Синьорию были избраны, в основном, их ставленники. Альбицци, предвидя для себя недоброе, пытался поднять вооруженное восстание, но его люди проявили нерешительность. Тем временем Синьория ввела в город войска и заняла все укрепленные позиции. После этого было решено вернуть Козимо и всех изгнанников вместе с ним, а Ринальдо Альбицци и его приспешников изгнать. Изгнанию подверглось столько флорентийских родов, что мало было в Италии городов, где бы они не обосновались.

Уже в 1434 году флорентийцы упростили Козимо вернуться обратно в город.

Н. Макиавелли утверждал и, возможно, сам хотел верить, что Козимо возвратился из изгнания триумфатором. На самом деле тот избегал скоплений народа, пробирался домой малоллюдными улицами и вечером шестого октября прибыл в свой любимый пригородный дворец — виллу Карреджи.

Его возвращение означало для Флоренции конец республиканского правления, хотя по названию город продолжал оставаться республикой, декларируя принципы и идеалы всеобщего равенства.

В действительности единственным властителем Флоренции был Козимо, как, впрочем, и тогда, когда носил иные знаки власти.

Но как ни иллюзорны были республиканские свободы, они заставляли правителя демонстрировать демократичность и коллегиальность.

Так случилось и тогда, когда Козимо решил вмешаться в события в Миланском герцогстве.

Милан — грозный страж полуострова, расположенная сразу за Альпами преграда для королей Франции, Германии и других европейских соседей, простирающих жадные руки к Италии. Его правители-тираны из страшного рода Висконти незыблемо охраняли свои границы от нападений с севера. К югу же они упорно искали себе новых земель и владений. В 1390 году Джан Галеаццо Великий выступил в поход против Тосканы и захватил принадлежавшие ей Перуджу, Сиену, Пизу, Болонью. Миланские войска были уже почти под стенами Флоренции, когда смерть от чумы Джан Галеаццо избавила город от ужасов осады.

Все достижения Джана рухнули при его старшем сыне Джованни Марии Анджело, который за тиранство был убит народом Милана.

Второй его сын, грубый и коварный Филиппо (1392—1447), тоже не был другом флорентийцев. Когда могущество его окрепло, он, подобно отцу свосму Джану Галеаццо, стал подумывать о нападении на Тоскану. Опасность с севера заставила правительство Флоренции объединить (1425) свое войско с отрядами Венеции против Милана, но, потаскав для хитроумных венецианцев каштаны из огня, флорентийцы ничего не получили взамен. Следовало выбирать другую тактику.

После кончины герцога Филиппо, последнего мужского представителя дома Висконти, в условиях тяжелой войны с Венецией на власть в герцогстве претендовал

Франческо Сфорца. Происходя из семьи простых землепашцев, Сфорца, благодаря удаче и ловкости достиг высших степеней власти и почета. Он был умен, отважен. Многочисленные победы принесли ему преданность солдат. Франческо верно служил Висконти более 20 лет и, наконец, выслужил возможность жениться на единственной наследнице герцога, его внебрачной дочери Бьянке-Марии, с рукой которой получал власть в Милане.

Зять и теще не всегда ладили. В 1434 году Сфорца сражался на стороне Флоренции, в то время врага Висконти. Козимо поддержал Сфорца, несмотря на противодействие Венеции и сопротивление Альбицци. Но республиканские настроения в Северной Италии взяли верх: городским патрициатом была создана Амброзийская республика, названная так в честь патрона Милана Св. Амброзия. Она просуществовала недолго — с 14 августа 1447 по 27 февраля 1450 года. Законодательную власть в республике осуществлял Совет девяност, исполнительную — выборные от кварталов: 24 «капитана и защитника свободы». Однако вожделенные республиканские вольности оказались столь же неудобными миланцам, как и тирания. Притерпевшиеся жить под властью Висконти, миланцы так и не привыкли к республиканскому управлению. Увеличение налогов и принудительный заем для войны с Венецией вызвали всеобщее недовольство и свержение правящей верхушки.

Франческо Сфорца был приглашен занять престол миланских герцогов. Он не забыл поддержки Козимо в трудное для него время. Авторитет Флоренции в Милане не-

измеримо возрос; Сфорца считал Козимо своим другом, вовлекал как союзника в политические дела, и тот стал вовсе незаменимым человеком во флорентийском правительстве.

Но за Альпами прекращение династии Висконти вызвало законный интерес Франции. Династические браки издавна связывали миланский и французский правящие дома. Джан Галеаццо в 1386 году женился на 12-летней Изабелле Валуа, ссудив крупную сумму денег ее отцу Иоанну Доброму Французскому, потерпевшему полный разгром при Пуатье и увезенному в плен в Англию. После этого Джан Галеаццо стал прозываться «графом Вирту¹», так как получил в приданое французское графство Вертю.

Через три года Валентина Висконти, дочь Джана Галеаццо, была выдана за брата французского короля, Людовика Орлеанского. После прекращения в Милане династии Висконти герцогиня Орлеанская рассматривалась французами как единственная законная наследница миланского престола. Такое признание прав Валентины имело далеко идущие последствия. Однако до поры до времени дальше дипломатических заявлений дело не шло.

При дружеских отношениях с Миланом Флоренция не опасалась вооруженных конфликтов на севере и продолжала цвести и богатеть. Зачинщик несогласия Альбицци и его главные приспешники оставались в пожизненном из-

¹ По-итальянски «вирту» — добродетель. Обыгрывается совершенная беспринципность Джан Галеаццо и буквальное значение его нового титула.

гнании. Других же, не столь замешанных, Козимо как государственный человек не стал подвергать высылке. Вместо жестокого возмездия своим врагам он только незаметно наблюдал за ними и никогда им полностью не доверял. Но и в притеснениях замечен не был. Если бы он оставил воспоминания, то с полным правом мог бы сказать, что в его правление не было ни одной смертной казни.

Именно с именем Козимо связано начало эпохи Кватроченто (от ит. quattrocento — четырехсотые годы), периода диктатного Возрождения в Италии. Благодаря ему Флоренцию — «дочь Афин, мать философии» — сегодня называют колыбелью гуманизма.

Однако Медичи не были первооткрывателями литературы и высоких искусств. Казалось, с давних пор сама земля Тосканы производит и питает таланты. Куртуазная поэзия, шедшая с европейского севера и с провансальского юга, удачно сомкнулась во Флоренции, где знатный Гвидо Кавальканти (ок. 1260—1300) и целая плеяда способных молодых людей из магнатской и пополланской верхушки придали ей рафинированность и завершенность.

Уроженец Флоренции Данте Алигьери (1265—1321), не только философ и политический мыслитель, но и знаменитый поэт, создал «Божественную комедию» — своего рода энциклопедию средневековой итальянской жизни и истории. Данте вобрал все, что было значительного в недолгой истории итальянской литературы, начавшейся с 30-х годов XIII века.

Вблизи Флоренции, в городке Ареццо, родился великий итальянский гуманист, поэт, философ и обществен-

ный деятель Франческо Петрарка (1304—1374), который считается родоначальником гуманизма эпохи Возрождения. Человек не менее сложных противоречий, чем его предшественник Данте, Петрарка стал выразителем новой идеологии, целью которой видел совершенствование человека. Его поэтический гений завоевал славу, равную Данте. Он создал блестящие произведения на итальянском языке и латыни, отдавая предпочтение классической филологии. Латынь Петрарки была «изысканной и беглой», его итальянский — «игра живых метафор и аллегорий».

Флоренция воспитала Джованни Боккаччо (1313—1375), здесь он написал «Декамерон», ставший образцом совершенства языка и стиля для итальянских авторов, классикой мировой литературы.

Менее известен гуманист Колуччо Салпотати (1331—1406), сочетавший занятия наукой с политической деятельностью, более 30 лет занимавший должность канцлера Флорентийской республики. Основной идеей его творчества стал тезис: поскольку базой законов является справедливость, уважение к ним есть добродетель, а высшее ее проявление — любовь к отечеству. «Две вещи есть среди самых приятных, — писал Салпотати, — родина и друзья».

Писатели и философы принимали самое непосредственное участие в политической жизни Флоренции, часто приобретая репутацию истинного гражданина и патриота, виртуозно исполняли дипломатические поручения. Гуманисты становились властителями душ молодежи и формировали общественное мнение.

Во Флоренции творили всемирно известные живописцы Чимабуэ, Фра Анжелико и Джотто ди Бондоне (ок.1266—1337), скульпторы Никколо Пизано (1205—1278), Оттавио Джованноцци и ди Камбио, архитекторы Таленти и др.

На Апенинском полуострове, где наиболее решительно был сломлен старый уклад жизни, Возрождение (Ренессанс) ¹ началось раньше и проявилось ярче, чем в других западноевропейских странах. И самыми быстрыми темпами развитие новых идей шло во Флоренции.

Одним из первых в городе и во всей Италии Козимо стал собирать вокруг себя людей науки и искусства, не жалея средств для приобретения картин, статуй, редких фолиантов. Щедрый меценат, он состоял в дружеских отношениях с известнейшими художниками и учеными, которые в городе Медичи созидали величайшие культурные ценности Ренессанса. Его круг общения составляли архитекторы Донателло, Брунеллески, Микеллоццо, семья делла Роббио, художники Филиппо Липпи, Фра Анджело, Доменико Веннециано. Позднее в него влились писатели-гуманисты Анджело Полициано, Веспасиано ди Бистичи, Платина и Пико делла Мирандолла, создававшие здесь свои творения, которые потрясли мир.

¹ Возрождение, или Ренессанс — термин, обозначающий эпоху, начавшуюся в XIV—XV веках и закончившуюся в XVI веке. Люди Возрождения склонны были рассматривать новую культуру, прежде всего, как восстановление, возрождение древней, античной культуры.

Козимо был свидетелем и активным деятелем раннего Возрождения, когда после многих веков духовного застоя появились новые философские воззрения, возникло новое искусство.

Наиболее близок к Козимо был Донателло, который в 1430 году создал для дворца Медичи свою знаменитую «Юдифь», которая позже стала символом республики и была выставлена перед Старым дворцом (палаццо Веккиа). Брунеллески начал работу для семьи правителей строительством церкви Сан-Лоренцо, которую Донателло после возвращения из Падуи (Козимо в это время уже умер) украсил своими последними произведениями — тремя церковными кафедрами. Филиппо Липпи создал для этой церкви прекрасное «Благовещение». Микелоцци, которого Козимо выделял из всех архитекторов, построил перед дворцом Виа Ларга монастырь Сан Марко, такой же, как для доминиканцев во Фьезоле. Потворствуя вкусам своего заказчика, он предусмотрел в монастыре великолепную библиотеку в своей манере: с просторными залами, с ритмично чередующимися арками, свойственными интерьерам флорентийского ренессанса. В ответ монахи-доминиканцы в знак почтения выделили Козимо отдельную келью, куда он мог удаляться для размышлений.

Больше всего Козимо любил книги. Это увлечение разделял с ним его личный друг Никколо Николи, богатый купец, истративший все состояние на приобретение фолиантов. В своих библиотеках приятели собрали множество раритетов, рукописных и печатных. Эти книги стали

основой первой со времен античности публичной библиотеки, основанной Козимо по завещанию Никколо.

Козимо не был чужд не только латыни, но и греческого языка; не будучи ученым-эрудитом, он любил обращаться к древней литературе, участвовал в обсуждении философских тем с виднейшими мыслителями своего времени. Его непосредственными учителями были Роберто Росси и Хризолор.

Повсюду в Италии проводились археологические раскопки. Флоренция ввела в моду коллекционирование произведений античного искусства. Город являлся обширным питомником, в котором Европа черпала зодчих, скульпторов, живописцев, ювелиров. Определение «флорентийский мастер» означало знак качества, и постепенно мастера из умелых ремесленников превращались в творцов, осознающих свою уникальность и избранность.

Филиппо Липпи (1406—1469), беспокойная, горячая натура, не успел кончить один из многочисленных уже оплаченных ему заказов, и вдруг почувствовал, что его тянет в другое место. Когда на него пожаловались Козимо, тот сказал: «Оставьте перед ним двери открытыми. Художники — не выючные животные. Их нельзя ни запиравать, ни принуждать к работе...». Козимо не стал удерживать Филиппо, несмотря на то, что выплатил ему вперед большую сумму. Когда Липпи похитил из монастыря принявшую обет Лукрецию Бути и влюбленным грозили церковные кары, Козимо ходатайствовал перед папой римским об освобождении обоих от обета ввиду великого таланта Филиппо.

Столь же заботливо и рачительно он относился к представителям естественных наук. Знаменитый математик, астроном, врач, философ и географ Паоло Тосканелли обогащал своими изысканиями престиж города и получал содержание от правителя. Тосканелли впервые определил широту и долготу Флоренции, вычертил карту, благодаря которой стало возможным путешествие его ученика Колумба и открытие Америки.

В 1439 году Медичи участвовали во Вселенском соборе, на котором была сделана попытка разрешить споры между римско-католической и греческо-ортодоксальной церквями. Такие высокие персоны, как папа римский, византийский император Иоанн VIII Палеолог и патриарх Константинополя, встретились, чтобы торжественно отметить слияние римской и византийской церквей¹. Они были личными гостями дома Медичи. Все увиденное позволило им утверждать, что Флоренция — центр мира.

Двадцатью годами позже живописец Беночцо Гоццоли представил это историческое событие на своей поэтической фреске в капелле дворца Медичи.

Предположительно художник изобразил на ней Контессину Медичи, женщину интеллигентную и благочестивую, — силуэтом в тени ее супруга. Во всяком случае, сохранились ее письма к папе, наполненные глубокой благодарностью за посещение ее дома.

¹ Этот альянс, призванный противодействовать турецкому нашествию на Византию, оказался недолговечным и нежизнеспособным.

Сейчас доказано, что некоторые горожане маленькой Флоренции могли приветствовать папу и других важных гостей во дворце Медичи, не ощущая при этом превосходства аристократов. Художники же сидели за столом как равные земным властителям.

Почти все гуманисты XV века являлись идеологами принципата, консультантами и панегеристами князей. Правители умело пользовались поднявшимся значением писательского труда. Многие князья, кардиналы и даже папы становились под знамена гуманизма, создавая при своих дворах академии и поощряя литературное творчество на латинском языке. Гуманисты впервые заставили осознать культуру как компонент политической власти, и правители, особенно такие проницательные и дальновидные, как Козимо Медичи, умело это использовали.

Сначала у гуманистов большой популярностью пользовалась стоическая философия; затем на смену ей пришло увлечение эпикурейским учением. Во второй половине XV века во Флоренции завоевывает позиции платонизм.

После заключения Флорентийской унии Козимо, решительный сторонник Платона, объявил об основании Платоновой академии. Главой ее был назначен философ-гуманист Марсило Фичино. Он создал «ученую религию» на базе «благочестивой философии», пытаясь соединить догматику Священного Писания, учения отцов церкви, арабскую и еврейскую философию, учение Платона и неоплатонику. Основной тезис его учения заключался в утверждении, что величие человека — в его свободе, но свобода человеческого по-

знания есть свобода от мира вещей, а не от Бога. Знание есть познание истины внутри человеческого разума, но это самосозерцание — не пассивность, а активное действие заключенной в человеке частицы божественного интеллекта.

Язвительный Фичино редко смеялся от всей души, без насмешки. Но ум его был остр, как миланский кинжал, а анализ безжалостен, как кондотьер.

Козимо вызвал Иоанна Аргиропулоса из Византии, Андроника из Фессалоник. Им он вверил воспитание своих сыновей, затем внуков Лоренцо и Джулиано. Вместе с юным Медичи одним из первых учеников академии стал Анджело Амброджини (1454—1494), принявший имя Полициано, сын провинциального юриста. В возрасте четырнадцати лет он прибыл во Флоренцию, чтобы получить образование, и обратил на себя внимание Медичи своими огромными способностями. В 17 лет он уже свободно писал по-гречески оды, элегии, эпиграммы, создал поэму «Орфей». В 20 лет выступил с итальянскими стансами, поражающими поэтическим одушевлением, изяществом образов, тонким пониманием природы¹. Подражая отчасти Феокриту, Вергилию и другим древним классикам, он написал нечто новое и оригинальное и, слив воедино свои заимствования, до неузнаваемости изменил старые формы.

¹ Во время своего пребывания в Италии с ним познакомился Максим Грек и впоследствии, уже находясь в Москве, с уважением и похвалой отзывался о Полициано.

Лоренцо, будущий правитель, и Анджеоло мужали над текстами философов древности. В эти годы возникла их дружба, продлившаяся до самой смерти.

Никто не мог сравниться с Полициано в критике и толковании античных авторов. Он не только стал преподавать латинское и греческое красноречие знатным флорентийским юношам, разъясняя глубины платонизма, он, по существу, стал самым последовательным гуманистом эпохи. Он решительно выступал против сословных ограничений, считая, что не знатность рода и богатство, а только личные достоинства и заслуги приносят человеку славу и уважение.

Не щадя сил в исследовании всего доступного рукописного материала, он углублял собственные знания, и скоро его приговор стал являться окончательным решением самых спорных вопросов. У его ног собирались не только итальянцы, но студенты из Германии, Англии, Фландрии, присажали даже из Шотландии, Швеции и Польши.

Идеалы гуманизма не мешали населению Флоренции быть глубоко религиозным, впрочем, сочетая веру в Христа и Мадонну с почитанием языческих богов. Высокий уровень образования соседствовал с ярким и непреодолимым стремлением к роскоши и сибаритству, нравственным упадком. Однако семейные добродетели еще не обратились в объект глумления и высмеивания, как это стало несколькими десятилетиями позже. Козимо сочетал в себе искреннюю и страстную веру и стремление проникнуть в суть вещей. Его приверженность к семейным ценностям вызывала уважение горожан.

В 1416 году, в год свадьбы Козимо и Контессины, родился Пьеро, а пятью годами позже — Джованни, любимец отца и его предполагаемый преемник.

Пьеро, который впоследствии получил прозвище Подагрик, был болезненным и нелюдимым человеком, поскольку чувствовал большую склонность к духовной жизни, готовясь к возвращению в небытие. Как старший сын и наследник фамилии, он был женат и имел детей, но душой стремился к Богу; политика и власть мало его привлекали. Однако судьба решила иначе. Его младший брат Джованни, которого все считали преемником Козимо, умер в 1463 году, годом раньше отца. Правитель рано женил его на флорентийке Корнелии Алессандри, хотя за него с охотой отдали бы принцессу. Их маленький сын, названный в честь деда, умер вскоре после рождения. Пьеро пришлось смириться с мыслью стать в дальнейшем главой фамилии, что ко многому обязывало и нарушало его планы уединенной и благочестивой жизни.

Козимо и Контессина старились вместе. Вместе пережили они боль утраты от смерти сына Джованни и внука Козимо.

Незадолго до своей смерти Козимо писал: «Я больше не могу, я чувствую, как уходят мои силы, я знаю, что скоро покину этот мир». Уже через месяц он ослеп, по его словам, «стал жить в темноте». Поэтому сомнительными кажутся заверения его панегиристов, что он умер, склонясь над древними манускриптами, держа в руках «Диалоги» Платона.

Состояние его здоровья ухудшалось день ото дня, но присутствие духа он сохранил до конца, который наступил первого августа 1464 года.

Контессина пережила своего супруга на девять лет. Всеми почитаемая, она скончалась в октябре 1473 года и была оплакана семьей и всем городом.

Козимо правил Флоренцией 30 лет, не принимая никакого титула. После смерти его стали называть «отцом Отечества» и соорудили великолепную гробницу в церкви Сан-Лоренцо.

ПЬЕРО МЕДИЧИ (ПОДАГРИК) (1416—1469)

Наследником Козимо стал его сын Пьеро. Человек осторожный и подверженный многочисленным хворям, на вид почти робкий, он, однако, не был лишен талантов и доблести, что и проявил в течение своей недолгой жизни. Его рано поразила болезнь богатых, вкусно и жирно питающихся людей — подагра¹, поэтому его так и называли — Пьеро Подагрик. Его отличали осмотрительность и склонность к компромиссам, люди считали его одновременно деятельным и благоразумным. Более всего он дорожил гармонией и согласием в государстве, а в людях ценил душевную красоту.

Брак Пьеро едва не привел к конфликту: Франческо да Баттифоле, властитель Болоньи, надеялся, что супру-

¹ В наши дни его болезнь диагностируется как полиартрит.

гой старшего сына дома Медичи будет избрана его дочь Гвальрада, но Козимо решил, что выгоднее и разумнее женить сына на Лукреции Торнабуони. Оскорбление, нанесенное семье Баттифоле, привело к разрыву Болоньи с Флоренцией.

Лукреция, о которой Козимо как-то сказал, что она — «единственный мужчина в семье», родилась в 1424 или 1425 году и в 18 лет стала супругой Пьеро.

Торнабуони были известным дворянским родом, уважаемым во Флоренции. Лукрецию любили в городе, а в дом Медичи она принесла теплоту и сердечность. Она была некрасива, но жизнерадостна, интеллигентна и добροжелательна. Она не отличалась крепким здоровьем: близорукая, не различающая запахов, Лукреция быстро уставала, была подвержена разнообразным хворям и вынуждена часто лечиться. Но болезненность не сделала ее ипохондриком, как искренняя набожность не сделала святошей. Она обладала несомненным литературным даром, что ярко проявилось в ее переписке с сыном Лоренцо и другими родственниками. Кроме того, она сама пробовала писать стихи, и некоторые из них носили отпечаток несомненного таланта. Светская лирика Лукреции Торнабуони утрачена, сохранились лишь принадлежащие ее перу пять поэм на темы Священного Писания и один сонет более светского содержания. По крайней мере, итальянцы, называя ее имя сейчас, прибавляют: «Поэтесса».

Всю жизнь она творила добро, умела самоотверженно любить, не скупясь, дарила преданность и получала ее от своих родных, была связана с ними теплой душевной бли-

зостью. Для детей она всегда оставалась нежной матерью, и со своими невестками, происходившими из просвещенных фамилий, поддерживала добрые отношения и часто обменивалась письмами. Щедрость Лукреции, известная всей Тоскане, не была безоглядной; в ней, как в истинной флорентийке, присутствовала деловая предпринимательская жилка.

Семья Торнабуони отличалась сплоченностью и большой взаимной привязанностью. Брат Лукреции, Джованни, заказал знаменитому живописцу Доменико Горландайо цикл фресок для украшения своей семейной капеллы во флорентийской церкви Сан-Мария Новело: «Рождество Богородицы» и «Рождество Иоанна Крестителя». В персонажах фресок современники узнавали знакомые лица, в частности — Лукрецию и ее детей.

Флорентийцы относились к молодой чете с симпатией и глубоким почтением.

Иностранные правители отдавали Пьеро дань уважения. С ним считались герцог Модены и Мантуи, венецианский дож, герцог Милана, а более всех — король Людовик XI, который разрешил ему включить в свой герб лилии Франции. Теперь герб Медичи представлял собой «...на золотом фоне шесть шаров. Верхний лазурный с тремя золотыми лилиями, остальные пять червленые». Шары в гербе, увенчанные лилиями, подозрительно напоминали корону.

Отец Пьеро оставил ему доверенных советников: Диотисальви Нерони, человека весьма влиятельного и пользовавшегося у сограждан большим уважением, и Луку

Питти. Однако, как показало время, Диотисальви оказался вовсе не другом Медичи. Личное честолюбие он ставил выше интересов дома своего патрона.

В свое время Козимо, стараясь заручиться сторонниками во Флоренции и друзьями за ее пределами, был так щедр на деньги, что Пьеро теперь являлся работодателем на сумму весьма немалую, которая могла стать для него существенно важной. Диотисальви дал правителю совет, казавшийся вполне разумным, но по существу своему гибельный: потребовать возврата долгов как у сограждан, так и чужеземцев. Пьеро, которому хотелось поправить дела своими средствами, этот совет понравился. Но едва лишь он распорядился потребовать возвращения займов, должники пришли в негодование, словно он домогался не своего добра, а пытался присвоить их кровное. Правителя повсюду поносили, называя неблагодарным и жадным.

Добившись всеобщего недовольства, Диотисальви объединился с Лукой Питти, Аньоло Аччаюоли и Никколо Содерини. Сообща они решили отобрать влияние и власть у Пьеро, хотя побуждения и цели преследовали совершенно различные.

Лука Питти хотел занять место Козимо. Он был настолько знатен, что его раздражала необходимость считаться с Пьеро. Коварный Диотисальви отлично знал о неспособности Луки удерживать кормило власти и надеялся стать его главным советником и управлять им.

Идеалист Никколо Содерини преследовал только благородные цели — всей душой он желал для Флоренции свободы и республиканского правления.

Аньоло Аччаюоли, друг и почти родственник Медици — его дочь Лаудомина была выдана за двоюродного брата Пьеро, Пьерфранческо, — действовал из мести. Его сын Рафаэло женился на Александре Барди, которая принесла ему очень значительное приданое. Но свекр и муж обращались с ней настолько плохо, что она вынуждена была просить помощи у своих родных. Как-то ночью вооруженные люди напали на дом Аньоло и похитили молодую женщину. Когда Аччаюоли обратился к Козимо, тот стал на сторону родных своей супруги Контессины Барди и постановил вернуть Александре ее приданое, а возвращаться или нет к мужу — оставить на ее усмотрение. Аччаюоли расценил это решение Козимо как недружественное, и теперь хотел отомстить его приемнику.

Хотя побуждения у заговорщиков были разные, говорили они лишь об одном: о стремлении республики к свободе. В это время многие торговцы разорились и виновником разорения открыто называли Пьеро. К этим поводам для недовольства добавились еще переговоры, которые Пьеро вел о брачном союзе между своим первенцем Лоренцо и принцессой из могущественного римского рода Орсини — Клариче. Ранее планировался брак наследника с племянницей Содерини, но по неизвестной причине Лоренцо не пожелал взять ее в жены. Переговоры послужили новым предлогом для клеветы: уж если он не желает, говорили по этому поводу, породниться с каким-либо флорентийским домом, значит, перестал довольствоваться положением флорентийского гражданина и хочет стать властителем родного города.

Главари заговора считали уже, что победа в их руках, так как большая часть граждан готова была следовать за ними, околдованная словом «свобода».

Правительство решило отвлечь горожан каким-нибудь общественным увеселением. Сославшись на то, что уже прошел год со смерти Козимо, устроили торжественное празднество: шествие трех восточных царей — волхвов, которым звезда указывала на место рождения Христа. Представление обставили с такой пышностью и великолепием, что в течение нескольких месяцев весь город был занят подготовкой к празднику и самим праздником. Вторым развлечением стал турнир, где выступали самые видные юноши города вместе с наиболее прославленными рыцарями Италии. Среди флорентийцев наиболее отличился Лоренцо Медичи, завоевав первое место не из-за своего имени, а исключительно благодаря личным достоинствам.

Наследник рода Медичи посвятил свою доблесть Лукреции Донати (1447—1501), недоступной платонической возлюбленной.

Романтичность в сочетании с вольностью нравов была в Италии XV века делом обычным. Ничто не мешало юношам из лучших фамилий прямо из объятий благородных куртизанок, а то и простых служанок спешить к письменному столу, чтобы запечатлеть удачно найденный образ или оригинальное сравнение для целомудренной и недосягаемой просвещенной возлюбленной.

Такой прекрасной, но недоступной дамой стала для 16-летнего Лоренцо 18-летняя Лукреция, верная супруга

Никколо Ардинчелли. Юный Медичи воспевал ее в своих стихах под именем Дианы, превознося как свою светлую звезду, блистательное солнце, богиню, явившую земле небесное совершенство.

На турнире 7 февраля 1469 года Лоренцо выступал под штандартом работы Верроккьо, изображающим молодую женщину, плетущую венки из зеленых и коричневых веток лавра, с девизом «Эпоха возвращается». Считалось, что Верроккьо изобразил на штандарте Лукрецию. Об этом много судачили в городе.

Под Лоренцо гарцевал вороной конь, юноша был опоясан алым шарфом Лукреции, а на его шлеме развевались пышные черные перья. На буланом коне в серебряной кольчуге с белыми перьями на шлеме и голубым шарфом Симонетты Веспуччи выступал его младший брат Джулиано.

Однако праздники закончились, а будни принесли новые раздоры и смуты.

Одним из предлогов была кончина Франческо Сфорца, герцога Миланского, которому Флоренция ежегодно платила определенную сумму.

Наследник герцогства Галеаццо Мария по дипломатическим делам пребывал в это время во Франции. Его мать Бьянка, женщина властная, имевшая повсюду большой авторитет, после смерти мужа решительно отстаивала права своего дома на наследственную власть в герцогстве. Она сберегла трон для сына. Около года Бьянка и Галеаццо правили совместно. И хотя новый герцог не обладал той силой характера, которая была свойственна обоим его ро-

дителям, избыток тщеславия не позволял ему смириться с подобной опекой. Бьянка умерла при весьма подозрительных обстоятельствах. Подозревали, что сын отравил ее.

Галеаццо покровительствовал искусствам и прослыл меценатом. Он снискал известность во всей Италии, а также в соседней Франции, Бургундии и Савойе как искусный любимец женщин. Праздники сменялись карнавалами, охоты — концертами. Никто из правителей эпохи Возрождения не мог сравниться с ним в расточительности. Его великолепная жизнь прерывалась попытками совершенствования экономики Милана. По словам современников, он имел большую власть при отсутствии всякого опыта, сам не умел принимать полезных решений и другим не давал. Но другие отзывы не столь уничижительны; его называют мудрым правителем, твердо соблюдающим союзный договор с Флоренцией и Неаполем.

При рождении первого сына миланского герцога, названного в честь великого Висконти Джан Галеаццо, Лоренцо Медичи прибыл в Милан для участия в крещении наследника. В своих воспоминаниях он писал: «Я был великолепно принят, удостоившись больших почестей, нежели кто-либо другой, прибывший с той же целью, даже если он был более этого достоин, чем я; ...герцог пожелал, чтобы я был крестным отцом всех его детей»; и в самом деле, он им стал.

Приняв бразды правления, Галеаццо направил во Флоренцию послов для подтверждения союзнического договора. Противники Медичи при обсуждении этого вопроса открыто выступили против соглашения, заявляя, что

дружбу Флоренция вела с Франческо, а не с Галеаццо. Пьеро возражал, что не стоит из-за скупости терять такого полезного союзника и позволить венецианцам, которые только об этом и мечтают, захватить Милан.

Противники Пьеро собирались в церкви Пиета, стремясь во что бы то ни стало погубить правителя, только никак не могли договориться о способе действий. Наиболее рьяные предлагали уничтожить его, взяв на жалованье известного кондотьера¹ герцога Феррарского, другие ждали выборов новой Синьории.

При выборе высшей магистратуры гонфалоньером справедливости стал Никколо Содерини. Казалось, заговорщикам улыбнулась фортуна. Но у Никколо был брат Томмазо, женатый на сестре Лукреции Торнабуони, который отличался от безоглядного Никколо большей рассудительностью. Он был связан с Пьеро не только свойством, но и узами прочной дружбы и так направил действия брата, что они в целом не принесли вреда правителю. Партия власти становилась все влиятельнее.

Тогда враги решили силой достичь того, чего не смогли добиться законным путем. Они намеревались умертвить Пьеро, который лежал больной в Кореджи, вызвав для этой цели войска брата Борсо Феррарского. Диотисальви

¹ Кондотьер — предводитель наемных военных отрядов (от слова «кондотта» — договор на руководство армией). Обострение борьбы между итальянскими государствами дало возможность некоторым кондотьерам стать самостоятельными государями (Ф. Сфорца в Милане) или играть решающую роль в каком-нибудь государстве. Иногда кондотьерами становились представители знатных итальянских фамилий: Гонзаго, Монтефельтро, Барбиано.

Нерони, чтобы скрыть эти замыслы, часто навещал Пьеро, говорил ему, что в городе все спокойно, убеждал всячески оберегать единение граждан и во всем положиться на него. Тем временем его брат Франческо вербовал новых сторонников, не все из которых поддавались на его уговоры, а некоторые прямо докладывали о его происках Пьеро.

Наконец, тот решил первым взяться за оружие, тем более что договор заговорщиков с Феррарой давал ему на это основания. Несмотря на тяжелейшую болезнь, Пьеро проявлял неожиданную энергию в борьбе с попытками лишить его семейство политической власти.

Он вооружился и, окруженный огромной толпой приверженцев, явился во Флоренцию. Тотчас к нему присоединились противники оппозиции. Диотисальви Нерони вместе с Никколо Содерини пытались заставить Луку Питти сесть на коня и выехать на площадь, чтобы защитить Синьорию. Но тот больше не питал враждебных чувств к Медичи. Одна из его племянниц уже была наречена невестой Джованни Торнабуони, ожидалась и другие брачные союзы и новые выгоды.

Восстание захлебнулось.

Некоторые все-таки упрекали Пьеро за то, что он вооружился. Он отвечал, что всегда был известен любовью к покою и миру; оружие оставалось в пределах его дома, что ясно доказывало его намерение — только защищаться. Обернувшись к Диотисальви Нерони и его братьям, он сурово и негодуя попрекнул их благодеяниями, полученными ими от Козимо, доверием, которое тот всегда

им оказывал, и их черной неблагодарностью. В речах его была такая справедливость и сила, что многие из присутствующих готовы были расправиться с Нерони, если бы Пьеро их не удержал.

Скоро было избрано новое правительство, состоящее почти целиком из сторонников Медичи. Этот переворот привел в панику противников Пьеро. Аньоло бежал в Неаполь, Диотисальви Нерони и Никколо Содерини — в Венецию. Беглецы были объявлены мятежниками. Джованни Нерони, бывший тогда архиепископом Флорентийским, добровольно удалился в изгнание в Рим, опасаясь мести Медичи.

Ни болезнь, ни сложная ситуация в городе не помешали Пьеро организовать в 1441 году конкурс на сочинение итальянских стихов. Эти бесхитростные элегии и эклоги показывали всей Италии и сопредельным странам, настолько красив и мелодичен тосканский диалект итальянского языка.

О Пьеро чаще всего упоминается как о тяжело больном человеке, практически инвалиде, занятом исключительно собственным здоровьем. Но такая трактовка не очень согласуется с энергичными действиями правителя против врагов его дома. Современники же знали его как эстета, коллекционера и ценителя прекрасного. «В один день он рассматривает свои древности и изысканные камни, которыми владеет в удивительном количестве, все огромной ценности и разного вида, с инталиями и без них. В созерцании этих предметов и определении их достоинств и цены черпает он радость и наслаждение. В другой день он

уделяет внимание вазам из золота, серебра и других материалов. Ими он также наслаждается, восхваляя качество и мастерство изготовителей. Наконец, третий день он посвящает изучению других ценных предметов, доставленных из разных уголков мира, и разного необычного оружия, созданного для защиты и нападения».

Изгнанные Диотисальви Нерони и Никколо Содерини всеми силами старались побудить венецианский флот выступить против их отечества; Аньоло Аччаюоли написал покаянное, но вместе с тем вызывающее письмо Пьеро, напоминая о своих заслугах и желая получить приглашение вернуться во Флоренцию. Но бывший друг ответил: «Живи без чести в Неаполе, коли не сумел жить среди почта во Флоренции». Тогда Аччаюоли перебрался в Рим и вместе с архиепископом и другими изгнанниками всеми силами старался подорвать кредит торгового предприятия Медичи в Вечном городе.

Изгнанники-флорентийцы будоражили венецианский Сенат рассказами о беззакониях Пьеро. Сенаторы постановили направить Бартоломео Коллони, кондотьера республики, напасть на Флоренцию. Собрали войско, к которому присоединился Эрколе Эсте, посланный герцогом Борсо. Эта армия добилась некоторых успехов, разорив и предав огню небольшой тосканский городок. Но флорентийцы в союзе с Галеаццо Миланским и королем Ферранте Неаполитанским пригласили капитаном своих войск Федерико, графа Урбинского. Галеаццо лично прибыл к месту сражения, чтобы помочь флорентийцам.

Обеспечив себя друзьями, правительство Пьеро меньше считалось с недругами. А те не стремились положить свои жизни за чужие интересы.

Эта вялая война не принесла пользы никому. Изгнанники так и остались вдали от своего отечества, сочувствующих же им или казавшихся таковыми сурово притесняли.

Пьеро мало знал об этих злоупотреблениях, а тем немногим, что были ему известны, не мог уже противодействовать из-за слабости своего здоровья. Тело его стало так немощно, что владел он, можно сказать, одним лишь даром речи. Единственное, что он мог сделать, это взывать к согражданам, умоляя их подчиниться законам и мирно радоваться тому, что отечество их спаслось, а не погибло.

Он успел пышно отпраздновать бракосочетание своего Лоренцо с Клариче Орсини.

Свадьба в такой влиятельной семье — дело, прежде всего, политическое. Клариче, дочь римского патриция Джакомо Орсини да Монтерондо и его столь же благородной супруги Маддалены Орсини, являлась главной наследницей одной из линий этого широко разветвленного рода. Она была племянницей кардинала Наполеоне и двоюродной сестрой знаменитого воина Вирджинио Орсини. В приданое за римской принцессой давали шесть тысяч римских флоринов в звонкой монете, драгоценностях и платьях.

Но любящих отца и мать волновали не только материальная и престижная стороны будущего брака, но и душевный комфорт сына. Меньше всего родители желали,

чтобы он оказался на всю жизнь привязан к уродливой злочке.

Чтобы посмотреть на невесту, Лукреция отправилась в Рим. Она не могла явиться к Орсини, прямо заявив, что хочет заранее оценить достоинства невесты и решить, подходит ли она ее сыну. Пришлось проявить немало хитроумия, чтобы устроить встречу на нейтральной территории. Лукреция увидела пятнадцатилетнюю застенчивую девушку, и та ей понравилась. Правда, сначала будущей свекрови удалось разглядеть немного, но нельзя было не заметить густые рыжие волосы и невинное круглое личико. Потом она в письме к мужу более подробно опишет длинные пальцы Клариче, ее несколько тонковатую, но изящную шею, высокий рост и хорошее сложение. Проницательная Лукреция поставила свой окончательный диагноз: девушка не красавица, но довольно привлекательна и выражение лица у нее доброе.

И все-таки Лукреция не могла удержаться, чтобы не заметить: «Но не идет ни в какое сравнение с нашими принцессами» (речь шла о трех дочерях Лукреции и Пьеро).

Существует «Портрет молодой женщины» — предположительно кисти Боттичелли, предположительно написанный с Клариче Орсини. Изображенная на нем рыжеволосая женщина, действительно, не красавица; что касается выражения ее лица, то рассмотреть его трудно: она написана в профиль.

Вместе с другими молодыми людьми из знатных флорентийских фамилий Джулиано ездил за Клариче в Рим.

Свадьба состоялась четвертого июня 1469 года и была проведена со всей роскошью и великолепием, подобающими такому именитому гражданину. Несколько дней давались балы с танцами в самом модном вкусе, пиры и представления древних комедий и трагедий. Чтобы еще ярче показать величие дома Медичи и всего государства, устроили два военных зрелища: одно изображало кавалерийское сражение в открытом поле, другое — взятие штурмом города.

Клариче пришлось смириться с платоническим обожанием Лоренцо чужой жены, которая наряду с новобрачной, чествовалась ее молодым мужем и всеми его друзьями. Вряд ли это было приятно гордой дочери римских патрицисв. То, что чувства Лоренцо к этой даме чисты и невинны, утешало мало. Впрочем, и супруг Лукреции Донати не возражал против того, что его жена царилла на всех флорентийских праздниках. Что делать! Она любила балы, торжества, великолепные одежды, драгоценности, крупный жемчуг. А он, любя ее, потворствовал ее желаниям. Родственница мужа Лукреции, Алессандра Строцци, настроенная к ней весьма критически, обвиняла ее отнюдь не в неверности, а только в лени и излишнем пристрастии к роскоши.

По-видимому, сама Клариче не сомневалась в истинном характере чувств Лоренцо к Лукреции, куртуазных и целомудренных: спустя год она стала крестной матерью сына Лукреции и Никколо.

Не только Лукрецию Донати называли звездой Флоренции. Возлюбленная Джулиано, Симонетта Каттанео,

именуемая «прекрасной гемуэзкой», считалась первой красавицей всей Тосканы и как высочайший титул носила прозвище Несравненная.

Анджело Полициано описал любовь Джулиано к Симонетте в своей незаконченной поэме «Стансы для турнира». Описания самого турнира в поэме нет, а поэма напоминает широкий и развернутый комментарий к картине, видимой одним Полициано.

В 1471 году на папский престол был избран Сикст IV — 57-летний Джулиано делла Ровере, бывший генерал францисканского ордена. Полный коротышка с крестьянской внешностью, строгими чертами лица, крючковатым носом и маленькими подвижными глазами, он был большим поклонником прекрасного пола. Этот решительный понтифик обожал племянников и племянниц, особенно сыновей своей сестры Бьянки, супруги Паоло Риарио. Он стремился сделать из людей скромного происхождения правителей под стать самым знатым фамилиям Италии. Сикст возвел в кардинальское достоинство пять своих nepотов¹, а десять других родственников назначил на высокие церковные должности. Одного из них, Леонардо, он женил, взяв за ней в приданое город Сора, на незаконной дочери короля Ферранте Арагонского, правившего в Неаполе; брак стал возможным, поскольку папа обещал Ферранте даровать ему титул короля Италии. Для другого, Джованни, он просватал дочь Федерико Монтефель-

¹ Непотизм — (от лат. *peros* — внук, племянник) служебные привилегии, предоставляемые родственникам или друзьям вне зависимости от реальных достоинств.

тро, присвоив тому титул герцога Урбино. Особенно же он отличал «тех двух, которых он называл племянниками» — Джироламо и Пьетро Риарио, — скорее всего, своих сыновей.

Понтифик устроил брак Джироламо Риарио с незаконной дочерью миланского герцога Галеаццо Катариной Сфорца. Для этого своего любимца, папа желал приобрести город Имолу в Романье, однако не имел средств для его покупки. Имола была необходима и Лоренцо Медичи как важный стратегический пункт для обороны Флоренции.

Правитель Фазнцы уступил Милану Имолу при условии, что его выкупит Флоренция. Но Имола была папским феодалом, поэтому Сикст с согласия Милана передал ее Джироламо Риарио. Сикст не любил Медичи. Родовое честолюбие папы стало причиной серьезных конфликтов с Флоренцией, Миланом и Венецией, которые с беспокойством следили за ростом могущества семьи делла Ровере. Тучный старик в тиаре, энергичный и злобный, беспрестанно ссорился со всеми итальянскими государствами и, как стрелы, повсюду рассылал свои интердикты. Но этот суровый и деятельный понтифик оказался тонким ценителем искусства. С его именем связана капелла, построенная при папских покоях в Ватикане — Сикстинская капелла, которая позднее получила широкую известность благодаря росписи ее стен такими знаменитыми творцами эпохи, как Боттичелли, Гирландайо и, наконец, грандиозным изображением «Страшного суда» Микеланджело.

1471 год запомнился флорентийцам еще двумя событиями: рождением наследника фамилии Медичи Пьеро — он появился на свет 15 февраля. А ровно через месяц, 15 марта, когда Клариче, молодая мать, уже могла принимать участие в торжествах, во Флоренцию прибыли Галеаццо Миланский и его супруга Бона Савойская. Возможно, Галеаццо надеялся таким образом сгладить то недовольство среди Медичи, которое вызвала передача города Имолы во власть Риарио. Предлогом для посещения послужило исполнение обета совершить паломничество в церковь Благовещения во Флоренции. Этот визит занимает особое место в анналах Ренессанса: даже критики миланского герцога утверждали: в памяти человечества не было ничего равного ему по великолепию.

«Члены семьи герцога сияли бархатом и шелками. Главные придворные получили золотые и серебряные одеяния. Седла пятидесяти лошадей были покрыты золотой тканью, стремена обернуты шелком, а металлические части вызолочены. Была здесь и дюжина колесниц, которые переправляли через горы на мулах. Платья едущих в них женщин были столь великолепны, что это невозможно вообразить, не увидев. Всего было две тысячи лошадей и двести мулов для перевозки багажа, украшенных попонами из белой и коричневой (цвет Сфорца) дамасской ткани с герцогскими гербами, вышитыми серебром и золотом. Кроме того, Галеаццо взял с собой пятьсот собак различных мастей, а также ястребов и соколов».

Но и флорентийцы не ударили в грязь лицом.

По дороге гостей встретила группа видных жителей Флоренции и компания молодежи, тоже празднично принаряженные. «После чего явились матроны славного города, затем девушки, распеваящие куплеты во славу превосходнейшего государя, затем члены магистрата и, наконец, Сенат, вручивший герцогу ключи от города Флоренции, в который они и вошли с неслыханным триумфом».

Флорентийские женщины разглядывали прекрасную Бону Савойскую, сестру французской королевы, женитьба на которой должна была привлечь к союзу с Миланом североитальянские государства и Францию. По свидетельству Тристано, брата Галеаццо, «...она обладает замечательной фигурой, вполне подходящей для деторождения; лицо, не длинное и не широкое, прекрасные глаза, хотя они могли быть более темными, красивый нос и рот, изящная шея, хорошие зубы и руки; кроме того, она обладает самыми благородными и изящными манерами». Все, кому доводилось ее видеть, признают, что она была весьма привлекательна.

В честь гостей были устроены три представления на религиозную тему. Во время одного из них, демонстрировавшего нисхождение Святого Духа на апостолов, языки пламени подожгли здание церкви Сан Спирито. По свидетельству Н. Макиавелли народ счел этот пожар знаком Божьего гнева, поскольку люди герцога, подобно неверующим, в течение всего Великого поста ели мясо. Герцог тут же щедрой рукой отсыпал на возмещение убытков две тысячи дукатов. Это позволило быстро возвести новую

церковь, постройкой которой занимался знаменитый архитектор Брунеллески.

Н. Макиавелли утверждал, что этот визит привел к печальным последствиям: увеличению роскоши и расточительности во Флоренции. «И если герцог нашел Флоренцию полной куртизанок, погрязшей в наслаждениях и нравах, никак не соответствующих сколько-нибудь упорядоченной гражданской жизни, то оставил он ее в состоянии еще более глубокой испорченности».

Действительно, роскошь состоятельных флорентийцев достигла громадных размеров. Этому способствовало высокое развитие ювелирного дела. Грансные и фигурные украшения, драгоценные камни и жемчуг в оправках, филигранной работы пояса, пряжки, цепочки, кольца, запонки, перстни приобретались знатными людьми за баснословные суммы и вместе с богатыми парчовыми одеждами производили впечатление хотя и тяжелого, но поистине поражающего великолепия. Женщинами стали широко использоваться косметика, разнообразные притирания, румяна, духи, фальшивые волосы, парики, вставные зубы. Голову убирали нитями жемчуга, подвесками из оправленных в золото драгоценных камней или просто золотыми обручами, венками, бантами; вуаль тоже приобрела значение головного украшения; иногда употреблялась пудра для волос.

Все чаще женщины надевали кальсоны и чулки. Особенно отличались в этой области куртизанки. Эти женщины играли большую роль в общественной жизни Флоренции, также как Венеции и Рима. В Риме ношение каль-

сонов запрещалось под угрозой самых суровых кар. Но было трудно определить, надеты ли они под платьем. Если какой-нибудь блюститель нравственности запускал руку подозреваемой женщине под юбку, а тревога оказывалась ложной, согрешившую руку отсекали. Вскоре гонения на кальсоны были прекращены; они превратились в богатый наряд, бросающийся в глаза. Их шили из цветного шелка или бархата, а по краям и швам отделявали шитьем или обшивали узорчатым бордюром. Чулки носили только белые, сделанные из очень тонкой прозрачной ткани, самую качественную из которых поставляла всей Италии Флоренция.

Приято считать, что Лоренцо был весьма склонен к любовным похождениям; в нем прекрасно уживались разнообразные виды любви. Он готов был любить всех молодых привлекательных женщин и, конечно, Клариче как свою законную супругу и мать его будущих детей. Но он умел ценить и мужскую красоту. Ходили слухи, что любовниками Великолепного побывали юный Микеланджело и мужественный Сандро Боттичелли, утонченный Пико Мирандолла и множество других; позднее он почти не скрывал своей связи с Франческо Нери. Но это не было грязным развратом: просто сливались две мощные волны ощущений — восторг душевного и чувственного влечения. Враги обвиняли его в бесстыдном сладострастии, в том, что Флоренция во время его правления стала средоточием вечных праздников и удовольствий.

Но все это передавалось исключительно на уровне слухов; фактических данных о каких-либо выдающихся

безнравственных поступках Лоренцо не имеется. Он был хорошим сыном и не желал огорчать родителей.

Пьеро не судил юношеские увлечения сына. Человек верующий, он был готов к смерти. Его сердце радовало, что будущее детей заботливо устроено.

Бьянка Медичи стала супругой Гульельмо Пацци. Любимая сестра Лоренцо Наннина была выдана за его верного друга Бернардо Руччелли. Но в этом браке не все оказалось гладко. Наннина в 1470 году писала матери: «Тому, кто хочет поступать по-своему, не следует родиться женщиной!»

Джулиано (1453—1478), младший из пяти детей Пьеро и Лукреции, предназначался к церковной карьере. Он, настолько же красивый, насколько был непривлекателен внешне его старший брат, мало описан в источниках. Непонятно, как родители, не отличавшиеся красотой, могли произвести на свет такое чудо. Подвижный и стройный, почти всегда в черном бархате, он обладал спокойствием и веселостью, присущими людям, которым все далось без труда. За красоту его любила вся Флоренция; говорили, что вслед ему вздыхали не только женщины, но и мужчины. Нос хотя и крупный, но прямой, подбородок волевой; глаза большие, золотисто-карие, в обрамлении длинных ресниц, на зависть всем флорентийкам. Изящные, красивой формы губы, ровные белые зубы, густые вьющиеся волосы зачесаны назад, чтобы не закрывать красивого лица. Флорентийцы всегда радостно встречали этого веселого щедрого юношу. Он был начитан и образован так же, как его брат, хотя, может быть, меньше него увлекался

литературой и философией. Это несудивительно. Лоренцо начал свое образование еще при жизни Козимо, придававшего подобным занятиям большое значение, и готов был узнавать новое всю жизнь.

Не обладая теми качествами, которые прославили его старшего брата, Джулиано был достаточно умен, чтобы, используя другие свои преимущества, завоевывать расположение общества. Однако не чуждался дипломатии — брат посылал его с ответным визитом к герцогу Миланскому Галеаццо Сфорца.

Он был первоклассным наездником, очень любил охоту и рыцарские забавы. Именно Джулиано стал героем турнира по случаю свадьбы Лоренцо, в соревнованиях между флорентийцами и венецианцами и многих других.

Пьеро стремился добыть для Джулиано кардинальскую шапку, но Рим — на радость флорентийским женщинам — постоянно находил предлоги отказать дому Медичи.

Итальянские властители всегда отличались каким-то особенным пристрастием к тиранству и уничтожению своих близких. Миланские Висконти и Сфорца, феррарские Эсте, веронские Скалигеры только и делали, что с особой жестокостью убивали жен, мужей, родителей, братьев и сестер. Не то было во время правления первых Медичи во Флоренции. Главная семья государства отличалась сплоченностью, взаимной любовью и заботой

Братья были очень привязаны друг к другу. Временами Лоренцо бывал безумно упрям, придавал чрезмерное

значение внешним проявлениям приличия, проявлял холодный расчет, когда дело касалось политики, и даже становился диктатором, если речь шла о том, как Джулиано должен себя вести и с кем водить дружбу. В то же время он мог быть необыкновенно щедрым, снисходительным и чутким к желаниям младшего брата. Он делился с ним размышлениями и соображениям по поводу любого политического события.

Взаимная любовь и преданность братьев напоминала отношения Козимо Старого и его рано умершего брата Лоренцо.

У Пьеро была внебрачная дочь Мария, которая не воспитывалась с детьми семейства Медичи — Пьеро слишком уважал и любил свою умную жену Лукрецию, — но была официально признана их сводной сестрой. Против этого чувство справедливости Лукреции не могло восстать.

Перед смертью Пьеро сделал попытку усмирить честолюбие знаменитых семей Флоренции, враждующих между собой. Она не принесла успеха. Тогда Пьеро тайно вызвал в Каффаджоло Аньоло Аччаюоли и долго беседовал с ним. Нет ни малейшего сомнения, что, не помешай ему смерть, он бы возвратил в отечество всех изгнанников, чтобы обуздать их соперников. Но было уже поздно. Супруга правителя, зятя и невестка, дети, и особенно самый любимый, первенец Лоренцо, своей нежной заботой скрашивали его последние дни, но и их любовь была бессильна.

Судьба воспрепятствовала осуществлению благородных намерений правителя: измученный телесными недугами и душевными терзаниями, Пьеро скончался на 53 году жизни.

ЛОРЕНЦО ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ (1449—1469—1492)¹

Лоренцо тяжело переносил потерю отца. Но, переняв его полномочия, он сразу должен был включиться в управление республикой. У 20-летнего правителя был талант повелевать другими и властолюбие, чтобы направить это умение на пользу своему дому.

Среднего роста, но мускулистый, со львиной шеей, Лоренцо благодаря своей несомненной харизме выделялся в толпе. Лицо его было некрасиво, кожа часто поражалась экземой. Кончик длинного носа свернут набок, плоская переносица придавала его голосу своеобразное звучание: непредвзятые наблюдатели называли его писклявым. Нижняя челюсть так сильно выдавалась вперед, что казалось, когда он входит в комнату, подбородок его опережает. Прямые каштановые волосы закрывали уши. Зрение у него было слабое. Не унаследовав ничего от представительности отца, он был похож на мать — как ее карикатура. Лукреция, как впоследствии принцесса Пфальцская в отношении Филиппа Орлеанского, могла бы сказать, что «не передала сыну красоты, поскольку сама ею не обладала».

¹ Здесь и далее дата в середине обозначает год начала правления.

Недоброжелатели ядовито высмеивали недостатки внешности Лоренцо:

«Великолепный» — так тебя зовут
Флоренция, в чем нет ни капли лести.
Великолепней, чем Лоренцо, бстий
Нет ни на суше, ни в пучине вод.
Великолепен твой коровий рот,
Твой нос, которому, сказать по чести,
В ином бы надо находиться месте.

Несмотря на отсутствие внешней привлекательности, Лоренцо излучал достоинство и самообладание. Удивительно, что при такой невыигрышной наружности он был неотразимо обаятелен. В темных, слегка навывкате, близоруких глазах угадывалась необычайная пропигцательность. Даже в окружении врагов Лоренцо казался спокойным.

Устроенность и ровный уклад его семейной жизни во многом помогали ему в политике и правлении. Он знал, что его род продолжится и разветвится. С 1470 по 1479 год Клариче и Лоренцо стали родителями трех мальчиков и четырех девочек. Мать и отец их безумно любили и баловали, трепетно заботились об их здоровье и воспитании.

Став фактическим правителем Флоренции, Лоренцо все свои помыслы устремил к возвеличиванию своего отечества и своего дома. Номинально у власти стояла Синьория, совет из восьми приоров и главы городского магистрата, гонфалоньера справедливости; всех этих людей

выбирали среди знатных семейств Флоренции, и выборы происходили справедливо, но большинство избранных неизменно проявляли лояльность к Лоренцо, а гонфалоньер находился в полном его подчинении.

Он был гением «неформального общения».

«Друзья Лоренцо по очереди приезжали погостить у него в загородных дворцах, которые он любил строить между очаровательными холмами, давшими основание называть Флоренцию городом цветов. Роскошные сады Кареджи оглашались философскими спорами, облеченными фантазией в изящные формы. Иногда все общество отправлялось на самые жаркие месяцы в очаровательную долину Ашано, где... природа старалась подражать усилиям искусства, или отправлялись посмотреть, как достраивают прелестную виллу Кайано, которую Лоренцо воздвигал по собственному плану и которая получила от Полициано поэтическое название Амбра. Среди необычайной роскоши и утонченных наслаждений, сосредоточенных в этом доме богатейшего в мире человека, сам он непрестанно был озабочен лишь тем, как бы заставить своих друзей позабыть о том, что он здесь хозяин», — писал Ф. Стендаль.

Унаследовав от своих предков склонность покровительствовать искусствам, он живо чувствовал красоту во всех ее формах и по влечению сердца делал то, что его предки делали по соображениям политики. Он собирал рукописи античных авторов, и благодаря этому его хобби до потомков дошли наиболее ценные тексты Гомера, Фукицида, Полибия.

Верный себе в стремлении покровительствовать всему незаурядному, он поддерживал молодежь, проявлявшую задатки одаренности и оригинальности. Все его родные были для творческой элиты щедрыми меценатами и расточительными заказчиками. При дворе Лоренцо усваивали свойственную медицейской придворной жизни обходительность и изысканные манеры.

Уступая Козимо только в умении торговать, он превосходил его, как и вообще всех Медичи, в качествах, необходимых государю.

Сам он был выдающимся поэтом, пробовавшим силы в разных жанрах. Уже в 18 лет он преподнес одному испанскому вельможе составленный им сборник лучших итальянских стихотворений. Он писал канцоны, сонеты, секстины с философскими комментариями. Лоренцо воспел в стиле Петрарки свою платоническую любовь к Лукреции Донати в сборнике стансов «Леса любви». Его перу принадлежат пастушеские идиллии, модные в его время, и в то же время шуточные стихотворения на бытовые темы, сдобренные ядреным народным юмором. Он хорошо знал язык народа: без охраны, без вооруженного эскорта, он ходил по улицам своей Флоренции.

Отчасти Лоренцо наслаждался своими властью и влиянием, которые продолжали расти. У банка Медичи теперь были филиалы не только в Риме, Лондоне, Брюгге, но и в большинстве крупных городов Европы. С другой стороны, его часто утомляли требования играть роль великого учителя и всеобщего наставника. Временами он жаловался: «Ну хоть бы один горожанин женился, не прося моего

благословения!» И он не преувеличивал. Ни один отпрыск знатной фамилии не осмеливался вступить в брак без его одобрения, и большинство семейств предпочитали, чтобы именно Лоренцо выбирал для их детей достойную пару¹.

Он заботился о Флоренции как о ребенке и каждую минуту посвящал заботам о ее благоденствии.

Это не мешало ему пользоваться всеми радостями жизни: наслаждаться музыкой, поэзией, долгими охотничьими вылазками, вести философские дискуссии в кругу единомышленников — юного философа Полициано Антонио Ридольфи, Сигизмондо делла Стуффа и Франческо Нери, одного из своих любимцев. Всех их готовили к политической деятельности.

Особняком среди них стоял любимец двора, юный чародей и ученый Пико де Мирандолла (1463—1494). Сын моденского графа, связанный родством почти со всеми знатными итальянскими фамилиями, он уже в десять лет слыл первым оратором своего времени, его называли «диво знаний». С необыкновенными способностями он сочетал мягкость манер и занимательность беседы. Отказавшись от политической деятельности, уготованной ему происхождением, Мирандолла отдался поглощавшей его жажде знаний. Он тайком анатомировал трупы, изучил 22 языка, ездил по всем европейским университетам, в надежде узнать что-нибудь новое. Особенно его привлекала астрология. В то время ей отводили почетное место,

¹ По другим сведениям, Лоренцо весьма заинтересованно контролировал браки подданных, опасаясь объединения сильных и богатых семейств.

в университетах Болоньи и Падуи существовали кафедры астрологии. Но европейская наука разочаровала молодого исследователя. Тогда он выучил еврейский и халдейский языки и погрузился в изучение каббалы¹. Прибыв в 1486 году в Рим, он опубликовал свою концептуальную работу философско-теологического характера, содержащую 900 тезисов, в которых ставил под сомнение многие догмы христианства, и приглашал коллег-мыслителей к диспуту. Занимавший в то время папский престол Иннокентий VIII по доносу ученых объявил 30 из них еретическими и запретил дальнейшее распространение книги. Мирандоллу обвинили в чародействе, утверждая, что столь великая глубина знаний в столь юном возрасте не может появиться иначе, как с помощью договора с дьяволом.

Лишь Александр VI снял запрет с творчества гуманиста.

Уже при дворе Великолепного он написал блестящий «Трактат о платонической любви».

Современники называли Мирандоллу «божественным», видели в нем воплощение высоких устремлений гуманистической культуры. Он прославился княжеской щедростью, счастливой наружностью, но более всего — необыкновенным разнообразием способностей. Он носил обычную одежду чародеев: лавровый венок и белую шерстяную хламиду.

¹ Каббала — возникшее в Средние века в Европе эзотерическое учение с элементами магии и мистики, одно из трех — наряду с алхимией и астрологией — магических искусств.

Однако не все отзывы о Мирапдолле восторженны и хвалебны. Казались зловещими его очень бледная кожа, пронзительные серые глаза и рыжие волосы. Многие воспоминания содержат обвинения его в колдовстве и черно-книжии; пишут, что люди, имевшие несчастье вызвать его неудовольствие, подозрительно быстро умирали; что он любил унижать противников точно рассчитанными обидными замечаниями; что он был великим мастером интриги, всегда действуя к своей выгоде.

Позднее Пико примкнул к Савонароле, протестуя против языческих крайностей гуманизма.

Но пока Лоренцо и все гуманисты были молоды, веселы и полны радужных надежд.

Серьезные политические дебаты смягчались присутствием на них прекрасных просвещенных женщин.

Особые отношения связывали братьев Медичи с Симонеттой Веспуччи (1453—1476). Она родилась в семье крупных торговцев в Генуе, куда ее отец был изгнан из Флоренции. Ей были присущи хрупкость фигуры, изящество рук, красивые ноги и зубы, тонкая и восхитительная элегантность. Ее блестящие золотые волосы спускались ниже пояса. Светловолосая, светлоокая, она словно излучала светоносное сияние. Прекрасное образование Симонетта получила как какая-нибудь принцесса, обладала широким развитым умом, но никогда не использовала его во вред окружающим. Ее доброжелательность, очаровательная мягкость всегда вызывали в сердцах людей отклик, ее почти совершенная нежная красота трогала самые черствые души. Выражение ее лучистых глаз, ка-

залось, несло отблеск нездешнего мира. Редкая изысканность, пронзительная жажда жизни, тихий свет, исходящий от всего ее существа не оставляли никого равнодушным. Ее боготворили.

В пятнадцать лет Симонетту выдали за Марко Веспуччи, ее ровесника, ученика в банке ее отца. После женитьбы Марко переехал в свою родную Флоренцию. Братья Марко встретили их с радостью. Молодая чета обосновалась в семейном доме Барго д'Оньюсагги.

Считается (впрочем, с оговорками), что почти все прекрасные полотна живорисца Боттичелли вдохновлены Симонеттой: она и Весна, и Венера, и Миневра. Симонетта служила музой не только Боттичелли. Ее прекрасное лицо запечатлел на своем полотне «Смерть Клеопатры» известный живописец Пьеро ди Козимо; ее же он изобразил на своей картине «Смерть Прокриды». Художник писал ее по памяти, когда ее уже несколько лет не было в живых.

По-видимому, Симонетта была близка с обоими братьями Медичи, но ее внимание не разжигало между ними ни ревности, ни соперничества. Ничто не мешало им радоваться жизни независимо один от другого.

Зато проявлял недовольство супруг красавицы, Марко Веспуччи, который, хотя и был другом Медичи, горько сетовал, что они украли у него жену.

Совсем молодой Симонетту настигла смерть. Лоренцо направил к ней лучших врачей, в том числе своего личного лекаря, маэстро Стефано, но в те времена лекарства от туберкулеза не существовало.

Вся Флоренция скорбела по своей красавице. Она и в смерти была так прелестна, что в могилу ее понесли на открытых носилках. На Симонетте было надето белое платье с длинными рукавами; волосы, заплетенные в косы, не украшало ничего, кроме лент. Лицо ее было напудрено и белело, как слоновая кость; она лежала на ложе из цветов. Плачущие скорбящие люди из окон бросали на траурную процессию пригоршни цветочных лепестков.

Нести ее тело доверили друзьям Лоренцо из самых видных семей города. Красивые юноши были в предписанных трауром цветах: темно-красном, темно-зеленом и коричневом. Флоренция оплакивала свою королеву красоты. Горожане рыдали в голос и разрывали на себе одежды, как будто это была их сестра или дочь.

Особенно глубоко страдал Алессандро Филиппи, известный в истории искусств как Сандро Боттичелли (1445—1510). Он принадлежал к числу состоятельных флорентийцев: у его семьи был дом в одном из центральных кварталов города — Санта Мария Новелла — и доход от загородной виллы. Боттичелли прославился не только тонким эстетическим вкусом, но и такими произведениями, как «Благовещение», «Покинутая» и др. На восемь лет старше Леонардо да Винчи, ученик Филиппо Липпи, он, однако, испытал влияние и других школ, например, Вероккио. Его прозвище: Боттичелли — Бочонок, казалось насмешкой, стоило посмотреть на его стройную фигуру и красивое породистое лицо. Дело в том, что это прозвище носил старший брат Сандро и оно подходило к нему как нельзя более; по традиции прозвище перешло к младше-

му. Молчаливый, вечно погруженный в созерцание каких-то невидимых другим красот и образов, он казался загадкой, которую хотелось разгадать.

Боттичелли занял особое место среди художников Кватроченто, увлеченных разработкой перспективы. Его не занимали придворные празднества и пышные парады. Эпикурейский дух, царивший при дворе Лоренцо Великолепного, был ему чужд. Одухотворенность и мягкий лиризм стали характерной чертой его творений. Его кисти принадлежит портрет Джулиано Медичи, но особенно примечательны его полотна «Весна» и «Рождение Венеры».

На первой картине, написанной по мотивам стихотворения Полициано, Весна, юная и прекрасная, с лицом задумчивым и, пожалуй, несколько грустным, окружена сказочными существами, олицетворяющими божественную душу молодой природы. Здесь и Флора, древняя итальянская богиня цветов, рассыпающая по траве свои яркие весенние подарки; и юные грации в полупрозрачных трепещущих одеждах. Но весна недолговечна; не случайно справа художник поместил злое существо, нападающее на одну из граций.

Согласно легенде, живописец был безответно влюблен в свою восхитительную натурщицу. И действительно, глядя на эти чудесные картины, трудно представить, что автор был равнодушен к модели.

Одной из самых изумительных картин Боттичелли по праву считается «Рождение Венеры». Юная богиня с лицом Симонетты стоит на перламутровой раковине, плы-

вущей по морю. Безграничное море, небо, волнистые линии берега, легкие дуновения ветра, деревья и цветы, рассыпанные Флорой, обрамляют стройную фигуру Венеры. Боттичелли изобразил не языческую богиню, неверную супругу Вулкана, любовницу сурового Марса и покровительницу любовных походов. Ее девственная чистота не таит в себе чувственных соблазнов, ее тонкое одухотворенное лицо напоминает лик мадонны. Венера Боттичелли сродни платоническим идеалам Марсилио Фичино, для которого Любовь олицетворяла слитность Бога и мира, а красота представлялась лучом божества, пронизывающим своим сиянием земную сферу.

Суровая проза жизни вторглась в хрупкий мир искусства.

В 1476 году в Милане в соборе Св. Стефана был убит герцог Галеаццо Сфорца. Трое молодых дворян из личной ненависти нанесли ему несколько ударов кинжалом в живот и горло, потом его добились наемные убийцы.

Галеаццо не был гуманным правителем. По малейшему подозрению он приговаривал к смерти. Рассказывали, что любимым его зрелищем была казнь, придуманная им самим: приговоренного зарывали по шею в землю и насильно вливали в рот нечистоты, пока тот не выпускал дух. Худшие из его пороков были отмечены характерной для династии Висконти печатью безумия. Но его непопулярность обуславливалась скорее высокими налогами, чем характером самого Галеаццо. Он оставил вдовой савойскую принцессу Бону. Слава о красоте Боны гремела по всей Европе, но муж скоро охладил к ней. Она стала матерью

двух его сыновей и дочери. Теперь престол Миланского герцогства должен был перейти к старшему сыну убитого герцога, восьмилетнему Джану Галеаццо под регентством вдовствующей герцогини. Ведущие итальянские державы отправили герцогине своих послов, чтобы выразить соболезнование и в случае необходимости предоставить свою помощь. Сикст IV особо пообещал использовать все находящиеся в его распоряжении средства, как духовные, так и материальные, чтобы предотвратить беспорядки.

Младший брат тирана Людовико, прозванный Моро, решил захватить власть. Его первая попытка потерпела неудачу, и он был изгнан из Милана.

Перемена власти в Милане не могла не затрагивать интересов Флоренции. К счастью, первое время отношения обоих государств мало изменились.

В это время воспряли противники дома Медичи во Флоренции: Питти, Аччаиоли, Строцци, и особенно надменные Пацци. Они являлись самыми опасными противниками Медичи в банковском ремесле и особенно ненавидели Лоренцо, обвиняя его в том, что он закрыл им пути на политическую арену. Они возражали против передачи власти Лоренцо после смерти Пьеро. Эта семья занимала положение не ниже Медичи, была так же богата, но принадлежала к значительно более знатному роду. Один из Пацци, известный еще во время первого Крестового похода, когда о Медичи не упоминалось вовсе, участвовал во взятии Иерусалима. Из Палестины он привез три камня от подножья Святого Гроба. Во время церковных праздников эти святые камни торжественно вывозили на

специальной тележке. Дворяне-банкиры вели свои финансовые операции с коронованными особами Европы, пользовались расположением папского престола и имели много сторонников в городе. Одному из Пацци Медичи отдали в жены свою принцессу, но не упустили возможности ослабить конкурентов.

Пресловутый денежный вопрос еще более накалил отношения между соперничающими фамилиями. Джованни Пацци женился на очень богатой наследнице Беатриче Борромео. Перед смертью ее отец передал все имущество дочери, но не составил завещания. Лоренцо решил отобрать у Пацци это наследство. Он провел закон, по которому при отсутствии завещания все добро переходило ближайшему родственнику мужского пола. В 1474 году этот закон был признан имеющим обратную силу. Наследство досталось Карло, племяннику Борромео, стороннику Медичи. Ни с точки зрения справедливости, ни согласно нормам права это решение не было безупречным.

Джулиано Медичи неоднократно выражал по этому поводу свое негодование Лоренцо, убеждая его, что можно все потерять, когда желашь приобрести слишком много.

Злопыхатели во главе с Пацци обвиняли Лоренцо в том, что он простирает руку к общественному достоянию, чего никогда не делал Козимо; что он берет деньги на покрытие своих расходов не только из «Кассы государственного долга», но даже наложил руку на благотворительный фонд «Касса для девиц», в которой хранилось приданое бедных девушек — капитал, составленный из частных пожертвований. Он всегда считался неприкосновенным.

Когда Сиксту IV потребовались деньги на покупку Имолы, он был не настолько наивен, чтобы просить кредит для этого у своих банкиров, которыми являлись Медичи. Зато Пацци успели снискать его расположение. Сикст вопреки традиции, просуществовавшей несколько поколений, отказался от услуг Медичи как банкиров и стал вести финансовые дела с домом Пацци, чем нанес жестокое оскорбление Лоренцо.

Нетрудно догадаться, как был разъярен Великолепный, когда узнал, что Пацци предоставили папе долговременный кредит для покупки Имолы.

Вокруг Пацци спланивались недовольные. Их предводителем стал Франческо Пацци, один из трех сыновей старого Якопо. Ненавидя флорентийских правителей, он по большей части жил в Риме и состоял в большой дружбе с графом Джироламо Риарио. Вместе они часто жаловались на поведение Медичи и, наконец, рассудили, что необходимо произвести во Флоренции переворот, который может кончиться удачей, если убить Лоренцо и Джулиано. К младшему Медичи Франческо испытывал особую лютую ненависть: может быть, предмет его воздыханий, прекрасная Примавера Руччалаи, слишком часто останавливала на Джулиано нежный взгляд.

В свой замысел заговорщики посвятили пизанского архиепископа Франческо Сальвиати. Прелат, связанный родством с домом Пацци, не был другом Медичи. Пиза, полностью зависимая от Флоренции, заслуживала духовного пастыря из правящего дома. После кончины предыдущего архиепископа Филиппо Медичи Лоренцо ярост-

но возражал против назначения Сальвиати, хотя личной вражды к нему не испытывал, и предлагал папе Сиксту кандидатуру своего ставленника. Мстительный Сальвиати стал смертельным врагом Лоренцо.

Сальвиати, Пацци и Джироламо Риарио привлекли к заговору Джованни Монтесекко, папского кондотьера. Поначалу тот не желал принимать участие в таком недобром деле, но его убедили. Вовлекли в это преступление Бернардо Бандини и Наполеоне Францези, юношей сильных и смелых, многим обязанных Пацци. Папа и неаполитанский король Ферранте обещали заговору свою поддержку.

Сикст IV направил Лоренцо просьбу принять его внучатого племянника Риарио со свитой в прекрасном городе Флоренции. Правитель, неизменно дипломатичный, пошел навстречу святому отцу и решил оказать гостеприимство племяннику папы, 17-летнему кардиналу Рафаэлю Риарио как почетному гостю. Юноша учился в Пизанском университете на юриста. Лоренцо воспринял визит Риарио как предлог его дяди пойти на мировую и собирался после мессы устроить в честь него великолепное пиршество.

В огромном соборе Санта Мария дель Фьоре, называемом флорентийцами попросту Дуомо (собор), собралось большое общество: Лоренцо со своими друзьями и множество народу. Среди них затаились заговорщики, но в церкви не было Джулиано. А заговор основывался на уничтожении обоих братьев: убивать одного из них было бессмысленно.

Пацци и Бернардо, которым было поручено расправиться с младшим Медичи, отправились за своей жертвой. В этот день Джулиано не собирался в церковь, отговариваясь нездоровьем и усталостью. Но заговорщики настаивали, приводя множество резонов. Нехотя он уступил их настояниям. Ведя Джулиано в собор, они как бы в шутку тщательно ощупали свою будущую жертву на предмет наличия кирасы или иных приспособлений для защиты.

Лоренцо и Джулиано хорошо знали, как ожесточены против них Пацци, но были далеки от того, чтобы опасаться за свою жизнь. Поэтому они делали вид, что дружески расположены к ним. И это сочетание проницательности и слепоты сыграло роковую роль.

Во время службы убийцы стояли возле Лоренцо и Джулиано. В назначенный момент Бернардо нанс Джулиано коротким, специально для этого предназначенным, кинжалом удар в грудь. Джулиано, сделав несколько шагов, упал, и тогда на него кинулся Франческо Пацци, нанося удар за ударом, причем с такой яростью, что довольно сильно поранил себе ногу.

Еще двое заговорщиков-священников набросились на Лоренцо и нанесли ему несколько ударов, но лишь поранили горло; хлынула кровь. Франческо Нери¹ заслонил своим телом друга, и священник ударил его кинжалом в живот. Друзья Великолепного образовали вокруг него заслон, защищая от приспешников Пацци и испанцев кар-

¹ Франческо Нери происходил из семьи, известной своей знатностью и преданностью Лоренцо. Теперь улица во Флоренции носит его имя: Де Нери.

динальской свиты, и отступили к ризнице. Захлопнув дверь, Полициано успел повернуть в замке ключ. На случай, если кинжал священника был отравлен, Ридольфи отсосал кровь из раны Лоренцо. Тем временем весь город вооружился для спасения своего правителя.

Заговор Пацци не удался.

Старого Якопо Пацци забили камнями. Мальчишки долго таскали его обнаженный труп по городу, пока не сбросили в реку. Франческо, голого, истекающего кровью, повесили в одном из окон дворца для всеобщего обозрения. Секунду спустя за ним последовал архиепископ Сальвиати, который в последнее мгновение успел повернуться к сообщнику и то ли от произвольного сильнейшего спазма, то ли в приступе ярости впился зубами в плечо Франческо. Зрелище было ужасное.

Лоренцо был снисходительным правителем и совершил для города много добрых дел, но он никогда не давал угаснуть людской ненависти к семейству Пацци.

Но и кардинал Риарио на всю жизнь запомнил перенесенный ужас, заточение и страх смерти. Много лет спустя, когда папой стал Джованни, сын Лоренцо Медичи, Рафаэль Риарио готовил заговоры против него.

Лоренцо добился от Синьории конфискации имущества Пацци и других аристократов, причастных к заговору, осуждения, изгнания заговорщиков и вынесения около 400 смертных приговоров. На стенах Барджелло Сандро Боттичелли и другие художники написали фрески с изображением казненных (фрески были уничтожены в 1494 году во время изгнания Медичи).

После подавления заговора власть Великолепного во Флоренции стала безграничной.

Муж сестры Лоренцо, Гульельмо Пацци, укрылся в его доме, и сумел спастись благодаря своей неспричастности к делу и из-за слез и молитв своей супруги Бьянки. Но он был приговорен к изгнанию, а его двоюродных братьев, оставшихся в живых, заключили в темницу крепости Вольтерры. По другим сведениям, все мужские представители семьи Пацци старше двенадцати лет были умерщвлены.

Бьянка не последовала за мужем в изгнание.

Папские войска, сосредоточенные для оказания поддержки восставшей Флоренции, при известии о провале заговора повернули обратно.

Тем не менее Лоренцо отправил жену и детей в Пистойю, хорошо защищенный город, где их приютила родственная семья Панчатики. Затем переехал на виллу Кафаджоло — она была укреплена и находилась в укрепленной местности Муджелло.

Однако флорентийцы вынуждены были вернуть папе его племянника-кардинала и потеряли возможность диктовать свои условия.

Сикст и король Неаполя не получили желаемого посредством заговора и решили добиться этого войной.

Напрасно король Франции, герцогство Миланское и германский император заявляли понтифику¹ свое недовольствие. Упрямый властный старик отлучил от власти

¹ Титул папы римского; буквально — «строитель мостов».

Лоренцо и весь состав Синьории, вменив им в вину все политические акты Флоренции, направленные против Святого престола и его сановников. Таким деянием он называл повешение Сальвиати. Сикст требовал личного извинения властителя Флоренции и грозил ему войной с Неаполем.

Неаполитанское королевство, самое южное государство Италии, было при этом слабым и отсталым. Страной правил незаконный отпрыск Альфонса V Арагонского Фердинанд (Ферранте).

Ферранте Неаполитанский — один из самых жестоких и коварных правителей Европы. Он получил Неаполь по завещанию отца, хотя многие итальянские вельможи оспаривали его права. Ведь и его отец, великий Альфонс V, захватил корону Неаполя, отобрав ее у родственника французского королевского дома Рене Анжуйского¹. Франция считала, что согласно международному праву и династическим канонам Неаполь принадлежит ей. Правда, в свое время бездетная и беспутная неаполитанская королева Жанна II, последняя представительница Анжуйской династии, усыновила Альфонса V и отписала ему королевство как какую-нибудь ферму или вотчину. Но потом она одумалась, расторгла этот постыдный договор и усыновила Людовика Анжуйского. Началась война между приемными сыновьями королевы — испанцем и французом, — но решительного успеха никто из них не добился. К тому

¹ Действие оперы П.И. Чайковского «Иоланта» происходит при дворе короля Рене Анжуйского.

же у Людовика скоро закончились деньги, и он вынужден был заключить мир. Он умер за три месяца до смерти королевы, которая успела назначить своим наследником его сына Рене Анжуйского. Рене носил титул короля Неаполя, но постоянно жил в Провансе, а Альфонс V реально правил королевством и передал его по наследству своему сыну.

Ферранте был жесток от природы, а необходимость постоянно защищать свои права с мечом в руках сделала его и вовсе безжалостным. Он покровительствовал ремеслам и торговле, не был чужд культуре и привечал людей искусства — тех, кто не боялся в один прекрасный день стать экспонатом коллекции короля. Ферранте приказывал убивать своих врагов и просто неугодных, а затем делать из их тел чучела. В отведенной под эту коллекцию комнате король любил обедать в окружении своих мертвых врагов, ведя с ними долгие беседы. По праздникам слуги наряжали чучела в богатые одежды. Всего таких собеседников было 49, и окружающие с ужасом думали о том, что Ферранте вскоре захочет округлить свою коллекцию.

Однако во всем остальном он проявлял редкое здравомыслие и исключительные дипломатические способности.

Неаполитанское королевство на юге Италии оставалось яблоком раздора для европейских королевств и итальянских государств.

Зная, что Флоренции помогает только Милан, король Ферранте стал чинить регентше такие препятствия, что-

бы она не думала о чужих делах, а пыталась поправить свои собственные.

Граждане сохраняли верность Медичи, но в военном отношении папа и Неаполь сильно потеснили их. За два года войны враги продвинулись далеко в тосканские земли. Однако Лоренцо жил и дышал мстостью и упорно продолжал преследование оставшихся в живых врагов. Бернардо ди Бандино, убийца Джулиано, бежал в Константинополь. Он думал, что там его не достанет рука мстительного правителя Флоренции, но Мухаммед II выдал его Лоренцо. Бандино был повешен; Джованни де Монтесекко после длительного следствия — обезглавлен.

В 1480 году Лоренцо предпринял свою знаменитую поездку в Неаполь для примирения с королем Ферранте. Обаяние и ум помогли заключить мир с Неаполитанским королевством. Он сумел его убедить, что твердая власть дружественно настроенных Медичи во Флоренции выгоднее, чем зависящее от колеблющегося настроения народных масс республиканское правление. Неаполь заключил с Флоренцией дружеское соглашение. Потеряв союзника, папа вынужден был пойти на уступки.

Авторитет Лоренцо поднялся после этого на необычайную высоту.

Старый мост служил домом для дубильщиков и красильщиков, которые сбрасывали ядовитые отходы прямо в реку Арно. Лоренцо воспротивился такому порядку. В результате река почти совсем очистилась, а дубильщики и красильщики теперь работали в специально отведенном для них районе города.

Городскую бедноту Великолепный привлекал беспрестанными праздниками и бесплатной раздачей пищи. Он взял на себя обязанности своей матери Лукреции, которую во Флоренции называли «приютом всех несчастных». Она скончалась после тяжелой болезни весной 1482 года. Печаль Лоренцо не поддавалась описанию. Уже по прошествии некоторого времени он признавался в письме одной из просвещенных женщин Италии: «Я испытываю страшное горе, потерял я не просто мать, а единственное убежище от неприятностей и вдохновительницу всех моих начинаний». И долго, до самой своей кончины, правитель скорбел: «Лишь вспомню о ней — разрывается сердце».

Но надо было жить, управлять своим обширным «хозяйством», поддерживать престиж фамилии, оказывать покровительство людям искусства.

На вилле Кареджи принимали приезжавших к нему на поклон итальянских вельмож и правителей небольших стран Европы. Ему присылали богатые дары из отдаленных стран Востока: в числе роскошных даров от султана были жираф и ручной лев. В городе его боготворили. Он же старался блеском своего двора удержать расположение сограждан, доказать, что он сам и дом Медичи необходимы Флоренции.

Лоренцо Великолепный вслед за Козимо Старым полагал, что для чести и блага страны художники нужней чиновников и полководцев, окружал их большей пышностью, чем своих придворных, и предоставлял им полную свободу работать, не зная никаких забот.

Странно, что Лоренцо не отдал должного исключительному дарованию Леонардо да Винчи. Известная прощательность Великолепного на этот раз изменила ему. Он не дорожил талантом Леонардо, предпочитая ему других художников, и с легкостью отпустил гения ко двору Миланского герцога. Правда, ходили слухи, что Синьория получила донос¹ от некоего молодого натурщика на противоположные склонности Леонардо и еще трех человек, и правитель предпочел отправить его в Милан, удалив художника из Флоренции, чтобы не давать хода обвинению в содомии.

Леонардо да Винчи (1452—1519), обычно причисляемый к кругу гуманистов, на самом деле к этой группе не принадлежал и даже с некоторым предубеждением относился к их схоластической учености.

Он выступал решительным противником умозрительной книжной науки, бесплодного философствования о таких «великих проблемах», как Божество, Душа, Разум и пр.; он считал лишенным ценности созерцательное знание, не соединяющее мысль с действием, не подтверждающее теорию практикой. Отвлеченное мышление, не опирающееся на опыт, — утверждал он, — не может быть плодотворным. Только опыт открывает путь к познанию законов природы, но в конечном итоге они познаются раз-

¹ Анонимы обычно опускали свои доносы в сосуд в виде львиной головы у ворот палаццо Веккио. Существование доносчиков было неизбежно в эпоху заговоров, соперничества и мелочной пенависти. Лоренцо, имея горький опыт заговора Пацци, поощрял позорные ящички, ибо внутри них могло быть найдено нечто важное, даже жизненно важное.

умом, ибо сама природа устроена разумно. Посредником между опытом и знанием стоит математика, отражающая и раскрывающая рациональный порядок вещей — символ божественного их происхождения. Лишь в этом Леонардо приближался к платоновскому направлению в гуманизме и идеям Марсилио Фичино.

Между тем очарование личности Леонардо было неоспоримым. Д. Вазари пишет о редком сочетании красоты, грации и гения, «благодаря которому к чему бы ни обращался такой человек, каждое его действие оказывается таким божественным, оставляя всех далеко позади, и вполне очевидно, что это должно быть нечто дарованное Богом, а не приобретенное посредством искусства». Таким, продолжает он, был Леонардо, который кроме телесной красоты, которая никогда не сможет быть оценена в достаточной мере, обладал бесконечным изяществом во всех своих действиях: и таков был его талант, что он мог постичь любой предмет, сколь бы сложным он ни был, сконцентрировав на нем свое внимание. Его физическая сила соответствовала его искусству, и было нечто величественное, даже королевское во всем облике этого человека.

Теперь этот волшебник, гений, чарователь, актер и астролог отправился в герцогство Миланское.

В это время в Милане произошли, события, которые не могли не взволновать флорентийское правительство.

Между братьями Джан Галеаццо, которые хотели власти, и матерью малолетнего наследника, стоявшей на страже прав сына, возникла распря. Савойская красавица во

всем подчинялась разумным советам своего умного канцлера и флорентийского посла Томмазо Содерини, поэтому ее партия одержала верх. Принцам пришлось бежать из Милана, причем Оттавиано утонул, перебираясь через Адду, а другие два брата были сосланы. В Ломбардии наступило успокоение, что было невыгодно папе и королю Ферранте. Они поддерживали братьев Сфорца, старший из которых, Людовико, по прозвищу Моро, стал, в конечном итоге, виновником страшных бедствий не только своей родины, но и всей Италии.

Проводя успешную политику, Бона Савойская оставалась всего лишь слабой женщиной. Молодость и красота не столько ей помогали, сколько усложняли жизнь. В последние годы супруг пренебрегал ее достоинствами. Он сам назначил Антонио Тассино, пригожего паренька из незнатной феррарской фамилии, личным слугой герцогини. После гибели герцога она приблизила Тассино к себе. Возможно, их сближению содействовали враги герцогини, надеясь проводить через него свою политику. Во всяком случае, канцлер весьма этого не одобрял, и сколько мог, старался ослабить влияние Тассино на герцогиню. Но напрасно. По совету фаворита она вернула в Милан братьев Сфорца, давших клятвенное обещание, что не причинят вреда канцлеру. Однако на третий день по их возвращении его схватили и заточили (по другим сведениям, спустили с горы в бочке, утыканной изнутри гвоздями, обезглавили и пр.).

Потеряв верного друга и советчика, Бона поначалу не ощутила горечи утраты. Дела правления утомляли ее —

она, нежная женщина, и так сделала для герцогства очень много. Прежние враги оказывали ей великие почести и всячески угождали. Они не препятствовали ее связи с молодым человеком, разрешали богато одаривать Тассино, который получил комнаты возле ее покоев, возил ее по городу на крупе своей лошади, и вообще у них были сплошные праздники да танцы.

Людовико, с горечью видя, как утекают богатства, накопленные его предками, страстно мечтал о власти.

Однажды утром по его приказу у Боны отобрали обоих ее детей. Затем захватили казну, которая была в то время самой большой во всем христианском мире, и велели герцогине дать отчет в ее расходевании. Герцогиню вынудили отказаться от своих прав, и опекуном обоих детей стал Людовико. Во все страны, особенно во Францию, были разосланы письма, обличавшие несчастную герцогиню как безнравственную женщину.

Почувствовав, что вся власть и военные силы герцогского дома у него в руках, Людовико замыслил пойти дальше. Он решил не брать на себя грех лишения жизни племянников, но устранить их со своего пути иначе.

Проще всего было с законной дочерью покойного герцога: ее выдали замуж сначала в Савойю, за родственника матери, потом за овдовевшего императора Максимилиана I. Людовико не видел в ней препятствия своим планам; наоборот, рассматривал ее браки как способ собственного возвеличивания. Поэтому за Бьянкой-Марией было обещано такое огромное приданое, что переполненный фамильной гордостью Максимилиан Габсбург закрыл глаза

на «худородность» невесты, хотя многие и осуждали его за подобный мезальянс.

Законный молодой герцог Джан Галеаццо отличался характерной для ломбардцев красотой, но не имел ни ума, ни решительности. Людовико и не стремился умелым направлением воспитанием пробудить в молодом человеке лучшие стороны его натуры. Напротив, он не препятствовал ему закатывать пирушки, вести жизнь праздную и развратную. Но для подданных всегда играл роль доброго дядюшки: подыскал племяннику невесту из неаполитанского королевского дома, Изабеллу Арагонскую. Союз с Неаполем служил упрочиванию положения Милана.

Людовико не предполагал в юной девушке силы воли или способности к сопротивлению, наконец, простой сообразительности для понимания, что ее мужа сознательно спаивают, губят морально и физически. Ни один приближенный и ни один родственник герцога не попытался воспротивиться воле регента. Неожиданно таким человеком стала молодая и решительная жена герцога.

Раскрашенная деревянная скульптура, созданная с натуры при ее жизни, представляет принцессу стройной, соразмерной, черноволосой. Лицо довольно простенькое, отнюдь не поражающее красотой. Но никто из историков или современников и не называл ее красавицей. Превозносились лишь ее стойкость в борьбе за интересы мужа и детей. Власть ее была невелика, но Изабелла держалась за нее. Неумный муж повторял всем ее угрозы узурпатору, высказанные ему наедине. Людовико знал о ее планах и уже утопил нескольких гонцов, направленных ею к отцу.

Неаполитанский дом с большим неодобрением наблюдал за тем, как власть уплывает из рук ее супруга. Дед Изабеллы, король Ферранте, начал подготовку к войне с Миланом. Война самого южного и самого северного итальянских государств неминуемо должна была затронуть интересы находящейся между ними Флоренции.

Верность — роскошь, которую не могло себе позволить ни одно итальянское княжество. В бесконечных сменах политики всегда присутствовала одна и та же схема: если одно государство становилось слишком сильным, другие объединялись против него и доводили до падения

В этих условиях следовало иметь как можно больше союзников.

Сменивший Сикста IV Иннокентий VIII не принадлежал к числу сильных понтификов. Пока он прислушивался к советам Лоренцо Медичи, им удавалось поддерживать в Италии определенное равновесие сил. Но за все приходилось платить. Сикст потребовал в жены своему «племяннику» одну из дочерей Лоренцо. Этого папского любимца, развратного Франческо Чибо, из-за его карликового роста называли Франческетто. Он был ровесником Лоренцо и славился пристрастием к карточной игре; причем не всегда играл честно. В марте 1487 года в Ватикане состоялась свадьба Маддалены, самой красивой дочери Великолепного, и немолодого папского неопота. Папский сын, картежный мошеник, завсегдагай публичных домов, расхититель папской казны, получил в свое полное распоряжение девочку, ломкая нежность и незащитность которой так трогали Лоренцо и всю Флоренцию. После

тяжелой беременности она родила сына. Папа назначил своего Франческетто верховным кондотьером церкви, но силы понтифика таяли. Распродав все, что должен был охранять — имущество церкви, церковные города и земли к северу от Рима, — Чибо, перседетый, бежал из Вечного города, не пожелав остаться у смертного ложа отца, бросив жену с ребенком на милость врага¹.

Брак Лоренцо и Клариче дал много детей, но не превратился в гармоничный союз родственных душ. Молодая супруга, целомудренная, честная, ясная — на вкус Лоренцо, слишком ясная и незатейливая, — все свое время посвящала детям и церкви. «На вид скромна, сурова под рукою», — острословили друзья-гуманисты. Благородные девушки Кватрочетто, даже выглядя послушными и благоразумными, отличались смелым умом. Но угрюмо-высокомерный нрав Клариче определялся, по-видимому, не только слабым здоровьем, подорванным частыми беременностями и родами, но и полученным в Риме клерикальным воспитанием. Ее холодное бесстрашие, которое она считала необходимым проявлять на людях, сдержанная, но почти надменная улыбка не могли привлечь к ней сердца подданных, как привлекала импульсивность и отзывчивость Лукреции Торнабуони или рафинированная красота Симонетты Веспуччи. Благопристойная и безупречная, она не сумела, да и не стремилась стать членом

¹ Потомки от этого брака взяли себе фамилию Малатеста (злой гвоздь) и до XVIII века правили крошечным (площадью чуть больше тысячи квадратных километров) княжеством, позднее — герцогством Масса Каррара.

веселого интеллектуального окружения Лоренцо, все более погружаясь в мелочные житейские заботы. У Лоренцо столько сил отнимало ее непонимание. Он так хотел, чтобы она была более общительной, более открытой для культурных контактов. Попытки мудрой, опытной в политических хитростях свекрови вовлечь ее в круг интересов культурной элиты общества не увенчались успехом. Известны многочисленные веселые и живые письма Лукреции, на которые невестка отвечала вежливо, но сдержанно и невыразительно. Так же коротки и бесцветны ее письма к мужу, которого она, по воспоминаниям современников, преданно любила и прощала его многочисленные измены. В этих письмах невольно проглядывает не столько обида, сколько огорчение по поводу недостаточного внимания со стороны супруга. Так, Клариче без упреков сообщает Лоренцо, что она и дети несколько дней подряд напрасно ждали его до трех часов ночи. Посылая ему свежую дичь, она коротко пишет, что не надеется сохранить ее до его приезда.

Лоренцо разочаровали умственная лень супруги, равнодушие ко всему, кроме семьи и церкви, прохладные и слегка отстраненные манеры, докучливые просьбы об устройстве дел ее родных. Великолепному пришлось постараться, чтобы добиться для брата Клариче, пикчемного Ринальдо Орсини, назначения кардиналом курии.

Когда Лоренцо вознамерился дать в наставники подрастающим детям Полициано, Клариче резко возражала, не желая, чтобы ее детей учил безбожник, а также противясь

общему усилению ренессансного влияния на неокрепшие умы.

Не Клариче, а Лукреция была дружна с Луиджи Пульчи (1432—1484) и подала ему идею написать пародию на рыцарские романы.

Пульчи родился во Флоренции, в купеческой семье и был связан узами личной дружбы с Лоренцо, который спас семью Луиджи от разорения после банкротства его старшего брата. Пульчи был безмерно предан Лоренцо; воспевал в стихах его победы на турнирах, увеселял его шутливыми сонетами и в то же время выполнял дипломатические поручения правителя в различных городах Италии.

Наверняка Лукреция и Пульчи вместе придумывали разнообразные злоключения своего героя и провели за этим занятием много приятных часов. Рыцарская фабула, изложенная в комической трактовке с сочным, грубоватым плебейским юмором, стала основной в поэме. Так получился «Большой Морганте».

Клариче очень любила своих родителей, у которых, по-видимому, черпала поддержку, следуя избранным ею путем, и часто гостила у них в Риме. Там она увидела Зою Палеолог, которая в то время выходила замуж через посредника за русского царя Ивана III. Насмешник Пульчи описал будущую русскую царицу Софью Фоминичну как безобразно толстую, вульгарно разукрашенную, смешную и отвратительную особу. Недаром на Руси она получила прозвище Фряжская Туша.

И все-таки, несмотря на различия в воспитании, образовании и мировоззрении, Клариче Орсини более двадцати лет была верной и преданной женой правителя Флоренции. И когда в возрасте 37 лет ее свела в могилу чахотка, вся семья горько оплакивала эту замкнутую, сдержанную, погруженную в свой внутренний мир, но верную и любящую женщину.

Многие современные писатели, живописуя кончину Лоренцо Великолепного, пишут, что Клариче «закрыла ему глаза». Увы, четыре года до своей смерти он прожил вдовцом, не выбрав себе второй супруги.

Старшего сына, Пьеро, Лоренцо женил в феврале 1487 года на Альфонсине, дочери Роберто Орсини, графа Браччано. Надо полагать, Клариче приложила немало сил, чтобы ее первенец заключил союз с девушкой из ее дома. Юная Альфонсина приходилась ей двоюродной сестрой. В то время никто не знал, что этот год — предпоследний в жизни супруги правителя. Хрупкая сила ненадолго вспыхнула в Клариче, как искра в догорающем огне. Она дала ей возможность принять участие в устройстве судьбы своего любимого сына. Бракосочетание состоялось в феврале 1487 года, а в следующем году Клариче не стало.

При всей любви к детям Лоренцо объективно судил об их достоинствах и недостатках. «Мой старший сын — глуп, средний — умен, а самый младший — просто хорош», — как-то сказал он.

На вилле Кареджи в замечательной философской школе, возглавляемой просвещенным Бертольдо, старшие

сыновья Лоренцо, подростки Пьеро и Джованни, вместе с талантливыми флорентийскими мальчиками, среди которых выделялся своей серьезностью Микеланджело, жадно внимали философским беседам гуманистов, глубинной мудрости Полициано. Джованни и Микеланджело привлекали отвлеченные материи, в то время как Пьеро шалил и веселился, не желая отягощать свой ум пустыми разглагольствованиями.

Джованни Медичи, самому умному своему сыну, Лоренцо добился кардинальской шапки, несмотря на то, что тому едва исполнилось четырнадцать лет. Такое тогда еще не практиковалось. Родившийся 11 декабря 1475 года, он был предназначен отцом к церковному званию в столь раннем возрасте, что это исключало всякую возможность его свободного согласия. Получив тонзуру всего семи лет от роду, он вскоре, благодаря могущественному влиянию своей семьи, стал владельцем многих богатых бенефициев, аббатств и достоинств. Чтобы Джованни стал кардиналом, его сестра Маддалена была принесена в жертву интересам фамилии и папскому племяннику Франческетто. И все же Иннокентий VIII весьма неохотно согласился на пожалование пурпура этому юному, хотя не прелестному, близорукому мальчику, и особо постановил, что в течение следующих трех лет Джованни не должен носить внешние знаки своего достоинства, голосовать и заседать в коллегии кардиналов.

Классическое образование этого принца-ребенка взяли на себя самые способные гуманисты и ученые люди того времени, Анджело Полициано и Бернардо Биббиена, так

же как священное — Марсилио Фичино, сделавший рискованную попытку сочетания культа Платона с христианством.

С 1489 до 1491 года Джованни Медичи изучал богословие и каноническое право в Пизе у Филиппо Деччио и Бартоломео Соццини. Во время обучения юный Медичи встретился с человеком, который на много лет определил судьбу Италии — Чезаре Борджиа. Но тот вопреки обыкновению не произвел на флорентийского принца впечатления. «Окружение его — мелкие лодыжки, понятия не имеющие о хороших манерах, да и внешне все они — настоящие мараны¹», — отзывался Джованни о новом знакомом.

9 марта 1492 он был облечен знаками кардинальского достоинства в аббатстве Фьезоле, и в том же месяце отправился в Рим, где был на следующий день принят Иннокентием VIII. Не без тревоги Лоренцо Медичи позволил семнадцатилетнему кардиналу-диакону Сагга Мария ин Доминика, который до сих пор вел чистую и размеренную жизнь, отправиться в столицу мира, «место встречи всех пороков». Это показывает прекрасное письмо, полное серьезных увещаний и благоразумных правил жизни, которое он написал в то время своему сыну.

Джулиано Медичи, третий сын и самый младший ребенок Лоренцо и Клариче, который «просто хорош», в то время был еще слишком мал.

¹ Мараны — в Испании евреи, вынужденные принять крещение. Джованни намекает на испанское происхождение Чезаре.

Дочь Лоренцо Луиджа, которую для упрочения уз внутри своего рода Лоренцо намеревался выдать за родственника, умерла до брака или сразу же после свадьбы с Джованни да Пьерофранческо Медичи. Зато от старшей дочери Лукреции, выданной за весьма богатого банкира Якопо Сальвиати, пошла ветвь рода Медичи, которая по пресечении старшей линии, взяла в свои руки власть во Флоренции.

Что касается имущественных дел, то в торговле Великолепному не везло, ибо доверенные лица распорядились его богатством не как служащие, а как владетельные князья, и он потерял значительную часть своих капиталов, так что отечеству пришлось поддерживать его выдачей значительной суммы денег.

И внешние обстоятельства, казалось, были против него.

Банк Медичи ссужал крупными займами Эдуарда IV Английского из дома Йорков, пришедшего к власти, победив соперника из дома Ланкастеров. Особенно крупную ссуду Эдуард взял для свадьбы своей сестры Маргариты и герцога Бургундского Шарля Смелого. Но не успели отгрезить свадебные торжества, как недовольный этим альянсом могучий граф Уорвик, «делатель королей», сверг своевольного монарха. Эдуарду пришлось, спасая свою жизнь, бежать в Бургундию (1470). За перевоз через Пролив он заплатил капитану корабля подбитым дорогим мехом плащом — больше у него ничего не осталось.

Прошло некоторое время, и банк Медичи в Лондоне рухнул.

Другой могущественный клиент Медичи, Шарль Смелый, герцог Бургундский, был лишен власти Людовиком XI Французским и убит в болотах близ Нанси. Его единственная дочь Мария стала супругой императора Максимилиана, не жаловавшего итальянских банкиров и пользовавшегося услугами национального банкирского дома Фуггеров.

Банк Медичи в Брюгге потерпел крах.

Чтобы не подвергаться в дальнейшем превратностям судьбы, Лоренцо прекратил торговые дела и стал скупать земли, которые считал благосостоянием более твердым и прочным. В окрестностях Прато, Пизы и в Валь ди Пеза у него образовались владения, которые по доходности своей и великолепию воздвигнутых там построек достойны были скорее государя, чем частного лица. Его мать Лукреция купила большой земельный участок с серными источниками в Морбе, превратив эту местность в модный курорт для своей семьи и особо приближенных.

Если сравнивать двух великих правителей из дома Медичи, то Козимо Старый был осмотрительнее и мудрее, но Лоренцо отличали более яркий ум и личная привлекательность.

Искусство при его дворе стало предметом почти религиозного поклонения, и ко всем, кто отличался в каком-либо виде искусства, он имел величайшую склонность. Творческая элита при его дворе приобрела необычайный дотоле вес. Он крайне благоволил к ученым, самозабвенно увлекался архитектурой, музыкой и поэзией. Чтобы облегчить флорентийской молодежи изучение изящной

словесности, он открыл в Пизе высшую школу, куда привлекал искуснейших людей со всей Италии. Он первый в Европе сумел превратить общение в удовольствие: беседой угощали как изысканным блюдом. Он всегда был открыт для всех одаренных людей.

Но доверял он только матери, Джулиано и иногда Симонетте.

«Были к нему в высшей степени милостивы Господь и судьба, ибо все его начинания давали счастливый исход, все же его враги кончали плохо».

Кроме Пацци на его жизнь покушались также Баттиста Фрескобальди в церкви Карлино и Бальдинотто да Пистойя на его вилле, но оба они, равно как и их сообщники, понесли справедливую кару за свои злодеяния и были казнены в июне 1481 года.

Образ жизни Лоренцо Великолепного, его удачливость и мудрость были известны не только итальянским государям, но и далеко за пределами Италии, и у всех вызывали восхищение. Могучий венгерский король Матвей Корвин не раз свидетельствовал свою привязанность к нему. Французский король, зловещий Людовик II, открыто поддерживал Медичи дипломатическими демаршами и оружием. Султан присылал своих представителей с дарами. И всеобщее это уважение стало для всей Италии предметом восхищенного изумления, которое ежедневно возрастало из-за неизменной его мудрости.

В обсуждениях Лоренцо был красноречив и силен доводами, в решениях благоразумен, в осуществлении решений быстр и смел. Нельзя назвать ни единого поро-

ка, который запятнал бы блеск стольких добродетелей. А между тем он был бонвиваном, любил беседу с балагурами и остряками и детские забавы более, чем это, казалось бы, подобало такому человеку: его не раз видели участником игр его сыновей и дочерей. Наблюдая, как он одновременно ведет жизнь и легкомысленную, и полную дел и забот, можно было подумать, что в нем самым немислимым образом сочетаются разные натуры. Да и отзывы о нем были самые различные: способный честолюбец, просвещенный тиран, самый мстительный человек Кватроченто...

А он просто хотел наслаждаться жизнью — как будто чувствовал, что ему отпущено не так много лет.

О, как молодость прекрасна,
Но мгновенна!.. Пой же, смейся,
Счастлив будь, кто счастья хочет,
И на завтра не надейся!

В этой нехитрой песенке, сочиненной Великолепным, пожалуй, заключалась его жизненная философия — испытать всю меру наслаждений, которая может быть отпущена человеку. Как всякий человек, он верил, что он не случайно живет на свете и его судьбой управляют боги, по большей части благосклонные.

Уладив семейные и финансовые дела, Лоренцо занялся увеличением и украшением родного города. Стремясь сделать власть во Флоренции наследственной в своей фа-

мии, он не решился объявить себя герцогом, а от Синьории получил лишь почетный титул «князь государства».

«Никогда еще Италия не знала такого благоденствия и не находилась в таком выгодном положении, как в 1490 году и в предшествующие несколько лет. Повсюду царили мир и спокойствие. В самых засушливых и гористых областях земли были возделаны не хуже, чем на плодородных равнинах. Никто не угрожал стране извне и не мешал процветанию ее жителей. Всего в Италии было в достатке — трудолюбивых жителей, ремесленных промыслов и богатств. Ее славу умножали великие правители, множество знатных династий и роскошь их домов, красота и великолепие городов», — писал Ф. Гвиччардини. Уроженец Флоренции, он под «великим правителем» в первую очередь подразумевал Великолепного,

Когда Лоренцо было сорок лет, он испытал последнюю любовь. Его избранницей стала 30-летняя Бартоломеа Нази, жена Донато Бенчи. Об этой его возлюбленной имеется мало сведений. Известно только, что его друзья-гуманисты осуждали Великолепного — не за связь с замужней дамой, — а за то, что «она женщина некрасивая и уже в годах».

Конец правления Лоренцо был омрачен появлением Савонаролы, проповеди которого, обличавшего роскошь верхов и разврат духовенства, имели в то время огромный успех. Религиозный фанатик монах-доминиканец Джироламо Савонарола на время стал фактическим правителем, пытающимся превратить Флоренцию из города Возрождения в средневековый монастырь. Странно, что убедил

Лоренцо пригласить во Флоренцию Савонаролу граф Пико де Мирандолла.

В последние месяцы правления Лоренцо, пользуясь его болезнью, Савонарола, маленький костлявый человечек с впалыми щеками и огромными темными глазами навывкате, с жесткой черной шевелюрой, увлек народные массы. Толпу не смущали его низкий выпуклый лоб, кривые нижние зубы, так сильно выпирающие, что полная губа выпячивалась вперед, на удивление высокий и гундосый голос. Впоследствии Ламброзо отметит, что такое строение черепа характерно для религиозных фанатиков.

Все чаще у Великолепного случались приступы тяжелой и угнетающей болезни: он страдал от болей в желудке. Они так терзали его, что он вынужден был постоянно принимать горячие серные ванны, которые несколько смягчали боль, но радикально помочь не могли — по видимому, это был рак. Сначала болезнь скрывали, надеясь на выздоровление, — ведь ему было только 42 года! Но скоро утаить приближение конца стало невозможно. В носилках его перенесли в Кареджи.

Восьмого апреля 1498 года Лоренцо скончался в возрасте 43 лет.

Его смерть дала явные знамения бедствий, ожидавших Флоренцию. Молния с такой силой ударила в купол церкви Санта-Репарата, что значительная часть его рухнула, вызвав всеобщий ужас. С уходом флорентийского правителя распались связующие звенья Лиги, охранявшей Италию от иностранных вмешательств и от венецианской агрессии.

Кончина Лоренцо повергла в глубокую скорбь не только сограждан, но и итальянских государей, поскольку Италия лишилась мудрого кормчего. «Мир погиб!» — воскликнул папа, получив известие о смерти властителя Флоренции.

ПЬЕРО НЕСЧАСТЛИВЫЙ (1471—1503)

Лоренцо наследовал его сын Пьеро, умственные способности которого отец оценивал так невысоко: «Мой старший сын глуп...». Но недостаток талантов у наследника правитель компенсировал направленным образованием. С самого рождения Пьеро готовили к управлению республикой. Его учителем был Полициано, полный стремления привить воспитаннику любовь к добродетели и ненависть к порокам: «Человек рождается для того, чтобы быть полезным человеку», — внушал он. Время показало, что ученик плохо усвоил назидания своего мудрого учителя.

Уже в традицию вошло обыкновение передавать власть в городе, как королевский престол, старшему сыну дома Медичи. Чувствуя приближение смерти, Великолепный призвал своего первенца, убеждая его уважать республиканские идеалы. «Иначе, — пророчествовал умирающий, — власть над Флоренцией будет потеряна фамилией».

Обстоятельства не благоприятствовали Пьеро.

Через два года после смерти Лоренцо в роковом для Италии 1494 году умер Ферранте Неаполитанский. Остав-

шиеся правители Италии не сумели ни насытить, ни обуздать честолюбие Людовико Моро.

Похоронив племянника, смерть которого, возможно, наступила не от вполне естественных причин, он принял решение захватить власть, оттеснив от трона детей Изабеллы Арагонской. Это привело всю Италию к войнам и бедам.

Пьеро возглавил республику после смерти отца и в течение недолгого мирного периода пытался поддерживать хрупкое равновесие между итальянскими городами-государствами, в свое время с трудом достигнутое Лоренцо.

Кончина отца в 1492 году призвала во Флоренцию семнадцатилетнего кардинала Джованни, откуда он в июле вернулся в Рим, чтобы принять участие в конклаве¹. Вопреки его желанию папой был избран Александр VI, Родриго Борджиа. Джованни вновь оказался в родном городе и вместе с братом старался удержать власть своего дома. Здесь он оставался до катастрофы 1494 года, которая заставила его бежать из Флоренции.

Проявляли строптивость тосканские города-вассалы: в Пизе жители опрокинули и вдребезги разбили флорентийского льва, а на его место поставили статую Карла Французского.

¹ Конклав — буквально. «запертая комната», орган, включающий всех кардиналов и созываемый через 18 дней после смерти папы для избрания нового наместника престола Св. Петра. Так называется и помещение Сикстинской капеллы, где происходят выборы. Двери капеллы замуровываются и открываются лишь после избрания нового папы.

Эпоха не благоприятствовала новому правителю. Старые связи рвались, образовывались новые комплоты, сулившие войны и разрушения. И в самой Флоренции было неспокойно. Набирал силу Савонарола, граждане внезапно ощутили воскресшую привязанность к религиозным обрядам и догмам, городская аристократия воспряла, уже не боясь стальной, хотя и обтянутой бархатной перчаткой, руки Великолепного.

Вместе со своей высокомерной супругой Альфонсиной Орсини, которой он безропотно подчинялся, Пьеро наделал множество тактических ошибок. Их никогда бы не совершил Лоренцо. Пьеро не обладал чарующей обходительностью отца; напротив, отличался грубостью и заносчивостью. За короткое время своего правления он сумел настроить против себя горожан и оттолкнуть большинство союзников Флоренции.

Чтобы убрать возможных соперников, он велел схватить двух своих дядей, Лоренцо и Джованни Медичи, двоюродных братьев отца. Для горожан это было подобно удару грома. Никогда Медичи не поднимали руку на своих, предоставив взаимное истребление правителям Милана, Вероны, Болоньи, Феррары. Никогда еще решетки и кинжал не заправляли в их роду политикой. К счастью, оба дяди перед казнью сумели бежать к королю Карлу, который предоставил им защиту.

Внезапно пошел снег. Он падал на город несколько дней и не таял. Люди рассматривали снегопад как грозное знамение. Пьеро советовался со своим канцлером Биббией, как успокоить город. Канцлер предложил устроить

празднества, как это делал Лоренцо. Но невозможно было в короткое время расчистить улицы от снега. Вспомнили о Микеланджело: правитель приказал ему изваять огромную фигуру человека из снега и обратить этот странный снегопад в шутку. Все снова заговорят о Флоренции, в которой люди забавляются, глядя на снежного исполина, — в городе все хорошо. Скоро огромный снеговик, настоящее чудо ваяния, был готов. Правитель наградил художника, но так оскорбительно, как будто швырнул подачку лакею. Однако цель была достигнута — горожане на время успокоились.

Микеланджело Буонарроти происходил из старинной флорентийской семьи и из титанов Возрождения, пожалуй, был самой грандиозной фигурой. «Он был великим скульптором, великим живописцем, великим архитектором и великим поэтом». Он обучался у знаменитого в то время художника Д. Гирландайо, затем сблизился с образованными людьми из окружения Лоренцо Великолепного, чтившими античное искусство и философию платонизма. К этому времени он уже прославился, создав из мрамора знаменитую композицию «Пьета» (Скорбь о Христе). Микеланджело был знаком с правителем с детства и довольно хорошо представлял себе его мировоззрение. Но то, что Пьеро так по-простецки распорядился его талантом, глубоко оскорбило художника.

Пьеро, красивый и распутный молодой человек, сделал целью своей жизни чувственные наслаждения и физические упражнения. Он привык славить меч и чтить его силу. Этот потомок знаменитой фамилии был гораздо больше

похож на своих предков со стороны матери, воинственных Орсини, чем на вдумчивых миролюбивых Медичи.

Заносчивостью и самовластными замашками правитель возбудил к себе ненависть всех без исключения. Сначала старые родовитые купеческие семьи еще воздерживались от открытых проявлений недовольства. Горожане признавали и помнили широкую популярность умного, удачливого Лоренцо, сумевшего придать городу невиданные ранее роскошь и блеск. У Пьеро не было ничего, кроме надменности и неумеренной жажды веселья. Престиж государства падал. Теперь Флоренция уже не могла называться главнейшим государством Италии.

У Пьеро появилась навязчивая идея убрать с площади Синьории донателлову «Юдифь». Все дурное, что случилось когда-либо с Медичи, он приписывал влиянию этой статуи. После восстания Пацци ее хотели совсем разбить. Но Лоренцо никогда не позволил бы уничтожить донателлову скульптуру, хоть и приносящую несчастья. Теперь намерение Пьеро избавиться от статуи, олицетворяющей республику, стало тем предлогом, за который готовы были ухватиться набиравшие силу республиканцы.

Пико де Мирандолла и Анджело Полициано умерли вскоре после смерти Лоренцо Великолепного. Полициано был болен. Всеми поносимый, оклеветанный и презираемый гражданами из-за своей тогда еще новой в Старом Свете дурной болезни, злорадные слухи о происхождении которой скоро разнеслись по всему городу, он мог не выдержать такого испытания, как смерть своего великого друга. Мирандолла как будто ничем не болел. Но оба

они стали яркими приверженцами Савонаролы, а Пико был к нему особенно близок. Секретарь графа признавался, что давал своему патрону некое питье, после чего наступила смерть. Экспертиза, проведенная в наши дни, показала, что оба лоренцовых друга умерли, скорее всего, от отравления мышьяком. Так кто же заказчик этого преступления? Может быть, Пьеро? — робко задают вопрос современные историки. Но никаких документальных и исторических подтверждений этому предположению не существует.

Тем временем Людовико Моро, по существу, узурпировавший власть в Милане, сильно опасался войны с Неаполитанским королевством. Страшный Ферранте умер, но на престол вступил жестокий Альфонс, отец Изабеллы Арагонской. Еще в 1493 году Моро стал засылать к молодому королю Карлу VIII послов, чтобы убедить его явиться в Италию и завоевать Неаполитанское королевство — наследие своих анжуйских предков (его бабкой была анжуйская принцесса).

Сам он не решался вступить в открытое противостояние с Неаполем, поскольку по характеру своему был весьма опасливым и нерешительным. Филипп де Коммин, французский дипломат, знавший его лично, называет его государем чрезвычайно мудрым, но коварным, всегда готовым ради выгоды изменить своему слову. Почти теми же словами ему вторит другой современник: «человек очень умный, но чрезвычайно боязливый и очень гибкий, когда он чего-то боится, и вероломный, если он видит выгоду в измене».

В его лице к власти в Милане пришел человек образованный, интересующийся искусством, чей характер, однако, имел и теневые стороны.

Для Милана было большой удачей, что борьба за власть длилась недолго. Милан пережил при Моро небывалый доселе подъем и вступил в конкуренцию с такими центрами искусства, как Флоренция и Венеция.

Карл VIII, человек «безобразной наружности и великих замыслов», имел от природы полные, отвислые губы и неуклюжий огромный нос, слабое сутулое тело и тонкие рахитичные ножки. Говорили, что одной из самых смешных его черт были огромные глаза и исполненный величия взгляд. По словам флорентийского историка Ф. Гвиччардини он скорее походил на монстра, нежели на человеческое существо, и был совершенно лишен какого-либо культурного воспитания, едва ли умея читать и писать. Правда, Коммин утверждал, что он был любезен. Этот молодой человек, отмеченный печатью деградации, решил завоевать Италию, потом восстановить государство крестоносцев и короноваться в Иерусалиме. Несмотря на протесты Анны де Божё, своей мудрой старшей сестры, долгое время бывшей при нем регентшей, Карл собрал большое войско и выступил в итальянский поход. Все считали, что его можно было уговорить не начинать войну, если бы не влияние кардинала Джулиано делла Ровере, злейшего врага папы Александра. Французское нашествие должно было, по его расчетам, свергнуть власть порочного римского первосвященника и передать папский престол ему самому.

90 тысяч человек в полном вооружении преодолели альпийские перевалы и заполнили ломбардские низины. Войско Карла представляло собой пеструю, разношерстную толпу солдат из разных стран, рисковавших своей жизнью исключительно ради добычи. Даже получая достаточно жалованья, они никогда не упускали возможности разжиться за счет мирного населения. Ландскнехты предпочитали не брать пленных — они убивали врагов с непривычной для итальянцев жестокостью. С ними были 400 больших бронзовых пушек, до сих пор не виданных тяжелых орудий, несущих ужас и смерть.

Французы завладели несколькими городами на севере и двинулись на Флоренцию. Городская верхушка решила для низложения ненавистного Медичи просить помощи у французов. В невзрачном французском короле флорентийская знать видела избавителя от разгула разврата, охватившего мир. Даже Савонарола радовался вторжению иноземцев, которые в его глазах были освободителями от ига Медичи.

Сначала Пьеро намеревался выступить навстречу неприятелю, но скоро понял, что ополчение ему не собрать. Непостоянный в своих решениях и предпочтениях, теперь он так же твердо считал полезным сложить оружие, как раньше полагал необходимым биться с захватчиками. С блестящей свитой он отправился во французский лагерь и после долгих переговоров подписал постыдный договор: он обещал отдать французам некоторые из подчиненных Флоренции городов — Сарцану, Пизу и Ливорно — и выплатить 200 тысяч флоринов военных издержек.

Но, заключив соглашение, Пьеро почувствовал себя опустошенным и обманутым. Удручали не только материальные потери, которые действительно были огромны. Сына Лоренцо Великолепного оскорбило высокомерие и обидное пренебрежение французов к «купцу-итальянцу».

Горожане, собравшиеся на площади перед дворцом Синьории, ожидали решения своей участи. Когда весть о капитуляции достигла Флоренции, негодующие граждане начали вооружаться.

Пьеро возвращался из лагеря Карла VIII при тревожном звоне флорентийских колоколов. Горожане приветствовали его гробовой тишиной. После нескольких минут молчания из середины толпы вышел почтенный, всеми уважаемый гражданин Лука Карсини. Схватив за позолоченную узду коня Пьеро, он гневно крикнул: «Что тебе здесь надо, тиран?» Это был знак: в правителя и его свиту полетели камни, толпа хлынула на всадников как потоп, бешеные крики сливались в мощный гул: «Liberta! Liberta!» Брат Пьеро, кардинал Джованни, выступил вперед и попытался успокоить толпу. Но ему не дали говорить.

Каким-то чудом трем братьям Медичи удалось выбраться из толпы и скрыться в одном из монастырей. Затем они бежали из Флоренции, переодевшись францисканскими монахами. Так покинули Медичи свою родину, город, который они сделали первым во всей Италии.

Народ открыл тюрьмы и разгромил некоторые дома Медичи.

Толпа устремилась на виллу Кареджи, в палаццо Медичи, напрасно разыскивая кого-нибудь из этого ненавистного рода, чтобы немедленно предать жестокой показательной казни. Вилла Кареджи была опустошена. Ее некогда прекрасные залы и павильоны покрылись горами мусора, обломками дорогой мебели и драгоценной утвари, картины, статуи и фрески были уничтожены, античные и новейшие рукописи разорваны и осквернены; фонтаны разрушены, цветы вытоптаны.

Французы вошли в город в качестве союзников республиканского правительства, но атмосфера активного недружелюбия вынудила их отступить. Оккупанты покинули город как грабители, захватив с собой многие из сокровищ дворца Медичи, так долго и любовно собираемые Козимо и Лоренцо.

Империя духа, как и финансовая империя Медичи, кропотливо создаваемая лучшими представителями рода, рухнула.

После изгнания Медичи было восстановлено старое республиканское конституционное правление; создан новый законодательный орган — Большой совет на манер венецианского — из трех тысяч человек.

Но во Флоренции, казалось, всецело царил теперь Савонарола. Вооружившись Символом веры как мечом, он вершил свою жестокою бездушную власть. Вычленив из христианства любовь к нескончаемым страданиям, он стремился всех обречь на вечные муки. На улицах было невозможно увидеть ни пляшущих девушек, переодетых вакханками, с головками, украшенными гроздьями вино-

града, ни парней с козлиными рогами, изображающих Вакха и фавнов — его свиту. Женщины облеклись в грубые темные платья и, опутав руки четками, томили себя бесконечными постами и молитвами. Сыновья самых богатых патрицианских семейств — Ручелаи, Строщи, Альбицци — вступали в доминиканский орден. Девушки срывали с себя подвенечную фату и становились инокинями. Вместо ярких и веселых карнавальных шествий или празднеств по случаю сбора винограда по улицам двигались торжественно-строгие религиозные процессии. В первых рядах выступали дети с недетски суровыми лицами. Они несли на костер женские украшения, игральные карты, пестрые ткани, ковры, зеркала, арфы и мандолины — принадлежности мирской суетности. Книжки, философские и любовные, с античными комедиями и элегиями римских классиков, бесценные пергаменты, богато иллюминированные, с великими жертвами приобретенные, тоже становились добычей огня. Горели творенья Монтегни и Боттичелли. Однажды толпа растерзала живописца Кавальери, бросившегося к огню, чтобы спасти часть картины Монтегни. Даже пышной тосканской природе предписано было стать скромнее, не такой яркой и языческой. Выкашивались травы, готовые зацвести пестрыми цветами, срывались бутоны роз, чтобы те не успели раскрыться.

Как-то разом дети стали судьями и обличителями своих родителей. Стоило сказать при них неосторожное — мирское — слово, засмеяться, пошутить, как сразу же следовал донос тем, кто был поставлен Савонаролой наблюдать

за нравственностью граждан. Виновные неотвратимо привлекались к ответственности. Часто невинных людей из мести или зависти обвиняли в богохульстве и волхвовании. Тогда их ждали тюрьмы, пытки, костер — безбожники во Флоренции Савонаролы карались, как убийцы.

Во время поста накал проповедей Савонаролы был настолько силен, что люди в церквях падали в обморок, а по улицам разносился горестный плач. Савонарола тоже рассчитывал на силу искусства, и желал заставить его служить своим целям; он требовал, чтобы на картинах — только религиозного, ни в коем случае не светского содержания — не было представлено нагого тела: обнажены могли быть только лица и кисти рук.

Пьеро обосновался в Венеции, где стал готовить почву для реставрации династии. Он установил дипломатические отношения с Карлом VIII и Людовико Моро, который очень неодобрительно относился к деятельности Савонаролы. Многие кардиналы оказывали наследнику рода Медичи поддержку. Родственный дом Орсини предоставил ему кров и помогал средствами.

Сторонники Медичи тоже не сидели сложа руки. То и дело возникали заговоры, имевшие целью вернуть Пьеро. Их участников карали с невиданной жестокостью. Дворяне Лоренцо Торнабуони, Джаноццо Пуччи, Луиджи Камбии, Ридольфи и даже 70-летний старик Бернардо дель Неро были удушены при большом скоплении народа. Казнь привела город в неистовство; многие видели в этом великую победу Савонаролы.

Кардинал Джованни, к которому судьба доселе была так благосклонна, теперь впервые столкнулся с более мрачной стороной жизни. За временем удовольствий последовали тревоги жизни беглеца. Джованни, подобно своему брату Пьеро, не отказался от надежды на возвращение его семье потерянного ею и принимал участие словом и делом во всех усилиях вернуть Медичи к власти. Но после того как его надежды были разбиты вдребезги три раза, он несколько лет путешествовал по Германии, Нидерландам и Франции.

В конце концов в дело Флоренции вмешался папа.

В это время римский престол занимал Александр VI, в миру — испанец (каталонец) Родриго Борджиа. При нем Рим, неопрятный средневековый город, прилепившийся к античным руинам, начал преобразоваться. Папа считал себя наследником славы Римской империи, строил мосты, начал приводить в порядок базилику Св. Петра. По свидетельству флорентийского историка Ф. Гвиччардини, настроенного к этому понтифику весьма критически, он «обладал исключительной хитростью и дальновидностью, рассудительностью, всепобеждающей способностью убеждать и умением выходить из сложных ситуаций». Другие знавшие Александра VI говорили о невероятной силе его характера. Мягкий, обходительный, внешне уступчивый, он обладал железной волей, которую скрывал под маской добродушия, и всегда поступал, как считал нужным, невзирая ни на какие обстоятельства. С изворотливостью и ловкостью рук настоящего факира папа умел извлекать дипломатические победы

даже из военных поражений. Если же дипломатия не помогала, в дело шел знаменитый яд Борджиа — кантарелла. Он не имел ни вкуса, ни запаха, но всегда действовал безотказно.

Некоторое время снисходительный понтифик смотрел сквозь пальцы на деятельность экзальтированного монаха, стремившегося обратить прекрасную Флоренцию в монастырь. Он гнушался подобным темной камере фанатизмом его сторонников. Но когда неистовый монах начал задевать его самого, в громовых речах обличая злодеяния Борджиа, действительные или мнимые, папа прислал Савонароле запрещение проповедовать. Отважный обличитель не послушался — он находился далеко от Рима и уповал на защиту горожан, которые казались совершенно послушными его воле.

Чтобы заставить замолчать Савонаролу, проклинавшего его в своих огневых выступлениях, Александр VI, всегда склонный к компромиссу, предложил ему кардинальскую шапку. Но тот с презрением отказался. Трудно сказать, был ли он таким фанатиком благочестия, каким представлялся народу, или просто надеялся создать в Италии государство, альтернативное папскому. Свободно мыслящие современники презирали религиозно-мистический характер его деятельности, утверждая, что он лишь «подделывается к времени и расцветивает свою ложь».

Так или иначе, сделка не состоялась. Тогда папа использовал против монаха самое грозное оружие — отлучение от церкви, пригрозил анафемой его последователям

и, наконец, дал приказ флорентийскому правительству об аресте назойливого ниспровергателя основ.

Священнослужители во главе с архиепископом требовали от Синьории наложить запрет на проповеди отлученного от церкви священника, но добились заявления, что будут защищать своего пастыря. Однако народ уже не был един. Сторонники Савонаролы — пьяньоны — сражались на улицах с его противниками — аррабьятти. Тайная медицинская партия — паллески — вступила в союз с аррабьятти. В цехах вслух высчитывали, насколько обнищали золотых дел мастера, мясники, шелкоделы и красильщики в городе, чья слава основана на шелке, золоте, тканях и где теперь запрещено ходить в вуалях, золоте, шелках и есть мясо.

Горожане, еще вчера поклонявшиеся Савонароле, сегодня проявляли полное равнодушие к его судьбе. Он силой тащил их за собой, усталых и замученных его неустанными обличениями, в царство небесное, но просчитался, надеясь, что они искренне хотят стать праведниками и мучениками.

Не зря Макиавелли считал, что «люди неблагодарны, вероломны, непостоянны и трусливы. Они идут за вождем, пока он им в новинку и гладит их по шерстке. Но как только от них требуется малейшая жертва, они предадут. И правитель, положивший в основу своего правления одну лишь веру в то, что люди добры, падет от того, что не приготовил себе чего-нибудь понадежней».

В марте 1498 года сторонников у Савонаролы не осталось. Он знал, что его ждет, но не скрылся. Неистовый мо-

нах продолжал проповедовать, заклинать, пугать адским пламенем, но никто уже не боялся. Когда 23 мая бывшего всевластного правителя с его двумя соратниками возвели на костер, народ глумился над их страданиями.

Потом палач собрал пепел в сосуды, под конвоем отнес на берег реки и развеял над волнами серебряной Арно.

Мраморная плита на земле отмечает то место, где более 500 лет назад был сожжен Джироламо Савонарола.

С Карлом во Флоренцию вернулись Лоренцо и Джованни Медичи. Но, отринув ненавистную фамилию, они теперь назывались Пополано — Народные. Хитрый и лукавый Лоренцо Пополано пытался изображать из себя Великолепного, покровителя искусств и науки. Не посчитавшись с расходами, он заказал Микеланджело статую Св. Иоанна.

Карл VIII, разбив последние неаполитанские и папские войска, по совету астрологов вступил в Рим. Большинство кардиналов перешло на сторону французов. Но недаром папа Александр VI считался гением прозорливости и дипломатического искусства.

Не имея никакого оружия, кроме дипломатических способностей и сильного характера, Александр сумел перехитрить французского короля, за спиной которого стояла мощная армия. Кроме красивых слов, Карл ничего от папы не дождался. Единственное, что ему удалось, это вытребовать на время неаполитанской кампании Чезаре в качестве заложника. Тем самым он надеялся гарантировать покорность его отца. Каковы же были его ярость и разочарование, когда Чезаре совсем не по-рыцарски сбе-

жал, а в тяжелых сундуках, которые тот берег как зеницу ока, оказались камни и песок!

Скоро благодаря потайной работе Александра VI английский король Генрих VII заключил союз с Фердинандом Арагонским, Людовико Моро вступил в альянс с императором Максимилианом, Венеция подписала договор с папой, а султан Баязет — с Венецией. И все они образовали Святую лигу для изгнания французов из Италии. Одна Флоренция осталась на стороне французского короля.

Карл бросился на север, чтобы достичь Альп скорее, чем его отрежут. Однако итальянские войска под командованием Франческо Гонзаго нагнали его и одержали свою знаменитую победу. Карл бежал, оставив на поле боя награбленное добро, включая памятный альбом с портретами дам, благосклонностью которых он пользовался в Неаполе.

Его внезапная смерть без потомства не стала избавлением Италии от французской опасности.

Правда, Людовико Моро снова правил со всей своей спесью и великой силой, говоря, что в одной руке у него война, а в другой — мир. Но он боялся собственных подданных и даже родных. Брата, кардинала Асканио Сфорца, он отправил обратно в Рим, говоря: «Не обижайтесь, монсеньор, но я не доверяю вам именно потому, что вы — мой брат». Леонардо творил для него чудеса, Браманте — декорации. А в жизнь герцога как метеор ворвалась 15-летняя Беатриче д'Эсте, давно просватанная ему в Ферраре. Он женился по политическим соображениям и не подозревал, что можно так любить законную жену.

Очень живая, жизнерадостная, она с наслаждением отдалась маскарадам, празднествам, балам. Молодая герцогиня любила спортивные состязания и охоту, с жадностью коллекционировала редкую чеканку, стекло и музыкальные инструменты; заказала себе несчетное количество платьев, расшитых золотом и драгоценными камнями. Беатриче родила двух сыновей, которые затем некоторое время правили в Милане. На портрете Леонардо она изображена в профиль, но даже так набросок оставляет впечатление необычайной радости жизни. Считается, что она не пожелала позировать художнику, который написал знаменитый портрет официальной любовницы Моро, Чечилии Галерани — известную «Даму с горностаем». Ему не оставалось ничего иного, как порадовать герцога портретом его другой подруги, Лукреции Кривели. Нам этот портрет известен как «Дама в покрывале». В 1497 году на балу Беатриче внезапно почувствовала дурноту, удалилась в свои покои, родила мертвого ребенка и умерла. Ей было 22 года. Казалось, с собой она унесла всю удачу Людовико Моро. Он доверился лишь одному человеку — Бернардино да Коста — тот захватил Моро и выдал его французам.

Преемник Карла VIII Людовик XII, король из новой династии Валуа-Орлеанов, унаследовал притязания своего предшественника не только на Неаполь, но и на Милан, поскольку приходился внуком Валентине Висконти. В данный момент он был сильно зависим от папы: желал, чтобы тот дал ему разрешение на развод с Жанной Французской и позволение на брак с вдовой своего пред-

шественника Анной Бретонской. Им двигало не только желание удержать за Францией принадлежащее Анне герцогство Бретань: он давно любил эту женщину и теперь пылко добивался ее руки.

Назревал территориальный и политический конфликт между Фердинандом Арагонским и Людовиком Французским. Александр VI оказался в затруднении. Он был испанцем, и национальные чувства привлекали его на сторону арагонского короля. Но тот чинил ему разнообразные препятствия. Главное, Фердинанд не позволял сыну папы Чезаре скинуть кардинальскую мантию и стать светским правителем, а француз пожаловал ему высокий светский титул герцога Валентинуа.

Чезаре Борджиа, чья харизматическая фигура явилась прообразом героя широко известной книги Н. Макивелли «Государь», был «физически прекрасен, высок и хорошо сложен, щедр и даже расточителен». Его мужества хватило бы на двоих обыкновенных мужчин, он был страстен и вместе с тем надменен, горяч и в то же время холоден. Его личность пылала сильным холодным огнем — личность человека без привязанностей, без глупых эмоций, которые лишь мешали бы ему принимать смелые решения. Этот 27-летний мужчина был красив, строен и смертельно опасен. Он был прирожденным хищником необычной породы — из тех, кто убивает инстинктивно, а не ради выживания... Он никогда не пропускал ударов.

Папа намеревался сделать его великим человеком, королем Италии. Чезаре и сам твердо верил в свое великое будущее и выбрал девизом «Aut Caesar aut nihil» — «Или

Цезарь, или ничто». Но, признавая за сыном папы всевозможные таланты и внешнюю красоту, современники обвиняли его как жестокого убийцу, приказавшего зарезать родного брата, заколовшего любовника сестры и уничтожившего многих других, мешавших его планам. Свои злодеяния он прикрывал мантией понтифика.

Эти непостижимые странные Борджиа обладали зловещей, но несомненной силой. Необычайно привязанные к своим родным, они поддерживали друг друга и не стеснялись демонстрировать родственную приязнь. Чтобы показать чувства к возлюбленной дочери Лукреции, папа на время своего триумфального путешествия по областям, которые его сын Чезаре отнял у Колонна, Орсини и Гаэтани, посадил ее в Ватикане, доверив ведение текущих дел.

Лукрецию Борджиа принято считать настоящим исчадьем ада. Однако на самом деле она, скорее всего, стала жертвой клеветы: слишком высоко стояли самые близкие для нее люди. Вовсе не такая прекрасная, как ее принято изображать, она была просто покладистой послушной дочерью и сестрой и типичной женщиной своего времени. Но с правителями Флоренции судьба ее не сводила. Поэтому одна из самых известных ренессансных женщин Италии не будет появляться в нашем рассказе.

Чезаре намеревался объединить все карликовые итальянские государства в Романье, находившиеся под властью мелких правителей. Орсини, Колонна и Бентивольо лишились своих владений. В планы Чезаре входил захват городов Имола и Форли.

В это время они принадлежали внебрачной дочери убитого герцога миланского Галеаццо Сфорца, Катарине. *Prima donna d'Italia*, «Тигрица Романьи» была замечательна не только своей выдающейся красотой и элегантностью, но и сильным, поистине мужским характером. Ее считали самой отважной женщиной Италии.

В 1473 году ее, десятилетнюю, любившую риск, эгоистичную властную девочку для скрепления политического союза выдали за 30-летнего племянника папы Сикста IV Джироламо Риарио. В Катарине были величие, представительность, вкус к роскоши, и она хорошо ладила со своим жестоким мужем. Джироламо отобрал у Феррары Форли; его брат, кардинал Пьетро Риарио, купил город Имолу. Семейство Риарио получило вполне компактное и немаленькое княжество.

Но когда Сикст отошел в вечность, Риарио осталось надеяться только на себя. В Форли Джироламо вступил в конфликт с неким Франческо Орсо, пользовавшимся большим влиянием. Друзья последнего говорили ему, что подозревающий измену граф Джироламо скоро нанесет смертельный удар. Орсо решил его опередить. Подгадав время, когда челядь графа села ужинать, он вошел к нему и заколол кинжалом, а труп друга выбросили через окно на улицу. Под раздачу попали еще несколько человек, поэтому убийцам ничего не оставалось, как с криком «Церковь и Свобода!» поднимать народ. Горожане бросились грабить дома своего господина. Графиню Катарину с детьми арестовали. Чтобы дело кончилось успехом, оставалось только захватить крепость. Комендант отказывал-

ся сдаваться, и бунтовщики решили заставить Катарину побудить его к сдаче. Видимо, радость победы притупила остроту ума победителей, иначе они вспомнили бы, что Висконти и Сфорца, чья кровь бурлила в великолепном теле графини, не прощали оскорблений и не забывали обид.

Катарина пообещала склонить коменданта открыть ворота, если ее пропустят в крепость, и предложила оставить своих детей в качестве заложников. Ей поверили. Но, едва оказавшись за крепкими крепостными стенами, графиня принялась угрожать им мщением за убийство мужа — смертью и жесточайшими пытками. Когда же заговорщики пригрозили, что убьют ее детей, она, показав им свой большой живот, ответила, что имсет полную возможность народить других. Изумленные таким мужеством, видя, что папа их не поддерживает, а дядя Катарины Людовико Моро шлет ей на помощь войско, заговорщики отступили.

Графиня снова получила свои владения и со всевозможными жестокостями отомстила за убийство Джироламо. Однако она всегда была снисходительна к женщинам и на этот раз дала приказ щадить женщин и детей.

Затем Катарина сделала все, чтобы утвердить власть за своим сыном Оттавио. Надменная и страстная, не отягощенная строгой моралью, она часто поступала деспотически и не стеснялась иметь любовников, которых у нее было множество. После гибели мужа она окружила себя людьми, которые были ей до конца преданы, а единственной их наградой было разделить с нею постель. С одним

из этих мужчин, Джакомо де Фео, она сочеталась браком. Он был очень хорош собой, она любила его безумно, что многим не нравилось. Его убили у нее на глазах. Графиня собрала своих солдат и бросилась в погоню за убийцами, которые намеревались укрыться в своем селении. Не боявшаяся решительных действий и не склонная к сантиментам, теперь Катарина приказала изрубить в куски всех ее жителей от мала до велика.

После смерти Савонаролы правительство Флоренции обратило все силы на подавление пизанского восстания. Однако осада Пизы обернулась позорным поражением армии кондотьеров, нанятой правительством.

Во Флоренции правил теперь Пьеро Содерини — он был избран пожизненным гонфалоньером Флорентийской республики. Это был человек небольшого роста, коренастый, сухой, сдержанный. О нем говорили: ни рыба ни мясо; насмешливые горожане злословили, что гонфалоньер — приверженец архивных полок и канцелярских свечей, чиновник, который хочет, чтобы у него счета были в порядке; что душа его лишена настоящих желаний; он владеет только тем, мимо чего великое прошло, не заметив.

Его советником стал Н. Макиавелли (1469—1527).

Семья этого уроженца Флоренции ничем не проявила себя в истории. Только его мать Бартоломея Нелли прославилась как сочинительница очень талантливых религиозных стихов. Но сам Никколо с раннего детства проявлял острый ум, наблюдательность, энергию и склонность к безжалостному анализу. С различными дипломатиче-

скими миссиями он побывал во Франции, в Германии, не говоря уже о маленьких итальянских государствах, смотрел, сравнивал, делал выводы. Острая проницательность позволяла ему проникать во многие тайны правителей, постигать суть вещей и разбираться в хитросплетениях европейской политики.

Ровесник Лоренцо Великолепного, он намного пережил своего патрона, и красочно изобразил его достоинства в своей «Истории Флоренции». Но по-настоящему он восхищался другим человеком. Никколо познакомился с Чезаре Борджиа, который не без успеха пытался создать в центре Италии собственное государство. Герцог его очаровал. Считается, что с него Макиавелли списал, расцветив ренессансными узорами, своего «Государя», самое значительное из созданных им произведений.

В условиях напряженной борьбы за важнейший торговый центр Пизу, Форли, крайне важный для Флоренции в стратегическом отношении город, приобретал огромное значение. Флорентийцы искали помощи Катарини. Судьба Форли была предметом длительных и сложных дипломатических переговоров. Н. Макиавелли в качестве представителя республики был послан к «Мадонне из Форли», чтобы сделать ее союзницей Флоренции. Ему удалось сохранить дружеское отношение Катарини к республике, но она сумела выторговать у этого хитроумного человека множество привилегий для своих детей. Макиавелли прибыл к Катарине вместе с младшим из отпрысков фамилии Медичи, Джованни. Тот был хорош собой и умел вызывать доверие. Хитрые флорентийцы наверняка учитывали это

обстоятельство. Со своей стороны, коварная и опытная женщина чувствовала, что ей не обойтись без поддержки. В 1496 году она тайно обвенчалась с Джованни Медичи, называемым теперь Пополано.

Знатные семьи Италии были связаны друг с другом династическими браками и договорами, заключенными десятки лет назад. Цепь брачных союзов соединяла род Медичи с Орсини, Эсте с родом Сфорца, Гонзаго — с Монтефельтро. «Генеалогические древа так сплелись ветвями, — писал историк, — что если бы кто-то невзначай отломал ветку одного из них, непременно повредил бы другие».

Странно, что раньше не случилось брачных союзов таких близких соседей, как Милан и Флоренция. Теперь они появились. Катарина Сфорца воспользовалась привилегией иметь рядом с собой мужчину, которого не только могла любить, но на которого могла положиться. Однако через год муж стал чувствовать недомогание и умер; от союза с ним родился мальчик, впоследствии ставший известным кондотьером и отцом первого великого герцога Козимо I.

Папа Александр VI был крайне недоволен тем, что графиня отказалась от брака своего сына Оттавио с его дочерью Лукрецией. Он задумал иначе заполучить ее владения для своего семейства и издал буллу, согласно которой дом Риарио лишился власти, поскольку его представители не выполняют своих обязательств перед церковью. Чезаре Борджиа получил сигнал начать серию завоевательных походов. Имола, принадлежавшая Катарине, легко пала

под натиском объединенных папских и французских войск. Графиня отправила гонцов в Рим с прошением о милости. Но Чезаре необходимо было получить Форли. Он приказал арестовать посланцев и под пытками заставил их признать, что письмо графини было пропитано ядом, который должен был послужить причиной смерти Александра VI.

В это было легко поверить, поскольку графиня, поддерживая свою необыкновенную красоту, стала настоящим магистром химии. Она готовила всевозможные мази и притирания для сохранения нежности кожи лица и рук и белизны своих прекрасных зубов, косметику для придания яркости глазам и длинным темно-рыжим волосам. Великодушная женщина не делала секретов из своих рецептов и щедро делилась ими со всеми желающими. Более того, она издала книгу с описанием разнообразных косметических снадобий; там были также советы по избавлению от постылых мужей. Книга пользовалась бешеным успехом. Теперь эта слава заранее делала графиню виновной.

Катарина понимала, что ей не устоять перед войсками Чезаре, превосходящими ее гарнизон численностью и вооружением, но отступать не собиралась. Она вдохновляла своих солдат, стоя на первой линии битвы, и ее воины дрались до конца, чтобы нанести герцогу наибольшие потери. Когда, наконец, город пал, она с достоинством заявила, что готова сдаться французам. Герцог считал ее своей военной добычей и обошелся с красивой зрелой женщиной, как с пленницей, используя право синьора. Тем не менее, 12 января 1500 года она по требованию французской сто-

роны была передана высокопоставленному французскому офицеру Антуану Биссею. Таким образом ее жизнь была спасена.

Когда впоследствии епископ Флоренции Содерини обвинил Цезаре в том, что он изнасиловал эту великолепную, высокородную, замечательную во всех отношениях гранд-даму, тот отвечал, что женщин вообще в расчет не принимает. Действительно, он был привязан лишь к своей сестре Лукреции и настолько, что их обвиняли в inceste. О Борджиа вообще много говорили, больше — клеветали, и, скорее всего, эти обвинения были ложны. Хроникеры тех лет весьма напоминали современных представителей «желтой прессы». Однако Цезаре и Лукреция до конца своих дней любили друга более, чем кого-либо еще. Впрочем, брат отобрал у Лукреции подаренный ей отцом город Сермонету, молвив при этом: «Она женщина, и не сможет управлять им».

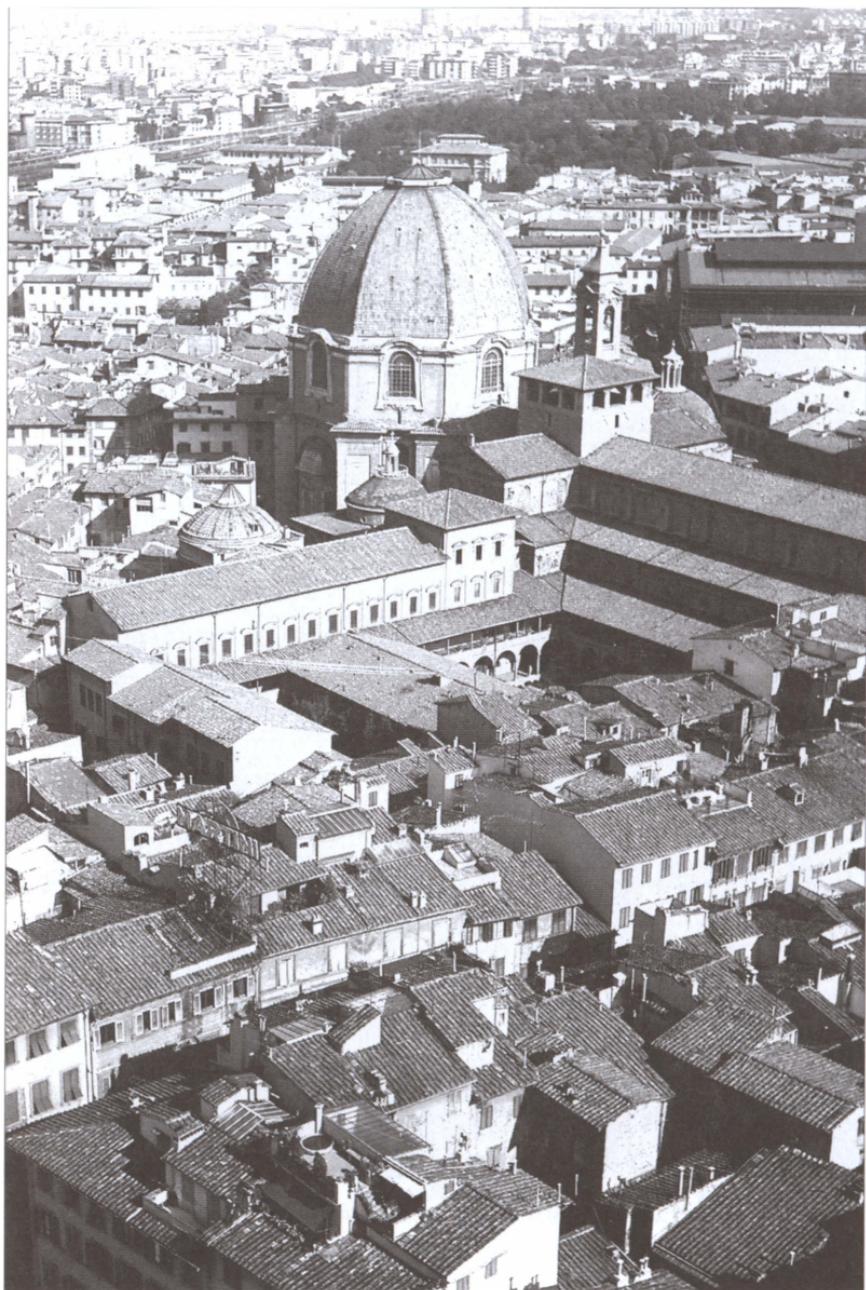
Папа не забыл Катарине тех неприятностей, которые ее непокорность доставила его семье, и заключил графиню в замок Св. Ангела в Риме, откуда ее вызволил опять-таки Антуан Биссей. Она нашла убежище во Флоренции, пытаясь вернуть свои владения, но не преуспела в этом из-за сопротивления братьев своего мужа Джованни Медичи, желавших получить опеку над ее сыном, своим племянником. От них она принуждена была скрываться в монастыре.

Наверное, Катарину и ее третьего мужа связывало глубокое чувство. После его безвременной кончины она сменила имя сына с Луиджи, данного в честь дяди, Моро, на

Джованни. Этого своего ребенка она отличала перед другими и всеми силами старалась защитить. Она поселила его в отдаленном монастыре вместе со своей старшей дочерью от первого брака Бьянкой Риарио. Хорошенького мальчика одевали, как девочку, чтобы его родственники, увидев невзначай ребенка, не вспомнили о наследнике этой ветви рода Медичи и не задумали дурного. Но мало кого можно было представлять девицей с меньшим успехом, чем этого сорванца, каждое слово и каждый жест которого изобличал героя. В 12 лет он впервые в схватке убил человека.

Чезаре в 1501 году захватил несколько флорентийских крепостей и атаковал Флоренцию. Лишь вмешательство Франции, на котором с бешеной энергией настаивал Макиавелли, заставило его отвести войска.

Пьеро Медичи, вечный зачинщик переворотов во Флоренции, источник беспокойства Синьории, утонул во время битвы на реке Горильяно. Он состоял на службе у Людовика XII, наступал с французскими войсками против испанцев, обороняющих Неаполь, и погиб. Французы в этой битве понесли поражение. Так ушел в небытие старший сын Лоренцо Великолепного, дикий и неукротимый, мечтающий о самодержавной власти, смеющийся над тогами философов, тискающий женщин и восхваляющий меч. В изгнании, лишь прикрыв глаза, он видел перед собой шумный, богачий, великолепный город с лабиринтами улиц, с бесчисленными роскошными дворцами знати; с поднятыми высоко к небу стройными башнями храмов и колокольнями монастырей. «Пока буду жив, не перестану

Вид на собор Санта-Мария-дель-Фьоре во Флоренции

Лоренцо Медичи. Неизвестный художник

Джулиано Медичи. Скульптор Микеланджело

*Папа Лев X с кардиналами Джулио Медичи и Луиджи Росси.
Художник Рафаэль*

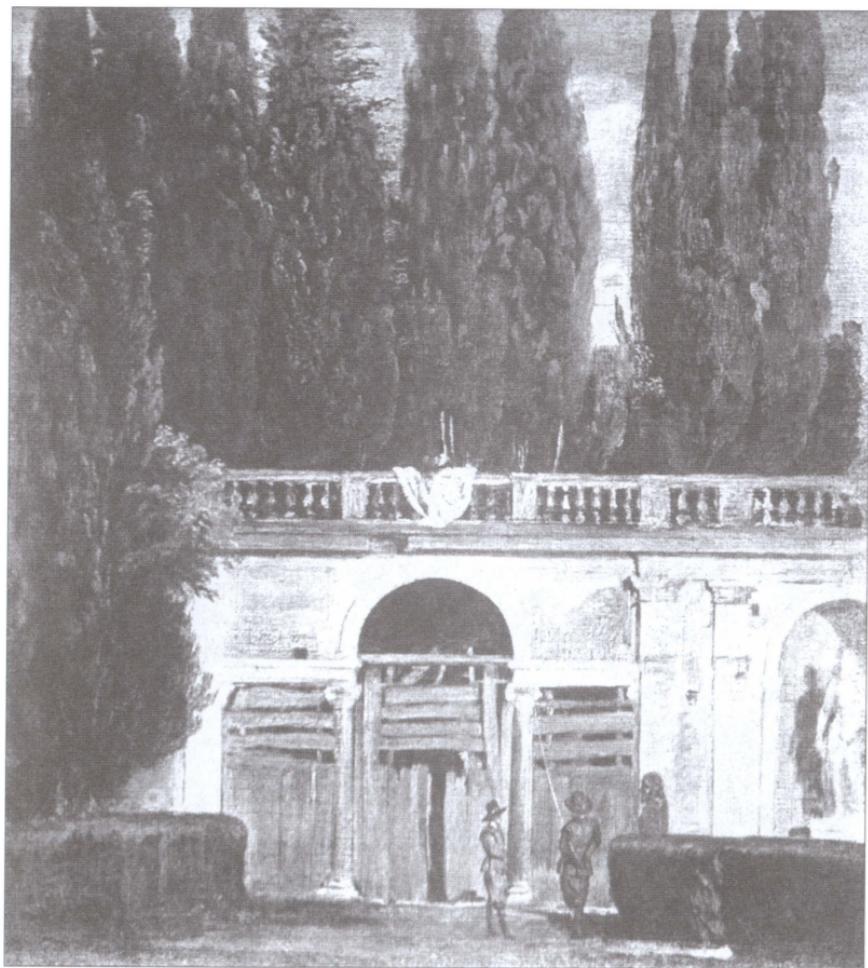
Козимо I Медичи. Художник А. Бронзино

Биа, незаконная дочь Козимо Медичи. Художник А. Бронзино

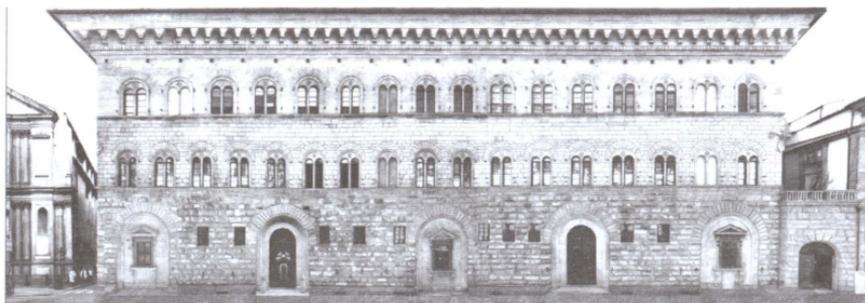
Фердинандо Медичи. Медичи. Художник А. Бронзино

Вид Виллы Медичи. Художник Д. Веласкес

Сады Виллы Медичи в Риме. Художник Д. Веласкес

Палаццо Медичи во Флоренции

Внутренний дворик Палаццо Медичи

Конная статуя Козимо I Медичи. Скульптор Джамболонья

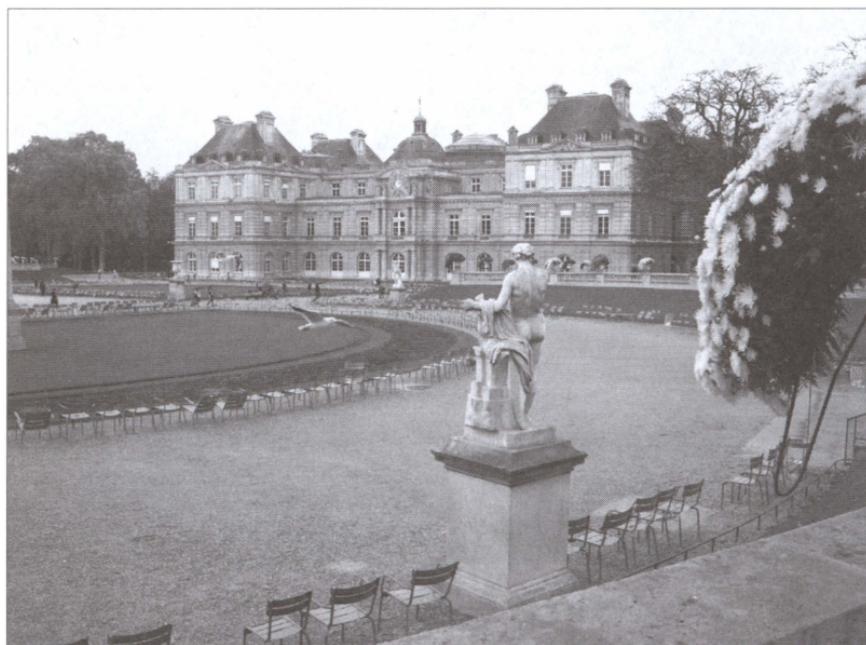
Конная статуя Фердинандо I Медичи во Флоренции

Екатерина Медичи. Неизвестный художник

Вилла Медичи. Современный вид

Дворец Медичи (в настоящее время — Здание французского Сената)

Мария Медичи. Художник А. Бронзино

Портрет Козимо II Медичи с женой Марией Магдаленой Австрийской и сыном Фердинандом II Медичи. Художник К. Босси (предположительно)

Кардинал Леопольдо Медичи. Художник Дж.-Б. Гаулли (Бачиччо)

драться за тебя, моя Флоренция!» — эти слова стали его девизом.

И вот его уже нет.

В тот же год не стало и папы Александра Борджиа.

Это было время, когда Микеланджело ваял своего «Давида».

В наступившем после смерти Александра VI хаосе, когда Флоренция могла бы стать первым государством Италии, Содерини не сделал ничего, не желая рисковать уже имеющимся. В то время, когда надо быстро и ловко действовать, он устраивал собрания, комиссии, совещания, заседания, протоколировал, проводил опросы, ставил на голосование.

«Его плебейские заслуги, — утверждали современники, — заключались лишь в буквальном следовании букве закона».

Но во Флоренции перестали ополчаться на красоту. Снова стали возвращаться поэты, скульпторы и художники. Вернулся Леонардо, которого вся Италия называла божественным, перед которым преклонялись короли; к его неоконченной картине с изображением святой Анны ходили процессии. Он не мог жить без блеска и роскоши, без благовоний, изысканности и хорошей одежды, без слуг, коней, цветов, музыки, красивых лиц и некоторой жизненной утонченности. Но, уехав из Флоренции молодым человеком, он вернулся зрелым мужем на помесячное жалованье из кассы Синьории, которое Содерини выдавал ему как милостыню и не мог найти для гения другого занятия, кроме рытья нового русла Арно.

К этому роднику искусств, в счастливую Флоренцию, куда стекалось столько прославленных талантов, приехал и живописец Рафаэль Санти (1483—1520) из Перуджи, прекрасный юноша, чрезвычайно многообещающий. Поиски идеальной гармонии, о которой как о высшем благе мечтали гуманисты, определяли его стремление к совершенству. Пожалуй, именно ему в наибольшей степени удалось достичь этого идеала.

В 1505 году Рафаэль обосновался во Флоренции, где поддерживал творческие связи с местными художниками. Город на серебряной Арно позволил обрести Рафаэлю ту светлую жизнерадостность, которая присуща его мадоннам: «Конестабиле», «Альбе», «круглым» мадоннам. Но уже через четыре года по приглашению папы Юлия II Рафаэль переехал в Рим, где его творчество приобрело законченность и подарило миру Сикстинскую мадонну и роспись покоев ватиканского дворца.

Андреа дель Сарте во время торжества Савонаролы с риском для жизни выносил под курткой спасенные из пылающего костра куски картин, а потом дома при свете свечи тайно и с великим страстным и сердечным горением рассматривал их, изучал, срисовывал. Теперь он стал настоящим художником и прославил своими работами позднее Возрождение.

Город снова стал полон веселья, золота, шелка и духов, кипучей жизни. Опять струили благоуханье цветы в дивных садах между загородных вилл, никто не косил их до срока как суету и ненужную роскошь.

Следующий папа Юлий II после изменения союзнических отношений выступил против Людовика XII и его сторонников Флоренции и Феррары. Став папой, он заточил Чезаре в замок Сант Анджело. Затем тот пленником уехал в Испанию, чтобы не вернуться больше никогда. 12 марта 1507 года Чезаре был смертельно ранен из засады вблизи городка Виана. Нападавшие, прельстившись пышностью доспехов и платья, сорвали их с раненого, а нагое тело оставили на земле истекать кровью. Чезаре исполнилось 30 лет; он на два года пережил возрастной рубеж — 28 лет, — который когда-то сам себе назначил, и умер за три дня до 15 марта, рокового дня своего героя, Юлия Цезаря.

Теперь Юлий, II подобно Чезаре Борджиа, тоже стремился создать в центре Романьи сильное независимое государство.

В свою очередь французский король попытался низложить понтифика на церковном соборе в Пизе. Разъяренный согласием на это флорентийского правительства Содерини, Юлий II решил восстановить власть Медичи. Он приблизил кардинала Джованни Медичи и поручил ему атаковать Флорентийскую республику, опираясь на поддержку испанского вице-короля в Неаполе.

Человек горячий, легко возбуждающийся, Юлий, несмотря на преклонный возраст, оставался все тем же сорвиголовой, которым пребывал в бытность кардиналом делла Ровере. Для него, страстного, порывистого и откровенного, не существовало компромиссов; он не любил скрывать свои чувства и хитрить; он шел к своей цели прямо. Папа

был известен тем, что лично командовал войсками и не допускал даже малейшего неповиновения. О нем рассказывали, как он, 67-летний, одетый в стальной панцирь, в середине зимы, в ледящем холоде и в снегу по колено, одним из первых во время штурма взобрался по крутой лестнице на стену осаждаемой крепости.

Ужасное разграбление Прато (около 5600 жителей было жестоко убито) вызвало настоящую революцию в столице Тосканы. Содерини был изгнан, Флоренция выплатила папе 100 тысяч флоринов и разрешила Медичи вернуться, что и произошло 1 сентября 1512 года после 18 лет изгнания.

ДЖОВАННИ — ЛЕВ X (1476—1521)
ДЖУЛИАНО (1479—1516)
ЛОРЕНЦО МЕДИЧИ (1492—1519)
ДЖОВАННИ БАНДЕ НЕРЕ (1498—1526)

Джованни вернулся в Италию в мае 1500 года. События во Флоренции сделали целесообразным для него поселиться в Риме. Здесь он жил во дворце Сант-Эустаquio, (теперь палаццо Мадама), окруженный древностями, статуями, картинами и отборной библиотекой, и посвящал себя литературным и художественным интересам, традиционным в его семье.

1503 год принес с собой как избрание папой Джулиано делла Ровере под именем Юлия II, так и гибель Пьеро Медичи.

Джованни, который стал теперь главой фамилии, не скрывал от себя, что, кроме изменения в политической ситуации, ничто не может возвратить его дому владычество над Флоренцией. Вследствие своего широко простирающегося покровительства, большого великодушия и плохого знания дел, он часто находился в очень трудных обстоятельствах; но, несмотря на все затруднения, он твердо верил в свою счастливую звезду. По его убеждению, человека к отличию возносит судьба — этим он утешал своих родных. Ничто не может подвести их, если они не сдадутся сами. Что до него, как бы ни были пусты его сундуки, он сохранял щедрость к ученым и литераторам, музыкантам и художникам. Это великодушные нравилось римлянам совершенно так же, как его мягкость и приветливость. Кардинал Санта Мария ин Доминика стал одним из самых любимых членов Священной коллегии.

Беззаботность кардинала Медичи была удивительной; и она никогда не покидала его, даже при самых угрожающих обстоятельствах. Правда, сын Лоренцо вел более мирскую жизнь, чем многие из старых кардиналов; однако больше всего он отличался своим достоинством и приличием манер.

11 апреля 1512 года испанско-папская армия потерпела жестокое поражение от французов при Равенне, при котором кардинал Медичи был взят в плен и увезен в Милан. Когда он там находился, Юлий II послал ему полномочия даровать разрешение от церковных осуждений многочисленным французам, которые умоляли об этой милости; и

вскоре пленник увидел себя окруженным просителями. После поражения французов было условлено, что кардинал Медичи поедет во Францию как заложник. Но здесь подтвердилась вошедшая в поговорку удачливость его семьи: во время пересечения реки По он успешно ускользнул от французов и бежал в Болонью.

Было нетрудно заставить Юлия II понять, что ничто не может разрушить французское влияние в Центральной Италии, кроме перемены в управлении Тосканой. Когда, наконец, была объявлена война против Флоренции, кардинал Медичи в свите генерала Кардоны, вновь вступил на землю родной страны. Патриции ворвались во дворец и добились отставки Содерини. Должность пожизненного гонфалоньера была упразднена, старые учреждения восстановлены.

Джованни был свидетелем разграбления Прато, где тщетно пытался умерить зверства испанцев. После того как бескровная революция восстановила владычество его семьи во Флоренции, кардинал 14 сентября 1512 прибыл туда жить. Но хотя и он, и его брат Джулиано делали все, что могли, чтобы снискать одобрение, город оставался в состоянии волнения. Был выявлен заговор с целью свержения Медичи, когда вдруг пришло известие о смерти Юлия II. Кардинал поспешно направился в Рим, чтобы принять участие в конклаве.

Приверженцы Медичи с большим искусством держали свою кандидатуру в тайне до подходящего момента. Главное препятствие к возведению его на папский престол заключалось в его крайней молодости. Но здесь ему

помогло то обстоятельство, что даже во время заседания конклава ему пришлось пройти через тяжелую операцию по поводу фистулы, от которой он страдал. Это, казалось, исключало всякую вероятность достижения им преклонного возраста и обещало возможность скорой организации новых выборов.

Но больше всего рекомендовали Медичи избирателям блестящее имя его семьи, выдающееся положение, которое он занимал при Юлии II, и то, что он стоял на стороне противников Франции, не говоря уже о его личных качествах: миролюбии, великодушии и безупречной нравственности. Все это привлекало более молодых кардиналов, которые полагались на его мягкость, доброту и снисходительность.

Суровость, с которой был подавлен заговор Босколи¹ против правления Медичи во Флоренции, была ему совсем не по вкусу. Историки, освещающие это время, полагают, что папа пожелал бы простить преступников, если бы флорентийское правительство сразу после вынесения приговора не отдало приказ об их казни. Однако в осуществлении освобождения остальных заключенных он достиг успеха. Большое впечатление произвело примирение Медичи и их вечных противников Содерини. Пьетро Содерини, жившему в изгнании в Рагузе, папа разрешил вернуться в Рим, причем в это же время ему были возвращены его конфискованные владения. Чтобы на будущее

¹ Заговорщики хотели убить кардинала Джованни Медичи, когда он направлялся на конклав.

положить конец вражде, был предложен брак между Медичи и Содерини.

В первые дни конклава Рафаэло Риарио был грозным соперником Медичи, ибо даже некоторые из более молодых кардиналов были склонны поддерживать племянника Сикста IV. Но, как утверждали злые языки, мешки с золотом из Флоренции сделали свое дело.

Сторонники Медичи всю ночь дежурили для предотвращения фальсификации результатов выборов. Рано утром 11 марта после повторного голосования было объявлено, что сын Лоренцо Великолепного избран папой.

Кардинал Фарнезе огласил результат избрания находившемуся снаружи народу, который воспринял его с проявлениями радости. Крик «Палле! Палле!» долго звучал по улицам Вечного города. Флорентийские купцы, пребывавшие в Риме, свидетельствуя о своей радости, превосходили один другого.

На долю Медичи, как старшего кардинала-диакона, выпало зачитывать избирательные бюллетени. Делал он это скромно и спокойно. Он взял имя Лев, и принял в качестве девиза первый стих сто девятнадцатого псалма: «К Господу воззвал я в скорби моей, и Он услышал меня».

Изумление, вызванное избранием человека, еще не достигшего тридцати восьми лет, было так велико, что многие едва могли поверить в результат конклава. Если некоторые и сетовали на молодость папы, а другие развлекались, насмехаясь над его слабым зрением, то общая радость была неподдельной, поскольку Джованни Медичи был одним из самых популярных членов Священ-

ной Коллегии. «Это был лучший выбор, который можно было сделать, — говорил швейцарский посланник Петер Фальк, — ибо Джованни Медичи склоняется к миру, и так же мягок и умерен, как Юлий II был неистов и груб. В течение столетия Церковь не имела папы, который мог бы сравниться с этим. Каждый поздравляет себя с этим избранием. Только более старые кардиналы не могут скрыть своего разочарования от возведения на престол человека столь молодого, что он, кажется, пресекает все их надежды когда-либо достигнуть высшего достоинства».

Политические причины, способствовавшие избранию Медичи, сформулированы историком Франческо Веттори. «Была надежда, — пишет он, — что тот, кто обладает властью во Флоренции, будет достаточно могуществен, чтобы сопротивляться как Испании, так и Франции, двум великим державам, которые соперничали за верховенство в Италии, а следовательно, в Европе».

Когда всего через десять часов после того, как произошло избрание, эта новость достигла Флоренции, радость горожан была безграничной. Не жалели никаких расходов, чтобы отпраздновать это великое событие — сын города на Арно достигал высшего достоинства в первый раз. Друзья Медичи тешили себя самыми волшебными надеждами, а их врагам оставалось только сохранять спокойствие и ожидать дальнейшего развития событий.

Другие города, особенно Сиена, в отличие от Рима, имели больше дурных предчувствий, как бы молодой папа не оказался непригоден к своему тяжкому бремени. Полагали также, что Лев X может проявить слишком мно-

го милости к своим родственникам и соотечественникам; подчеркивали его от природы обходительный и слабый характер. Но с другой стороны, доказывали, что человек такой незапятнанной репутации должен оказаться хорошим и миролюбивым папой, понтификат которого будет полезен для Церкви.

Все враги Франции в Риме радовались этому избранию, хотя многие не доверяли твердости Льва X. Но даже во Франции его избрание было принято благосклонно. Людовик XII заметил, что тот, кто возведен в высшее достоинство — хороший человек, от которого поэтому нельзя ожидать ничего, кроме хорошего. Посол императора Максимилиана в Риме, после описания избрания пишет следующее: «Папа, насколько мы пока способны составить мнение, будет действовать скорее как кроткий ягненок, чем как свирепый лев, и будет способствовать скорее миру, чем войне. Он будет добросовестно исполнять свои обязанности. Хотя он не будет другом французов, он не будет и их злейшим врагом, как Юлий II. Проявляя заботу о своей чести и доброй славе, он будет покровительствовать ученым, ораторам, поэтам и музыкантам; он будет возводить здания, и не пренебрежет ни своими религиозными обязанностями, ни своей заботой о Церковных государствах. За исключением войны против неверных, он не будет вовлечен в какую-либо иную, если не будет серьезно спровоцирован, и если, как это бывало, не будет принужден к ней. То, что он начинает, он также и завершит; он будет действовать осмотрительно и снисходительно».

Писатели превозносили в стихах и надписях этого любимца и покорителя судьбы. Гуманисты, которым новый папа был другом и покровителем даже в качестве кардинала, провозглашали на все стороны, что железный век ныне уступает дорогу золотому. Несомненно, Лев намеревался исполнить эти ожидания, и проявить себя самым великодушным из покровителей; но это было не все, ибо в начале своего понтификата он казался страстно желающим оправдать также и в церковной и политической областях хорошее мнение, которое о нем имелось.

Во Флоренции на всех улицах и площадях были воздвигнуты арки из цветов, лент и флагов. Художники — д'Аньоло, Бандинелли, Понтормо — украшали город к его приезду. Якопо Нарди готовил великолепную процессию, которая должна была изображать золотой век искусств. Горожане весело распевали песенку:

К нам с великим Львом Десятым
Возвратился век златой...

Но не было недостатка в тех, кто боялся за свободу родного города, в то время как другие, как истинные купцы, рассчитывали выгоды, которые это событие могло им принести. В этот период Медичи окончательно сблизились с феодальной средой: заключали брачные союзы с членами правящих династий, становились кардиналами, вели княжеский образ жизни.

Свои дни Лев X стремился превратить в непрерывный праздник. Среди раззолоченных, обитых дорогим шел-

ком покоев, среди драгоценных статуй и причудливых ваз рекою лилось вино, слышались шутки, смех, остроумные стихи. Лев не уставал, несмотря на свое нездоровье, устраивать пышные маскарады, скачки, театральные представления и сам был душой всех интеллектуальных развлечений. Традиционное для Медичи меценатство получило с ним новое развитие. Одаренные люди особо привечались при его просвещенном дворе. Любимцем Льва X стал не хмурый, неприветливый Микеланджело, а молодой обаятельный Рафаэль. Ближайшее окружение папы составляли Макиавелли и Аретино. Последний вместо античных трагедий продвигал итальянские комедии нравов, в которых действовали авантюристы, аферисты, куртизанки — лица, характерные для эпохи и места. Все пять комедий Аретино, из которых наиболее интересны «Придворная жизнь» и «Лицемер», живо воспроизводили итальянский быт. Центральный образ «Лицемера» вдохновил Мольера на создание его «Тартюфа».

Принято считать, что Лев X ничем не интересовался, кроме удовлетворения своей жажды наслаждений, охоты на вепрей и оленей, конских ристалищ и ловчих соколов. В доказательство приводили его слова: «Папство дается нам один раз, будем же веселиться и пользоваться им для нашего удовольствия». Неизвестно, действительно ли принадлежали ему эти великолепные в своем цинизме слова или их придумали злопыхатели, но стиль его правления полностью подтверждал дух высказывания. Однако на самом деле папа был миролюбивым и трезвым политиком. «И если он предпринимал военные действия,

не столько им владело намерение объединить государства Италии под властью церкви, как он желал доставить родне привилегии и доходы в Романье и других местах поблизости от его престола».

Часто в упрек ему ставилась недостаточная забота о католической религии. В доказательство приводились его слова об «этой прекрасной сказке о Христе». Может быть, поэтому он не особенно встревожился, когда первого ноября 1517 года августинский монах Мартин Лютер прибил к дверям храма в Виттенберге прокламацию с 95-ю тезисами, направленными против продажи индульгенций, которые он полагал вопиющим преступлением против Бога.

Так было положено начало Реформации, хотя никто не предполагал, во что выльется эта демонстрация.

Мартин Лютер, сын бывшего крестьянина, «выбившегося» в рудокопы, получил звание магистра свободных искусств и юридическое образование, затем неожиданно для всех принял монашество в ордене августинцев. Своими способностями, прилежанием и деловой хваткой он сумел завоевать доверие орденской верхушки, и в 1511 году был направлен с дипломатической миссией в Рим. В Вечном городе папы Александра VI молодой монах был потрясен развращенностью и невежеством католического клира. Появилась и окрепла мысль о необходимости искоренения пороков духовенства.

В 1511 году Лютер получил степень доктора богословия, усовершенствовал свою латынь и принялся за перевод Священного Писания на немецкий язык. Однако с

открытым требованием обновления церкви он выступил лишь через несколько лет. Его тезисы против индульгенций ознаменовали восстание против старых порядков, хотя он еще не помышлял о расколе.

Многие немецкие князья, недовольные самовластием римской церкви, нашли его предложения нового порядка привлекательными. Кроме того, немецкие правители давно стремились приобрести культурную независимость от латинства. Поэтому когда папа Лев X приказал главе ордена августинцев держать в повиновении свое братство и наказать дерзкого протестанта, Лютера взял под защиту курфюрст Фридрих Саксонский.

Если сопоставить распущенность и падение, характерные для католицизма предреформационного периода со сравнительно благопристойным состоянием Римской церкви в XVI веке и в последующие века, то можно сказать, что Реформация явилась орудием обновления и укрепления церкви.

Учение Лютера использовали для протестных выступлений против пороков, поразивших католическую церковь и другие мыслители, такие как Вальдес, Цвингли, Кальвин.

То разделение Европы, которое началось с «Тезисов» Лютера, привело к страшному кровопролитию и самым безжалостным в истории человечества войнам — религиозным.

Лев X управлял Флоренцией через других членов своей семьи — своего брата Джулиано Медичи, затем племянника Лоренцо Урбинского, сына Пьеро.

Младший из братьев Медичи, Джулиано, взял на себя обязанность поддерживать порядок в государстве. Будучи по характеру мягким и приветливым, он прилагал все силы, чтобы восстановить согласие между партиями. Прозванный, подобно отцу, Великолепным, он не обнаруживал каких-либо заметных политических амбиций, а просто наслаждался жизнью, которой, как оказалось, ему было отпущено совсем немного.

И в боевом седле, обвешанный оружием с головы до ног, Джулиано Медичи не вызывал страха и ненависти, но все его приветствовали — таким доброжелательным и всем приятным человеком он вырос. Так же было, когда через пролом в стене, устроенный в Прато испанскими воинами не знающего жалости Рамона де Кордова, Джулиано Великолепный вошел в Тоскану для восстановления принципата Медичи. Любовному отношению к младшему сыну Лоренцо Медичи способствовало и сочувствие слабости его здоровья — у Джулиано были больные легкие.

Назначенный братом-папой гонфалоньером Св. церкви и капитаном папской гвардии, он или находился рядом с ним, или отправлялся в поход. Ему в большой степени были свойственны великолепная отвага и воля к победе. Осаждаемый Синьориями Пармы, Пьяченцы и Модены, «знаменосец Церкви» отказался от герцогства Урбино, который Лев X хотел отобрать у Франческо делла Ровере, племянника Юлия II, и уговорил брата вернуть Урбино его законному владельцу. Этот поступок подарил ему дружбу Гвидобальдо Монтефельтро и его супруги.

Не будучи женат, он утешался в обществе красивых образованных женщин. Пачифика Брандано, вдова одного испанского дворянина, находившаяся при дворе Урбинского герцога Гвидобальдо, отличалась этими качествами, равно как мягким веселым нравом, готовностью поддержать шутку, даже если прохаживались на ее счет. С ней Джулиано мог обсуждать политические проблемы; ее остроумные советы забавляли, а иногда восхищали его. Каждый из них мгновенно замечал настроение другого и, чтобы поддержать в невеселую минуту, охотно делился своими радостями. Всеми чувствами они получали удовольствие от общения, наслаждались тем, как полюбили друг друга их тела и тем, что сердца не остались равнодушными.

Поскольку герцог Гвидобальдо мало показывался из-за своей подагры, его представляла приветливая и гостеприимная герцогиня Елизавета.

При высокоинтеллектуальном урбинском дворе Джулиано сблизился с поэтом-кардиналом Пьетро Бембо (1470—1547) и с графом Бальгазаре Кастильоне, известным своим трактатом «Иль Кортеджано», или «Придворный». В непринужденной светской беседе видных аристократов, литераторов и просвещенных знатных дам постепенно определился тип нового человека — идеального придворного, который обладает универсальными способностями, приведенными в гармоническое единство. Высшей доблестью считается служение монарху. Этой задаче должны быть подчинены все физические и интеллектуальные способности человека. Блестящий дворянин —

искусшенный царедворец, умелый в обхождении с дамами, искусный в физических упражнениях, просвещенный в военном деле, умеющий рисовать, петь, играть на нескольких инструментах.

Графом двигало глубокое чувство к герцогине Елизавете. Джулиано сочувствовал другу, поскольку его дама была не свободна и добродетельна.

Кардинал Пьетро Бембо жил в Риме, при дворе Льва X. В своих трактатах он утверждал, что в основу литературного языка Италии должно быть положено флорентийское наречие, на котором писали Данте, Петрарка и Боккаччо. Но он не допускал никаких вульгаризмов, никакого обогащения за счет народных фольклорных источников. Остроумец Бембо с сарказмом относился к нравам папского двора, за что подвергался гонениям и почти всегда находился в поиске сильного покровителя.

К просвещенному урбинскому двору часто заглядывал Н. Макиавелли. Знаменитое впоследствии сочинение «Государь», герой которого, образцовый в делах управления и всевозможных злодействах, якобы списан с Чезаре Борджиа, он посвятил Джулиано Медичи.

Джулиано, как и отец, оказывал широкое покровительство людям искусства и, подобно ему, прославился своим меценатством. Но всему на свете молодой Медичи предпочитал еврейскую каббалу и наиболее странные химеры. Однако, несмотря на то, что он был увлечен каббалой и его взор устремлялся в мироздание, по крови он был скорее находчивым коммерсантом, хотя широта интересов и любознательность помогали ему лучше понять гения, с

которым его свела судьба. При дворе Урбино он познакомился с Леонардо да Винчи. Отчасти отсюда произошли дальнейшая дружба и покровительство, которое этот Медичи оказывал Леонардо.

«Медичи меня создали и разрушили», — говорил немолодой уже Леонардо. Но Джулиано и сам был тяжело болен. Об этом свидетельствовали румянец на щеках, раздражающий кашель и другие известные признаки.

Когда папа Лев задумал сближение с Францией, союз двух стран должен был быть скреплен женитьбой Джулиано на Филиберте Савойской (сестре знаменитой Луизы Савойской, матери Франсуа Ангулемского). При далеко зашедшем туберкулезе брак представлялся самоубийственным, но Медичи, которые себя не щадили для государства (из-за тщеславия! — едко утверждали злые языки), на это решились. Более того, Джулиано был одержим мыслью о французском браке: «Или я женюсь на Филиберте, или уйду в монастырь», — заявил он.

9 января 1515 года на заре Джулиано ускал из Рима, чтобы жениться на своей невесте в Турине.

По непредвзятому отзыву венецианского посла Пьетро Паскуале, Филиберта не отличалась красотой. Она была бледная, болезненная, длинноносая, но, тем не менее, довольно приятная в общении.

Только что умер король Франции Людовик XII, и на престол вступил Франциск I. Он строил великие планы в отношении Италии и прочил своего нового молодого дядю на трон Неаполитанского королевства. В придачу к молодой жене Джулиано получил от короля титул герцо-

га Немурского. Спустя десять месяцев алчущий воинской славы король Франциск вступил в Италию, чтобы вернуть Франции Милан.

После короткого визита в Париж молодой Медичи отправился в Рим — представить своему брату, папе римскому, его новую невестку. С грустью смотрел на молодую пару Лев X. Он с жестокой ясностью осознал, что этот брак мог бы быть счастливым и дать наследников дому Медичи, если бы Джулиано так явно не умирал от туберкулеза.

А тот, быстро соскучившись по тосканскому небу, возвратился на родину. Вскоре он уже не владел ни руками, ни ногами. Филиберга ухаживала за ним как сестра милосердия. Леонардо нашел Джулиано на Виа Ларго, в знаменитом палаццо, умирающим от легочной болезни. Принц отослал Леонардо картину, которая известна всему миру как Мона Лиза, или Джоконда, жена флорентийца Франческо дель Джокондо. Но существует вполне реальное предположение, что Мона Лиза — подруга сердца Джулиано Пачифика Брандано¹. От их любовной связи остался незаконный сын Ипполито.

В это время в Италии незаконнорожденность не рассматривалась как каинова печать; во всяком случае, к бастардам относились куда терпимее, чем в Европе. Неза-

¹ Не исключено, что Мона Лиза — это Филиберга Савойская; а может быть, это портрет правительницы Иския, неаполитанки Констансы д'Авалос — такие подозрения тоже имеются. Существует также предположение, что художник написал портрет своей матери Катерины.

коннорожденными были половина правителей Италии, знаменитые поэты, художники: например, Леонардо да Винчи. Монархи оказывали высшую честь дворянину, отдавая ему в жены свою незаконную дочь. Папы, скованные celibатом, окружали себя целым сонмом «племянников» — незаконных сыновей. Александр VI передал своим побочным отпрыскам самые важные государственные должности и подобрал самые блестящие брачные партии.

Сенсационный союз французской короны и семьи Медичи, скрепленный браком, ни к чему не привел. Джулиано умер через год после свадьбы, не оставив наследников.

Лев X приблизил к себе своего родственника, сына Катарины Сфорца, Джованни. Мальчик получил воспитание, достойное сына семьи Медичи, но выказал большее предпочтение философии стоиков, нежели неоплатоников. Его привлекали естественные науки; много времени он посвящал химическим опытам. Однако главным его увлечением, призванием, делом всей жизни была война.

В Ломбардии Джованни начал свою первую военную кампанию и скоро снискал прозвище Непобедимый. За военные заслуги он был назначен капитаном флорентийской республики и вместе с войсками папы сражался на стороне испанцев.

Но юный племянник Лоренцо, сын Пьеро Несчастливого, был Льву X ближе. На него понтифик перенес все свои надежды. Он поручил ему управление Флоренцией. Ради него он бросил свою армию на герцогство Урбино,

откуда изгнал местного герцога в мае 1516 года и которое он передал Лоренцо. Новый герцог Урбинский установил во Флоренции авторитарный режим, согласно недавно полученному сану.

Чтобы укрепить власть нового государя, папа посчитал необходимым обеспечить ему международную поддержку. Наиболее привлекательной в этом отношении казалась Франция. Пусть первый французский брак закончился ничем из-за смерти Джулиано — Лев X продолжал укреплять позиции своего дома.

Франциск был первым французским королем Ангулемской династии. Мало кто мог предположить, что мальчик из захиревшей боковой ветви Валуа получит корону. Только его мать, Луиза Савойская, верила в великое предназначение своего умного и красивого сына и называла его не иначе, как «мой Цезарь». Она вместе со своей старшей дочерью Маргаритой окружила Франциска таким обожанием, что из него мог получиться капризный и самовлюбленный тиран. К счастью, этого не произошло. Любовью к прекрасному во всех его проявлениях, щедрым меценатством, неотразимым обаянием и чарующей приветливостью принц напоминал Лоренцо Великолепного.

Анна Бретонская не родила Людовику XII сыновей; выжили только две дочери, Клод и Рене. А по Салическому закону французская корона не могла перейти к женщине. Франциск Ангулемский как ближайший родственник короны был призван ко двору. Ему предназначалась рука принцессы Клод, наследницы Франции и Бретани.

Мечты Луизы Савойской начинали сбываться.

Путь к французской короне был тернист. Не то чтобы Франциск ненавидел жену, которую ему навязали: она была милая женщина и исправно рожала детей. Но строгость нравов, введенная при французском дворе Анной Бретонской, наложила отпечаток на характер робкой и богобоязненной Клод. Она была создана для домашнего очага, полна скучных семейных добродетелей и разительно отличалась от просвещенных, остроумных женщин, с детства окружавших Франциска.

«В этой особе меня не прельщает ничто. Да в этом и нет никакой надобности! Я согласился на эту крошку из соображений государственной важности. Для любви всегда есть другие, возле меня число их никогда не убывает», — якобы писал Франциск сестре. Откровенно политический брак чуть было не оказался напрасным после смерти Анны Бретонской.

Людовик XII решил жениться снова и передать страну не зятю, а родному сыну, которого он ожидал от этого брака. Его новая жена, младшая сестра Генриха VIII Английского, была юна, прекрасна и всей душой желала стать матерью наследника французского престола. Увы, желания сбываются не всегда. На 53 году жизни король покинул этот мир, а Маргарите Английской предстояло покинуть Францию. Но молодая вдова заявила, что она ожидает ребенка. Можно представить, как накалились страсти при французском дворе! Хорошо, что Луиза Савойская держала ситуацию под контролем и быстро установила, что растущий живот Маргариты — не что иное, как куски ткани, которыми она имитировала бе-

ременность. Приговор врачей подтвердил, что никакого ребенка не ожидается.

Франциск вступил на престол, и началось его велико-
лепное царствование, приобщившее Францию к итальян-
скому Ренессансу.

«Добродетели нового короля, таланты, щедрость, ми-
лосердие возбудили столько надежд, что все уверены: за
многие годы еще не было на троне такого многообещаю-
щего государя, — писал Ф. Гвиччардини. — Великие до-
блести соединились в нем с цветущей юностью, выдаю-
щейся физической красотой, великодушием, человечно-
стью и глубоким пониманием сложившейся обстановки».

Блестящее правление Франциска далеко не всегда ока-
зывалось удачным в военном отношении. Однако, несмо-
тря на ряд военных поражений, Франция оставалась ве-
ликой державой.

Франциск желал, чтобы Святой престол передал ему
инвеституру Неаполя. Пользуясь этим рычагом, Лев не-
медленно выторговал для племянника Лоренцо Медичи
руку родственницы короля. Лоренцо исполнилось 26 лет,
он носил титул герцога Урбино и вел опасную, но рассе-
янную жизнь кондотьера.

Мадлен де Ла Тур д'Овернь принадлежала к королев-
скому роду. Среди предков ее матери Жанны де Бурбон-
Вандом был Людовик Святой. Жанна вышла замуж за
графа Булонского и родила двух дочерей. Считалось, что
семья графа — потомки Жоффрау Бульонского, первого
христианского правителя Иерусалима. После смерти ро-
дителей девицы де Ла Тур остались очень богатыми си-

ротами. Старшая сестра невесты, Анна, была выдана за герцога Олбани, Джона Стюарта, опекуна короля Шотландии Джеймса V.

Шестнадцатилетняя Мадлен отличалась знатностью, благонаправием и религиозностью, но она не была красавицей. Красоту ей компенсировали юность, голубая кровь и богатое приданое.

Свадебные праздники в Амбуазском замке начались 28 апреля 1518 года и продлились десять дней. Молодому супругу король подарил батальон вооруженных всадников и наградил его орденом Св. Михаила. Невесте он даровал содержание в десять тысяч экю. Лоренцо в свою очередь вручил Мадлен и членам царствующей фамилии подарки папы, оцененные в 300 тысяч дукатов. Среди них выделялись картины «Святое семейство» Рафаэля, которое получила королева Клод, и «Святой Михаил, поражающий дракона», доставшийся королю Франциску.

Перед свадьбой праздновали крестины дофина, и Лоренцо держал над купелью новорожденного — он представлял крестного отца, папу Льва. «Были организованы танцы и балет из 72 дам, разделенных на шесть групп, одна из которых состояла из итальянок в масках, играющих на тамбуринах. За танцами последовал праздник, на котором новобрачный сидел около короля, а новобрачная — рядом с королевой Клод в окружении цвета французского дворянства, сановников и послов. В течение трех часов при свете факелов разносили самые тонкие яства, о каждом из них возвещали звуки фанфар. Наконец, уже на

заре королева проводила герцогиню Урбино в свадебную опочивальню».

Неизменно лобезный и доброжелательный, король приблизил к себе герцога Урбинского: с 19 по 25 мая, оставив в Амбуазе свою юную супругу, тот сопровождал короля в Бретань. Франциск подарил ему перед отъездом трех скакунов, среди которых был турецкий конь, покрытый золотой попоной стоимостью две тысячи экю. Затем герцог и герцогиня вместе объехали фамильные владения де Ла Туров. В Оверни Мадлен и ее сестра герцогиня Анна Олбани разделили наследство. Наконец, в августе молодые супруги выехали из Лиона во Флоренцию и седьмого сентября торжественно вступили в столицу Тосканы.

Еще в июне стало известно о беременности герцогини. Ликующий папа сообщил об этом послам, аккредитованным в Риме. Род Медичи продолжался!

«Для Лоренцо Медичи это было равнозначно победе. Высказывались сомнения, что он не сможет иметь детей в результате ранения, полученного при осаде Урбино, и, возможно также, из-за венерической болезни, которой он заразился, ведя беспорядочную жизнь. Будущий отец отправился к дяде, чтобы передать Льву X устные пожелания Франциска I. Папа остался весьма доволен этой беседой».

Осень оказалась благоприятной для молодой княжеской четы. 27-летний герцог сосредоточил в своих руках всю полноту государственной власти. Дворец Медичи оживляла пышная светская жизнь. Все любили молодую герцогиню, отличавшуюся приветливостью и изяще-

ством. Она охотно носила флорентийский костюм, который ей чудесно шел. Только одна тень омрачала эту счастливую картину: мать Лоренцо, Альфонсина Орсини, была серьезно больна. Вскоре, увы, настал черед герцога лечь в постель из-за не прекращавшейся лихорадки и общей слабости. Врачи настояли, чтобы больного перевезли на виллу Сакетти, стоявшую на холме Монтути, где воздух был чище. Но оттуда он приказал доставить себя снова во Флоренцию, чтобы присутствовать при родах супруги.

Вскоре герцогиня родила девочку. Это весьма разочаровало герцога — он надеялся на сына. Новорожденную показали ее больному отцу и окрестили в церкви Сан-Лоренцо в приходе Медичи, дав ей имена Екатерины, Марии, Ромолы.

У молодой матери была легкая горячка, которую скрыли от герцога, чтобы не тревожить его. Но горячка усилилась, потом она стала очень сильной, а через две недели после рождения дочери, герцогиня умерла. На следующий день ее тело было перенесено в Сан-Лоренцо, где находился семейный склеп Медичи.

Лоренцо пережил свою супругу всего на несколько дней: он скончался утром четвертого мая.

Микеланджело изваял великолепные гробницы сыну и внуку Лоренцо Великолепного. До сих пор в соборе Сан-Лоренцо они поражают величием, печальной красотой и мощью создавшего их гения.

Со смертью герцога Урбинского рушились все надежды папы на возможность прочного закрепления династии Медичи во Флоренции с помощью Франции. Он пред-

принял попытки сближения с молодым королем Испании Карлом Габсбургом. Через несколько дней после смерти императора Максимилиана, его деда, он заложил основы союза, рассматривающего Флоренцию как «единое целое вместе с государствами и суверенитетом Его Святейшества». Однако он не сделал публичного заявления об изменении своего отношения к Франции. Он даже поддерживал кандидатуру Франциска I на императорский трон, проявляя, впрочем, одинаковую милость по отношению к обоим государям.

Теперь не осталось ни одного князя Медичи, способного взять на себя бразды правления. Власть над Флоренцией Лев вручил своим легатам: двоюродному брату, кардиналу Джулио Медичи, незаконному сыну Джулиано, брата Лоренцо Великолепного, а также кардиналу Сильвио Пассерини. Великий поэт Ариосто вспоминал Флоренцию, охваченную то страхами, то надеждами, не знающую, пощадит или сломит зима хрупкую жизнь Катарины — последней законной представительницы некогда могучего рода Медичи.

Франциск I потребовал назначить его опекуном маленькой герцогини, надеясь заполучить ее в качестве заложницы, чтобы влиять на политику папы. Но, чтобы удержать девочку в Италии, понтифик заявил, что намерен выдать ее замуж за ее кузена Ипполито, незаконнорожденного сына Джулиано, герцога Немурского. В действительности же он пытался выиграть время, чтобы безболезненно разорвать бесперспективные отношения с Францией. Став союзником Карла V, он изгнал французов из Милана, но

плодами своего успеха воспользоваться не успел: второго декабря 1521 года в возрасте 46 лет он умер от малярии.

В знак траура по Льву X кондотьер Джованни Медичи украсил свой герб из белых и фиолетовых полос еще и черными полосами (*Banda nera*), что по созвучию с итальянским словом *Banda* звучало впечатляюще, почти как «черные банды». В составе Святой Лиги он сражался на стороне Франции и вызывал всеобщее восхищение стратегическими талантами и холодным мужеством. В наше время историки называют его «Бонапартом XVI века».

Но Джованни в высшей мере были присущи и интеллектуальные склонности, свойственные всем представителям семьи Медичи. В его окружение входил Макиавелли, который в своей книге «Государь», может быть, ориентировался не только на Чезаре Борджиа, но и на Джованни Банде Нере. У него на службе состоял довольно известный в свое время писатель Маттео Банделла, который написал оригинальную историю Ромео и Джульетты. Но более всего близок к этому Медичи был Пьетро Аретино — кутила, развратник, доносчик, но даровитый поэт, — нашедший у него защиту от преследований папского двора за язвительные насмешки над римскими нравами.

Аретино писал о своем покровителе: «Никогда он не оставлял для себя больше жалованья и добычи, чем отпускал своим солдатам. Тяготы и лишения терпел с величайшим спокойствием. В деле не носил никаких знаков отличия, и от соратников можно было отличить его только по сразу приметной доблести. В седле он всегда был первым, из пеших последним. Людей же ценил только по досто-

инству, не глядя на богатство и сан. Дела его всегда были лучше его слов, но и в совете он не пожинал всуе плодов своей славы. Он поистине удивительно умел управлять своими воинами: когда надо — лаской, когда — гневом. Праздность была ему ненавистнее всего на свете. Его добродетель была, без сомнения, природной, а других грехов, кроме свойственных юности, не было... Сердцем он был поистине благосклоннейший из людей. Кратко скажу, что многие будут ему завидовать, но никому не будет дано подражать ему».

ДЖУЛИАНО МЕДИЧИ (КЛИМЕНТ VII)

(1478—1523—1534)

ИППОЛИТО МЕДИЧИ

(1511—1535)

ЕКАТЕРИНА МЕДИЧИ

(1519—1589)

Возлюбленной любимого брата Лоренцо Великолепного, Джулиано, матерью его сына принято считать Фьоретту (Антонию) Горини. Мальчик родился в два часа дня 26 мая 1478 года — ровно через месяц после убийства в соборе Дуомо его отца во время заговора Пацци. Ребенок получил имя Джулио, и Лоренцо воспитывал его как своего родного сына.

Такова официальная версия.

Однако нигде ни разу не упоминается, что вблизи Великолепного, рядом с мальчиком находилась его мать, окруженная всеобщим почетом, как возлюбленная незаб-

венного Джулиано. Было бы естественно приблизить к семье Медичи любимую женщину брата и мать племянника правителя. Однако этого не произошло.

Не потому ли, что матерью Джулио была вовсе не Фьоретта Горини, а Оретта Пацци? Ряд историков предполагает, что Оретта и Джулиано были тайно обручены, но после мятежа Пацци всякая память об этом была истреблена.

Так что и во Флоренции были свои Ромео и Джульетта.

В 1513 году была использована лазейка в каноническом праве и официально заявлено, что родители Джулио, Джулиано Медичи и Фьоретта Горини, были помолвлены, но убийство помешало им узаконить свои отношения.

Адриан VI, избранный папой после Александра VI и совсем бледного и кратковременного¹ правления ставленника Борджиа Пия III, назначил простого родосского рыцаря, но исключительно красивого и претенциозного Джулио Медичи архиепископом Флоренции и кардиналом.

Джулио удалось установить относительное спокойствие в Тоскане, несколько стабилизировать государственную систему и финансы. Его внутренняя политика продолжала поиски традиционного для Медичи компромисса со всеми социальными слоями и демонстрировала приверженность республиканским ценностям.

К несчастью, в это время английское сукно стало вытеснять с мирового рынка флорентийское, а импорт шер-

¹ Он занимал святой престол всего три недели.

сти из Англии резко сократился; появились трудности с получением красителей из Леванта. Торговля с европейскими странами уменьшилась почти в четыре раза. Некоторый подъем производства шелка и предметов роскоши не компенсировал сокращения традиционных отраслей промышленности.

Кардинала Джулио серьезно волновал этот начинающийся упадок всегда богатой Флоренции, равно как и размышления по поводу дальнейшей судьбы наследования власти в государстве. Осталось всего три человека, имевших на это право, причем двое из них были незаконнорожденными, а третья — маленькой девочкой.

Дочь покойного герцога Урбинского Екатерину воспитывала бабушка Альфонсина Орсини до своей смерти в феврале 1520 года. Заботу о сироте взяли на себя ее дядя, герцог Олбани, обосновавшийся в Ватикане, двоюродная бабушка Лукреция Сальвиати, супруга богатого банкира, и ее добродетельная и энергичная тетка Кларисса Строцци.

Эти связанные с семейством особы заботились также о двух незаконнорожденных отпрысках семейства Медичи.

Ипполито, который увидел свет в 1511 году, был сыном Джулиано Медичи, младшего сына Великолепного, и одной благородной дамы; он относился к лучшим представителям рода.

По общепринятым меркам незаконнорожденность Ипполито не могла служить препятствием на пути его возвышения. Его воспитывали как принца. Он имел счастливую внешность, обладал ораторским даром, легко усвоил пре-

красные манеры; природной обходительностью и обаянием напоминал как отца, Джулиано, герцога Немурского, так и деда Лоренцо Великолепного. Среди лучших портретов Тициано — портрет Ипполито Медичи, так называемый «La bella».

На случай, если судьба не пощадит драгоценного наследника дома Медичи, в запасе имелся другой мальчик по имени Алессандро. Он считался одним из бесчисленных внебрачных отпрысков Лоренцо Урбинского, но современники полагали, что на самом деле он был сыном кардинала Джулио, будущего папы. Непонятно, почему на его происхождение сочли необходимым набросить некую дымку таинственности: ведь ни духовенство, ни папы не считали зазорным иметь незаконное потомство. Должно быть, приписывая отцовство герцогу Урбинскому, можно было заявить, что тот своим внебрачным детям счет потерял и попросту не помнит, какая из мимолетных подружек порадовала его таким подарком. Подобное объяснение не годилось для кардинала Медичи: ему полагалось даже в разврате сохранять респектабельность. Скорее всего, действительно, как твердили злые языки, матерью Алессандро была девушка-рабыня, захваченная на побережье Берберии и выполнявшая черную кухонную работу. Темнокожая, толстогубая, с жесткими курчавыми волосами, она неожиданно оказалась восхитительной любовницей, преданной и ласковой, а рожденный ею мальчик стал самой большой привязанностью кардинала Джулио.

Тем не менее официальная версия существовала и имела колоссальный изъян: Алессандро не мог взять в жены единственную законную наследницу дома Медичи, дочь Лоренцо Урбинского и французской принцессы, Екатерину. При таком раскладе она оказывалась его единокровной сестрой. А ведь как это было бы удобно и логично! Однако ничто не препятствовало жениться на Екатерине Ипполито, и некоторое время в городе этот брак считался делом решенным.

Спокойная жизнь трех детей продлилась до конца понтификата Адриана VI. Кардинал Адриан Утрехтский, архиепископ Тортозы, бывший наставник Карла V, одно время управлявший Испанией, был избран конклавом, собравшимся после смерти Льва X, без предварительного согласия на то претендента. Считали, что выборщиков утомило жесткое соперничество кардиналов Помпео Колонна и Джулио Медичи; они устали от Медичи. Тем не менее этот факт говорил об усилении в Италии позиций Испании.

Адриан VI был благочестивым, ученым и бескорыстным человеком, желавшим творить добро. Однако он был посредственным папой, ибо не знал всех тонкостей искусства управления и не проявил достаточно гибкости, чтобы приспособиться к нравам римского двора. Новый папа начал с проведения суровой реформы церковных нравов. Кардинала Джулио Медичи, который грезил о тиаре, снова удалили из Рима во Флоренцию, чтобы навести там порядок. Он не долго оставался в отдалении от Святого города. После смерти Адриана VI в ноябре 1523 года по-

сле двух месяцев безрезультатных споров Джулио был избран папой под именем Климента VII¹.

В течение всего своего понтификата, продолжавшегося одиннадцать лет, папа из рода Медичи вел политику балансирования, используя Франциска I против Карла V и, наоборот, прибегая в случае необходимости к помощи Генриха VIII Английского.

Положение в северной Италии стало особенно опасным, когда в 1523 году французы снова захватили Ломбардию. В стане французского короля возникли резкие противоречия, лишившие его самого талантливого полководца — коннетабля королевства маршала Шарля Бурбонского.

Что могло заставить перейти в стан врагов его страны одного из самых лучших представителей всегда верного короне дома Бурбонов, к тому же, по отзывам знатоков, лучшего полководца Европы? Как всегда, гордость, женщина и деньги.

Коннетабль Шарль де Бурбон, красивый мужчина, известный своей отвагой и воинским искусством, стоял к трону очень близко. Но, верный присяге, никогда не воцелился к короне — честь не позволяла ему преступных мечтаний. Совсем молодым принцем он привлек внимание Луизы Савойской. Она осталась вдовой в ранней молодости, а положение матери наследника престола делало для нее невозможным многие брачные партии. Проис-

¹ Ряд тенденциозных историков утверждает, что Джулио Медичи отравил папу Адриана.

хождение и богатство Шарля удовлетворяло все династические требования, кроме того, он сам пришелся очень по сердцу Луизе. Однако молодой человек еще в детстве был обручен со своей кузиной Сюзанной де Бурбон, приносившей ему огромное приданое. Как только Сюзанна, отличавшаяся слабым здоровьем, умерла, Луиза Савойская без затей предложила коннетаблю жениться на ней. Но оказалось, что у того другие планы — во всяком случае, не женитьба на матери короля. За это она смертельно его возненавидела и поклялась разорить. Ей это удалось: он был лишен всего своего имущества. Бурбон покинул Францию и отправился в Италию — его матерью была Клариче Гонзаго.

Воспользовавшись ситуацией, не преминул приветить маршала и заключить с ним секретный договор о крупной наступательной операции недавно избранный императором Карл V.

Этот монарх по воле судьбы соединил под своей рукой огромные, ранее никогда не объединявшиеся сферы господства, которые после него никогда уже не входили в состав единой империи. Как наследник дома Габсбургов, он получил Германию и владел Нидерландами, где помимо важнейших графств (Брабанта, Голландии, Зеландии и пр.) ему принадлежала Бургундия. От матери он наследовал Испанское королевство с Балеарскими островами, Сардинию, Сицилию и Неаполь. Созданное путем династических брачных союзов огромное рыхлое государство, организовать в котором единую правовую, социальную и экономическую системы едва ли было разрешимой про-

блемой, стремилось не к компактности, а к еще большему расширению. Девиз Карла «Plus ultra», означающий «дальше, сверх этого», свидетельствовал о его планах создания «мировой империи». Эти амбиции подтверждало и избрание его на трон императора Священной Римской империи, и брак наследника престола Филиппа с английской королевой Марией Тюдор. На время правления Карла приходится завоевания, колонизация и христианизация земель Центральной и Южной Америки, стоившие коренному населению этих земель огромных человеческих жертв.

«Хилый телом, на вид меланхоличный, в движениях медлительный, Карл Испанский способностью на героические дерзания, широкие безбрежные замыслы превосходил всех государей, своих современников. Некрасивый, с отвисшей нижней губой, которую обессмертил Тициан и высмеял Ариосто, малодоступный влиянию женской красоты, он умел повелевать и знал секреты уловления сердец. В нем не было великодушия и рыцарской удачи его несчастного соперника Франциска I», но мыслил он более глубоко и рассчитывал более точно.

Французской армии пришлось отступить перед императорскими войсками, осадившими Марсель. Только политика выжженной земли, с помощью которой французы сами опустошили земли Прованса, позволила изгнать захватчиков.

Имперские и папские войска под командой Просперо Колонна и Джованни Медичи, предводителя «Черных банд», в нарушение договора захватили удерживаемое

Лотреком Миланское герцогство и возвратили его под управление одного из Сфорца, сына Моро, принужденного стать союзником испанцев.

Этот успех напугал Климента VII. Чтобы защитить себя от императорского могущества, в декабре 1524 года он заключил тайный договор с Франциском I. Смело возобновивший поход, рыцарственный король Франции вступил с еще более значительной армией в Ломбардию. Он захватил Милан, затем двинулся на Павию во главе своей и папской армии, посланной Климентом VII, под командованием одного из Медичи, кузена папы Джованни делла Банде Нере. Исход сражения 24 февраля 1525 при Павии недалеко от Милана оказался для французов роковым: оно закончилось оглушительным поражением. Поверженный Франциск вынужден был подчиниться простому испанскому солдату, который приставил к груди короля шпагу и без церемоний придавил его ботфортом. Доставленный к командиру испанскими войсками, французский король сдал ему шпагу и со всеми полагающимися королевской персоне почестями был объявлен пленником. В ночь после сражения Франциск писал матери: «Все потеряно, но не честь и не жизнь». Впоследствии ему была возвращена свобода взамен на отправление в испанскую тюрьму двух младших сыновей.

Бок о бок с искусным военачальником де Бурбоном сражался Франческо д'Авалос, маркиз де Пескара. Этот прирожденный полководец, победитель при Павии, был итальянцем по происхождению. Он ничего не получил от Карла за эту победу. Оскорбленный его неблагодар-

ностью, Пескара вступил в заговор против императора. Венецианцы вместе с первым министром Сфорца, Джироламо Мороне, предложили ему создать тайный союз против испанцев, надеясь привлечь к нему папу и Францию. Пескара за изгнание испанцев была обещана корона Неаполитанского королевства. Но затея провалилась. Пескара решил хранить верность Карлу, арестовал Мороне и предал его суду. Герцога Миланского лишили власти, а Миланское герцогство было официально присоединено к владениям испанской короны.

Но триумф имперских войск при Павии вызвал тревогу во всей Европе, испугавшейся необыкновенного усиления со стороны одного человека.

Климент VII выступил организатором объединяющей его с Францией Святой лиги, которая в честь него получила название «Климентина». В нее входили папа, Англия, Венеция и Флоренция. Целями Лиги ставились переход Генуи под суверенитет Франции, изгнание имперских войск с севера Италии, лишение Карла V титула короля Неаполитанского, выплата компенсации сыновьям Франциска за их пребывание в плену. Если бы тогда Франция смогла сделать необходимое военное усилие, император, сдерживаемый турецкой угрозой на венгерских границах и не очень надеявшийся на лютеран, мог бы быть разгромлен. Но контингент французских войск, состоявший из нескольких отрядов, не смог предотвратить поражение папы и Венеции в Миланском герцогстве.

Пока происходили все эти события, Флоренцией управлял кардинал Пассерини от имени Ипполито Медичи.

Молодой человек вступил в город 31 августа 1524 года, и все ожидали объявления его помолвки с Екатериной, законной наследницей династии Медичи.

Екатерина и Алессандро приехали со своим гувернером во Флоренцию в июне 1525 года. Они вместе провели лето на вилле Поджо, построенной архитектором Сан Галло для Лоренцо Великолепного в Кайано на берегу Омброне, в великолепной местности, среди роцц и садов.

Папа Климент VII позаботился, чтобы обеспечить доходы своей маленькой кузине, которую он предпочитал считать своей племянницей. Екатерину называли «маленькой герцогиней», хотя она не владела герцогством Урбинским — папа Адриан VI вернул его законному владельцу Франческо делла Ровере. Ее состояние было значительным. Оно состояло из доходов матери Мадлен де Ла Тур, а также из невыплаченной ренты, данной Франциском I ее отцу Лоренцо Медичи. В детстве Екатерина вела действительно княжеский образ жизни.

Папа договорился с флорентийцами, что власть будет передана гонфалоньеру, назначаемому каждый год, «до тех пор, пока Ипполито достигнет того возраста, когда сможет править сам». Однако близкие к нему люди не могли не знать, что Климент VII всегда предпочитал Алессандро — своего собственного незаконнорожденного сына и явно намеревался заменить Ипполито на него.

Именно тогда во Флоренции произошел бунт против Медичи. Это событие было тесно связано с международной ситуацией.

Император решил отомстить Клименту VII. В сентябре 1526 года он приказал своим римским сторонникам атаковать Ватикан. Враждебные Медичи Колонна вынудили Климента искать убежище в замке Св. Ангела (Сант-Анджело). Это отступление папы не было долговременным. Но вскоре император бросил свои войска на штурм Вечного города. Посягательство на Ватикан было беспрецедентным явлением. Две атаки отбил герцог Урбино. В третью их повел сам Шарль Бурбон и был убит метким выстрелом из аркебузы, который произвел солдат Бенвенуто Челлини. Потеряв командующего и предоставленные сами себе, имперцы начали погром Вечного города. За восемь дней была уничтожена половина населения Рима, насчитывавшего 55 тысяч человек, разрыта могила апостола Петра, вскрыт гроб папы Юлия и с его руки сорвано золотое кольцо.

Сознание населения большей части Европы, состоящего из правоверных католиков, было потрясено трагизмом происшедшего и оскорблением святой веры. Сообщение о погромах вынудило императора Карла отменить торжества по поводу рождения сына Филиппе.

Разграбление Рима заставило Климента, переодевшись разносчиком, вторично прятаться в замке Св. Ангела. Он мог видеть творившиеся вокруг ужасы: испанцы никого не пощадили — ни мужчин, ни женщин, ни детей, не было никакого уважения к сану священников, пожилых кардиналов, монахов; были осквернены многочисленные монастыри, обители, церкви и соборы: добыча мародеров оценивалась в 1 000 000 дукатов. С великим трудом прин-

цу Оранскому, преемнику коннетабля Бурбона, удалось отвлечь разъяренные войска от замка Сант-Анджело. Климент умолял своих союзников прислать ему на помощь армию, но ее пребывание в Риме длилось недолго. Она состояла из венецианцев, флорентийцев и швейцарцев на жалованье у Франциска I. У союзников папы были дела поважнее: пользуясь разгромом Святого престола, они отправились в свои государства, чтобы вернуть территории, которые некогда были отобраны Римом.

Разграбив город, императорские орды получили достаточно средств, чтобы еще в течение девяти месяцев оккупировать Вечный город, из которого их смогли изгнать, как говорили, только чума и венерические болезни.

Оставшесся население питалось собаками и крысами, поскольку город и его окрестности были опустошены. Папа довольствовался травой, нарванной в окружающих замок рвах. Он вынужден был отказаться в пользу императора от Пьяченцы, Пармы и Модены и заплатить за свое освобождение выкуп в 300 тысяч дукатов. Но поскольку платить было нечем, он провел в заточении семь месяцев в качестве пленника, пока Карл V, убедившись, что взять с папы действительно нечего, не простил ему этот долг. Страх вынудил понтифика отречься от Святой лиги.

От большой фамилии Медичи практически ничего не осталось.

В битве при Говернопо выстрелом из фальконета был ранен в ногу выше колена Джованни Банде Нере. Началась гангрена, ногу пришлось ампутировать. Операция произ-

водилась с помощью пилы, без какого бы то ни было обезболивания. По свидетельству любителя драматических эффектов А. Дюма, во время операции раненый сам держал факел, светя хирургам, и его рука ни разу не дрогнула. Присутствовавший при операции (и часто выбегавший из комнаты, не в силах выносить весь этот ужас) Аретино тоже вспоминал о редком мужестве, проявленном его господином, но без таких душераздирающих подробностей. Однако операция не помогла. Джованни чувствовал приближение смерти. Он попросил Аретино читать вслух, ему хотелось забыться в поэзии... Скоро наступил конец. Полководец ушел из жизни в возрасте 28 лет.

Еще один достойный представитель семейства Медичи сошел со сцены.

Клименту еще предстояло величайшее унижение: на Болонском соборе 1530 года он вынужден был короновать императора, своего победителя, поработителя всей Италии, немецкой и итальянской коронами. Но как только Климент вышел из своего убежища, он жестоко отомстил испанским приспешникам Колонна: преследуя их, он стер с лица земли четырнадцать их замков и деревень и вырезал всех жителей в их вотчинах.

Враги Медичи во Флоренции воспользовались неудачами папы, чтобы организовать восстание. Его возглавил Никколо Каппони: потомок знаменитых флорентийцев, он был членом группировки, враждебно настроенной по отношению к Медичи. Дворец Сильории был атакован; во время его штурма левая рука огромной статуи «Давида» Микеланджело была отбита камнем.

17 мая обоих незаконнорожденных Медичи — Ипполито и Алессандро прогнали из города. Новое правительство Синьории издало указ о вечном изгнании семьи, но сохраняло за ней право пользоваться своими доходами.

Маленькая Екатерина, которой было тогда восемь лет, жила на вилле Поджо. Ее никто не беспокоил, скорее всего, благодаря вмешательству ее тетки Клариссы Строщи, муж которой присоединился к Никколо Каппони. Кларисса относилась к Екатерине как к собственной дочери, то есть довольно строго. Она воспитала ее в Риме вместе со своими родными детьми — семью сыновьями и тремя дочерьми, которых Екатерина любила.

Но когда юные Медичи покинули Флоренцию, Синьория вдруг поняла, что легкомысленно лишила себя очень полезных заложников. Прошел слух, что Климент VII, выйдя из замка Сант-Анджело и став во главе армии, устремился во Флоренцию, чтобы ей отомстить! В Поджо был направлен посланец, уполномоченный забрать оттуда девочку и вернуть ее во Флоренцию. Несмотря на возражения тетки, Екатерина оказалась запертой в доминиканском монастыре Святой Люции, известном неприязненным отношением к Медичи.

После благодушного начала флорентийская революция принялась свирепствовать: «бешеные» повсюду разбивали гербы Медичи и уничтожили статуи Льва X и Климента VII.

Тогда папа, несмотря на свою злопамятность, решил вступить в сделку с Карлом V, чтобы воспользоваться императорской помощью и наказать Флоренцию, остав-

шуюся верной своему союзу с Францией. Знаменосец Капони, поддерживавший переписку со святым отцом, был низложен в апреле 1529 года и заменен Франческо Кардуччи — непримиримым предводителем народной партии. Теперь ничто, кроме содержания Екатерины под стражей, не могло помешать Клименту VII отомстить флорентийцам.

Дипломатическая изоляция Флоренции стала возможна благодаря тайному Барселонскому трактату, заключенному в июне 1529 года между папой и императором, а потом — Камбрейскому договору, который пятого августа 1529 года закрепил отказ Франции от своих итальянских союзников. После этого Карл V как победитель смог направиться в Италию, отданную ему папой. Высадившись в Генуе в конце августа, он вступил в Милан, чтобы восстановить власть Франческо Сфорца и продиктовать свои условия Венеции и Ферраре, вынужденным вернуть Святому престолу земли, захваченные в 1527 году. А Флоренция должна была быть уничтожена силой в соответствии с обещанием, данным папе. Поэтому императорская армия под командованием принца Оранского в конце сентября получила приказ идти на столицу Тосканы. К ней быстро присоединилось папское войско. В октябре город был осажден со всех сторон.

Уже два года Екатерина жила в бунтующей Флоренции, запертая то в одной, то в другой обителях. В декабре 1527 года она перешла из монастыря Святой Лючии в монастырь Святой Екатерины Сиенской; но там началась эпидемия заразной болезни, и посол Франции де Велли

смог с согласия Синьории забрать ее оттуда декабрьским вечером 1527 года и перевезти в бенедиктинский монастырь Мурате, или Замурованных. В этом аббатстве со строгим монастырским укладом жизни юную Екатерину Медичи ожидал присмотр, больше похожий на заточение. В то же время, благодаря толстым стенам, это было убежище более надежное, чем дворец. Новая жизнь Екатерины не была особенно мрачной. С давних пор знатные дамы выбирали эту обитель для своего уединения. Екатерина занимала там просторную келью, построенную в начале века для Катарины Сфорца Риарио, вдовы одного из Медичи, матери кондотьера Джованни делла Банде Нере. Ей прислуживали две женщины, но недоставало любви ее близких: Кларисса Строцци, ее тетка, к тому времени уже умерла.

Многие монахини принадлежали к крупной флорентийской знати. Во время осады они продемонстрировали свою привязанность к Медичи, посылая сторонникам семьи, оказавшимся в плену, сладости и корзинки с фруктами, украшенные шестью геральдическими шарами этой династии.

В монастыре, куда не доносилась пушечная канонада, почти ничто не нарушало установленного уклада жизни, заполненной простыми удовольствиями. «Матушки хорошо встретили и баловали эту хорошенькую восьмилетнюю девочку с очень изящными манерами, вызывавшую всеобщую любовь». Она была «такая мягкая и приветливая, что матушки очень сочувствовали ее горестям и неприятностям». Она с удовольствием слушала великолепно

ное пение монахинь во время служб, на которые верующие стекались со всей Флоренции в церковь, открытую для внешнего мира.

Екатерине было десять лет, когда началась памятная осада Флоренции, которой суждено было продлиться с октября 1529 по август 1530 года. Флорентийцы безжалостно расчистили вокруг города пространство шириной в одну милю. Они сожгли прекрасные виллы и испортили отличные уголья, чтобы врагу было негде спрятаться.

Осада была особенно тяжела для флорентийцев, потому что в городе свирепствовала чума. У кого была такая возможность, бежали в безопасные места. Напротив, Микеланджело вернулся в город из Феррары, куда его посылала Синьория для ознакомления со знаменитыми феррарскими крепостными сооружениями и консультаций с известными знатоками фортификационного искусства. Вооруженный новыми знаниями, он пришел к выводу, что холм Сан-Миньято — самое важное место во всей обороне города, и приказал его укрепить фортификационными сооружениями. Здесь, защищая колокольню от разрушения, он вывесил вокруг нее на канатах матрацы, туго набитые шерстью, и этим действительно спас замечательный памятник искусства.

Синьорией были объявлены суровые постановления: чтобы добыть необходимые деньги для ведения войны, потребовались новые экстренные налоги; было отобрано и распродано имущество госпиталей и монастырей; было приказано сдать на монетный двор все имеющиеся у граждан золотые и серебряные предметы; устраивались

лотереи, в которых разыгрывались вещи эмигрантов. Но усилия осажденных были сведены на нет слабостью кондотьера Эрколе д'Эсте и предательством правительства Бальони.

Чума и голод только разжигали ненависть «бешеных» по отношению к Медичи; они сожгли виллу Кареджи, распространяли неприличные карикатуры и позорящие папу куплеты.

Еще в начале осады один из республиканцев посоветовал Синьории забрать Екатерину из монастыря и поместить ее в дом терпимости, чтобы навсегда замарать ее имя и лишить Климента VII надежды выдать ее когда-нибудь замуж за знатного вельможу.

Позже некоторые советовали оставить обнаженную девочку на крепостных укреплениях, чтобы она погибла под пулями осаждавших. Высказывались опасения, что монастырь, слишком близко расположенный к крепостным стенам, может подвергнуться нападению с целью освободить заложницу. Тогда было решено перевести ее в центр города в доминиканский монастырь Святой Люции. Как-то вечером посланец Синьории Сильвестро Альдобрандини, посадив юную Медичи на спину мула, перевез ее в более надежную обитель; девочка была переодета монахиней и ей обрезают волосы, как настоящей послушнице. Думая, что ее приговорили к смерти, Екатерина хотела своим видом взволновать народ, явившись ему в облике посвященной монахини, насильно вырванной из монастыря.

После десятимесячной осады Флоренция сдалась имперским войскам. В этом сражении погиб принц Оранский, которому папа обещал руку и приданое Екатерины.

Почетные условия, предложенные Флоренции, были нарушены Климентом VII, как только он получил уверенность в том, что владеет городом: своим декретом он выслал из города тысячи людей. Храбрые предводители восстания были казнены.

В Риме, куда Ипполито, Алессандро и Екатерина были отправлены после осады, они жили во дворце Медичи (сегодня он называется Дамский дворец). Это здание славилось своим пышным убранством из разноцветного мрамора и библиотекой, украшенной статуями и картинами. Летом молодые Медичи переезжали на великолепную виллу в Монте Марио, построенную для Климента VII, когда он был еще кардиналом Джулио, по рисункам Рафаэля.

Климент VII тоже был далеко не чужд искусству, наукам и философии, так любимой членами его дома, и, когда не был занят делами, охотно «встречался с прекрасным». Его дальновидности и сердечному отношению Италия обязана творчеством Виттории Колонна, которую он уговорил отказаться от принятия монашеского обета.

Ренессансная Италия подарила миру много знаменитых имен, по большей части — мужских. Но это вовсе не значит, что мыслили и творили исключительно представители сильного пола. Джулия Гонзаго, Барбара Торелли, Констанца д'Арагона и другие, о которых будет рассказа-

но далее, безуспешно пробовали свои силы в писательском творчестве.

К их числу принадлежит и Виттория Колонна, представительница знатного римского рода. Отцом ее был герцог Фабрицио Колонна, великий коннетабль; матерью — Агнесса Монтефельтро, происходящая из просвещенного дома герцогов Урбинских. В четыре года девочку обручили с ровесником и двоюродным братом Ферранте, маркизом Пескара, и передали на воспитание Констанции д'Авалос, ее будущей свекрови, в то время управлявшей Искией. При дворе этой правительницы собирались все знаменитости своего времени: Бернардо Тассо, Павел Йовий, Саннацаро и др.

Когда им исполнилось по 17 лет, молодые люди поженились, но недолго были вместе. Маркиз стал прославленным полководцем на службе у испанского короля, получил чин генерала и титул вице-короля Милана. Свое чувство молодые супруги изливали в страстных письмах. Но переписка не могла заменить живого человека. Безумно любя мужа, Виттория была достаточно умна, чтобы скоро понять: ее любовь уже не встречает взаимности. К услугам победоносного генерала были десятки прекраснейших женщин. Она же была просвещенна и умна, но некрасива. Маркизу не нравилось ее энергичное лицо с резкими чертами, с высоким мыслящим лбом, как бы презрительно вздернутой верхней губой и крутым упрямым подбородком. Избыток мужественности был не по сердцу Пескара. Для услады души он предпочел бы что-нибудь более нежное, мягкое, уютное. Он считал неотъемлемой

чертой настоящей женщины и более того — знатной дамы, как раз то, что его жена презирала: наряды, развлечения, тщеславие, споры о славе рода, пышность жизни и перекуды.

Маркиз так и не вернул жене свою любовь и мало с ней считался. Брак оставался бездетным. Серьезными занятиями, постижением наук Виттория заглушала чувство одиночества и обиды. Когда муж умер от ран, 30-летняя Виттория была безутешна и, отказавшись от надежд на земное счастье, отдалась поискам истинной веры. Однажды она уехала из Рима и три года скрывалась от всех сначала в монастыре Орнието, потом в Витебро. Именно тогда Климент VII нашел нужные слова, чтобы вернуть ее в мир. Религиозность и ученость странно сочетались в ней, что, впрочем, было в духе того времени. Ее ум, незаурядный поэтический талант и знания привлекали к ней многих славных поэтов, состоящих с ней в переписке и посвящавших ей стихи. Среди них были прославленный Ариосто, автор «Неистового Роланда», один из лучших мастеров политического памфлета Аретино, глубокой духовной дружбой с этой необыкновенной женщиной был связан Микеланджело.

Она умерла от какой-то загадочной нервной болезни, и смерть спасла ее от застенков инквизиции, подавлявшей любые ростки инакомыслия.

Вечный город, пострадавший во время грабежей 1527 года, был восстановлен. В то время Ватикан стал одним из чудес света. «Лоджии» и «Станцы», великолепно расписанные Рафаэлем, Сикстинская капелла, где на по-

толке сверкала фреска Микеланджело, привлекали своей новизной. Сады были настоящими музеями на открытом воздухе, населенными недавно найденными чудесными античными статуями, — среди них были статуи Лаокоона и Аполлона Бельведерского.

Ипполито и Екатерина имели свободный доступ в одну из богатейших библиотек той эпохи — библиотеку Медичи, перевезенную в Рим папой Львом X и насчитывавшую, кроме шедевров античности, трактаты гуманистов и архитекторов-новаторов эпохи Возрождения. Строившийся тогда собор Святого Петра соперничал с гигантскими банями Римской империи. Триумфальные арки, ротонды, колоссальных размеров колонны, конные статуи выступали из земли на территории славного античного Форума или, обновленные, украшали церкви и площади.

Тем временем Климент VII делал все возможное, чтобы посадить Алессандро на флорентийский престол.

Первое препятствие, которое необходимо было устранить, крылось в семье Медичи. Ипполито еще со времен понтификата Льва X надеялся когда-нибудь получить власть своих предков. Казалось, по праву рождения и по его достоинствам Ипполито было суждено править во Флоренции. Однако Климент VII приказал ему принять духовный сан. Не сразу смирился со своим жребием один из лучших представителей фамилии Медичи, но воля папы, являвшегося в то время главой семьи, превозмогла. Климент VII понимал, что, останься Ипполито мирянином, у Алессандро всегда будет соперник, превосходящий его по всем статьям. Святой отец, должно быть, мучи-

тельно решал для себя вопрос: жить или не жить Ипполито? Он ненавидел его за красоту, обаяние, популярность. Ему стало известно, что юная Екатерина и Ипполито объяснились и дали друг другу слово. Ничто не мешало им соединиться — они, двоюродные брат и сестра, находились в дозволенной степени родства. После мучительных колебаний лучшая сторона натуры Джулио Медичи взяла верх: молодой человек был посвящен в сан кардинала и отправлен с ответственной дипломатической миссией в Венгрию — с глаз долой.

В начале 1531 года прошел слух, что Ипполито собирается отречься от духовного сана и жениться на маленькой герцогине: об этом сообщил своему правительству венецианский посланник. Но папа, крайне недовольный планами детей, категорически этому воспротивился.

Ипполито не смог добиться руки Екатерины и уехал из Рима до опубликования акта, устанавливавшего императорскую инвеституру в пользу Алессандро. Он попытался организовать движение флорентийцев в свою защиту, но эта затея провалилась. Чтобы окончательно отодвинуть в сторону возмутителя спокойствия, папа передал ему богатые бенефиции покойного кардинала Помпео Колонна. Взамен он потребовал от молодого человека клятвы оставаться кардиналом. Он посулил родственнику помощь в получении высшей церковной власти — папской тиары. Юную Екатерину отправили во Флоренцию, чтобы присутствие законной наследницы было гарантией при организации нового правления.

Кардиналу Ипполито оставалось только примириться и принимать жизнь, какая она есть. Впрочем, она была совсем не ужасна. По своим пристрастиям молодой кардинал тяготел к кружкам гуманистического направления и скоро сблизился с благородной куртизанкой Туллией д'Арагона, державшей своего рода художественно-интеллектуальный салон. Туллия всем своим существом преодолевала сложившийся стереотип мышления, согласно которому женщина должна быть небольшого роста, пухленькой, белокурой, смотреть в рот мужчине-повелителю и не иметь ни одной собственной мысли.

С середины XIV века в Италии стала распространяться мода на белокурые и золотистые волосы, возникшая в Венеции. По описанию современников, «беление волос производилось дамами с большими трудностями на плоских крышах домов. В белой длинной одежде, окружив голову для защиты лица и шеи широким соломенным ободом, они садились на самое жгучее солнце и смачивали свои волосы едким раствором с помощью губки.

Эту операцию они повторяли ежедневно в продолжение нескольких часов подряд, пока волосы не принимали желаемый цвет, для чего обыкновенно требовалось несколько месяцев. Туллия не признавала эту моду. Незаурядным интеллектом и остроумием Туллия заставляла забыть о своих темных волосах, высокой худощавой фигуре, большом носе и крупном тонкогубом рте. Она имела чарующий голос и говорила занимательные вещи.

Однако скоро Ипполито покинул ее ради женщины совсем другого разбора, принадлежащей к одной из самых

знатных фамилий Италии, — Джулии Гонзаго. Эта аристократка, патронесса художников, поэтов и издателей, признанная глава влиятельного кружка, желавшего реформации католической церкви, определила жизнь Ипполито до самой его безвременной кончины.

Родственница Виттории Колонна, Джулия была одаренной писательницей и поэтессой и оставила большое литературное наследие. Много лет спустя после ее смерти папа Пий IV, прочитав ее сохранившуюся переписку, заявил: «Если бы она была еще жива, я бы ее сжег!»

Джулия была выдана за Просперо Колонна, богатейшего магната, недавно овдовевшего, потерявшего в сражении руку и совершенно больного. Их брак не был завершен из-за немоги Колонна, но у того были другие планы относительно молодой жены. Он и сильная партия, стоящая за ним, предлагали выдать Джулию за Ипполито с приданным в 30 тысяч дукатов при условии, что их дети будут носить фамилию Колонна. Затем предполагалось завоевать Флоренцию, которая принадлежала Ипполито по праву рождения.

Известно, что у Ипполито остался сын Асдрубале; предположительно его матерью была Джулия. Но смерть Просперо Колонна в 1528 году изменила расстановку сил. Он оставил свое колоссальное состояние дочери от первого брака и жене, однако (как переменчивы человеческие намерения!) при условии, что Джулия до конца жизни останется вдовой.

В июне 1535 года Ипполито сделал предложение Джулии Гонзаго, и она его приняла. Он намеревался отказаться-

ся от духовного сана и стать герцогом Флоренции, но в августе скоропостижно скончался — либо от малярии, либо от яда. Устоявшееся в истории убеждение, что Ипполито был отравлен по приказу Климента VII, совершенно неосновательно, поскольку Климент умер в 1534 году и папский престол занимал уже Павел III.

Когда Екатерина жила в Риме, появлялись претенденты на ее руку, но дальше разговоров дело не продвинулось. Обстановка официальных приемов и деловых встреч, дипломатический этикет, особенно тщательно соблюдающиеся в Риме — цитадели христианского мира, научили девочку самому важному искусству — владеть собой, следить за своей речью, уметь скрывать мысли и настроение. При врожденной приветливости и удивительной способности располагать к себе окружающих, она подавала большие надежды.

Брак Екатерины представлял для папы большой интерес. Благодаря этой девочке дом Медичи мог породниться с лучшими фамилиями Европы. Климент рассеянно перебирал в мыслях всех владетельных мужчин, прекрасно зная, что это только игра, — он давно уже сделал свой выбор и замахнулся высоко: Екатерина должна войти в королевский дом Франции.

Его союзник император Карл не возражал. Он даже хотел, чтобы наглому сыну менял высокомерный король Франциск указал на его место. Он только не учел, что папе было что предложить в приданое за родственницей — север Италии, герцогство Миланское.

Франциск I решил, что пришло время в дипломатическом сражении победить противника. В 1530 году он согласился женить своего сына, тринадцатилетнего герцога Орлеанского, на маленькой герцогине.

Король Франциск не любил своего второго сына Генриха и считал его самым неудачным из своих детей. Таким ребенком не жаль было пожертвовать. Но главное заключалось не в этом: в секретных статьях контракта, разработанного французским королем и папой, уточнялось, что последний признает право Франции на огромные владения на севере Италии. Он передаст «своей племяннице» в совместное пользование с мужем Пизу, Ливорно, Реджо, Модену, а также Парму и Пьяченцу. Он обязывался оказать поддержку герцогу Орлеанскому в новом походе на герцогство Миланское и Генуэзскую Синьорию.

Наконец, папа будет участвовать в возвращении герцогства Урбинского — вотчины, титул которой носила Екатерина.

Однако Климент VII ставил еще два условия: во-первых, в 100 000 экю приданого, обещанного им за Екатериной, будут включены доходы от имущества молодой девушки во Флоренции, а во-вторых, Екатерина приедет во Францию только после осуществления брака, который может состояться в Ницце в мае 1532 года.

Летом заболела Луиза Савойская, мать Франциска I, затем, в сентябре 1531 года, она умерла. Король был глубоко опечален и не желал заниматься делами. Это замедлило ход переговоров. Климент VII снова отказался обручить

Екатерину и отправить ее ко двору Франции всего лишь в качестве невесты; тогда она оказалась бы очень удобной заложницей в руках короля, и появился бы риск, что он может в любой момент отослать ее обратно без всякой компенсации.

С мертвой точки дело сдвинула милость, оказанная папой претенденту на миланский престол Франческо Сфорца. Франциск I был обеспокоен возможностью потерять Милан, и снова предложил святому отцу встретиться в Ницце, чтобы выработать последние условия брака Екатерины. Он приказал передать ему, что если уж нельзя получить итальянские вотчины, то он удовольствуется просто приданым.

Это нетерпение короля Франции польстило Клименту VII, чего, впрочем, он никак не проявил. Он сам отвез Екатерину во Францию и настоял, чтобы после венчания брак между подростками был фактически осуществлен.

Свершилась мечта многих поколений Медичи — одна из них вошла в королевский дом Франции! Даже Лоренцо Великолепный не дерзал подняться так высоко.

Целый месяц понтифик оставался вдали от Рима, надеясь услышать от Екатерины, что она ожидает ребенка. Папе необходимо было возвращаться в Вечный город. На прощанье он сказал Екатерине заветные слова: «Умная девушка всегда сумеет стать матерью».

По воспоминаниям очевидцев, Екатерина была «рыжеволосая, небольшого роста и худая. Примечательны в ней лишь глаза — чрезвычайно выразительные, какие характерны для всех Медичи».

С первого до последнего дня жизни при французском дворе Екатерине Медичи не позволяли забыть о счастливом случае, превратившем наследницу банкиров в герцогиню Орлеанскую, а затем в королеву Франции. Она была первой женщиной из известного, но не аристократического дома Медичи, которая сделала столь блестящую партию. Унижаемая злыми шутками над ее низким происхождением, Екатерина постоянно ощущала зыбкость своего положения, что держало ее в страхе, заставляя искать эффективные меры защиты. Соотечественница известных в Европе гуманистов Пико делла Мирандолла, Альберти и Солютати, связывающих достоинство человека не с сословной избранностью и происхождением, а с личными заслугами, она должна была подчиниться чуждым ей представлениям. Всю свою жизнь во Франции она стремилась доказать, что достойна высокого положения. В годы регентства она с гордостью заявит о королевском происхождении ее детей, в опеке над которыми она видела свое предназначение.

Ее жизнь и деятельность во Франции — тема отдельного рассказа, и здесь не будет рассматриваться.

Итальянские государства в зависимости от своих интересов поддерживали то испанцев, то французов. Причем состав и расстановка сил в Италии постоянно менялись. Неизменным оставалось одно — обе великие державы пытались осуществить раздел Италии. Климента VII часто обвиняли в неумелости и неудачливости. Действительно, ему не все удавалось. Но сейчас можно только

удивляться, как понтифик, со всех сторон окруженный врагами, упорно и целенаправленно вел политику возвращения своей семье ее фамильного достояния — Флоренции — и укрепления престижа и финансового положения римского престола. Лавировать приходилось не только между итальянскими государями и магнатами, дерзким и самоуверенным французским королем и медлительным и дальновидным императором. Немалые заботы доставлял английский монарх со своими матримониальными проектами.

Генрих VIII Английский требовал от курии развода со своей первой супругой Екатериной Арагонской, чтобы вступить в новый брак с ее фрейлиной. В таком случае он готов был поддержать франко-итальянский альянс. Но английская королева приходилась теткой императору, которого ни в коем случае нельзя было раньше времени раздражать. Климент послал в Англию своего легата кардинала Лоренцо Компеджио, чтобы тот разобрался в ситуации на месте.

Решение легата было простым и надежным. Если Екатерину удастся убедить уйти в монастырь, то с точки зрения канонического права возникнет благовидный предлог, чтобы позволить королю жениться вторично. Эта ситуация не была бесспорной, но существовала довольно авторитетная точка зрения, согласно которой если один из супругов посвящал себя религии, то брак почти автоматически расторгался. Беда заключалась в том, что Екатерина категорически не соглашалась на этот план. В случае повторного брака короля мог появиться сын, а ее

единственная дочь Мария неизбежно потеряла бы права на английскую корону.

Папа колебался, но под давлением императора вынужден был послать Генриху вызов в Рим на церковный суд, где тот вряд ли получил бы желаемое разрешение. Изобретательный английский король, считавший себя большим знатоком канонического права, предложил и вовсе неслыханный проект — папа должен был дать ему разрешение взять себе вторую жену. Когда понтифик отверг и этот смелый вариант, Генрих начал свое «великое дело» — осуществление юридического разрыва между Англией и Римом. Английское духовенство стало единственным арбитром в решении всех религиозных вопросов внутри государства, а главой английской церкви был признан король.

Теперь Генрих VIII мог со спокойной совестью жениться на Анне Болейн¹.

Отделение англиканской церкви от Рима нанесло Святому престолу страшный удар. Но сейчас Климент был больше озабочен итальянскими делами, чем потерей Англии. Для него было важно скрыть свои переговоры с Франциском I о разделе итальянских земель, пока он ждал, что император не только официально признает его незаконнорожденного сына Алессандро в качестве суверенного правителя Флоренции, но и даст согласие на брак нового герцога со своей внебрачной дочерью Маргаритой.

¹ Анна Болейн стала матерью великой английской королевы Елизаветы I Тюдор, но окончила свою жизнь на эшафоте, когда Генрих VIII задумал жениться в третий раз.

**АЛЕССАНДРО МЕДИЧИ
(1512—1532—1537)
ЛОРЕНЦИНО МЕДИЧИ
(1511—1547)**

Осенью 1530 года верхушка патрициата вернулась из изгнания во Флоренцию.

В 1532 году в силу вступила новая конституция Флоренции, согласно которой главой государства являлся герцог, обладавший полной и передаваемой по наследству властью. Им стал Алессандро Медичи. В связи с преобразованием республики в герцогство изменили герб города: на центральном лепестке красной линии появилась золотая герцогская корона.

Алессандро казнил ярых республиканцев Кардуччи, Бернардо Кастильоне и четырех городских магистратов. Второй гонфалоньер Рафаэло Джиролами был заключен в Пизанскую крепость и отравлен. 150 флорентийских граждан отправили в изгнание.

Карл V проявил невиданную милость: отдал в жены Алессандро Медичи свою внебрачную дочь, десятилетнюю Маргариту.

Маргарита, впоследствии называемая Пармской, была рождена голландкой Марией ван дер Хейст в 1522 году. Сначала ее воспитывали втайне. Но ее мать, более тщеславная, чем достойная, не заботилась о сокрытии ее происхождения. Девочку у нее отобрали. Еще ребенком Маргарита была сдана на руки двоюродной бабушке регентше Маргарите Фландрской, проживавшей в Брюсселе. У просвещенной правительницы она получила соответствующую

щее имперской принцессе воспитание и образование, но уже в восемь лет лишилась своей воспитательницы, роль которой перешла к сестре императора Марии Венгерской.

В четыре года ее просватали за одного из феррарских принцев, но потом Карл V расторг эти узы. Маргариту выдали за нового герцога Флоренции. Десятилетнюю невесту с великой честью встретили во Флоренции и в ожидании достижения ею брачного возраста в окружении опекунов и воспитателей отправили жить в один из роскошных дворцов Медичи.

Алессандро, которому исполнилось 20 лет, считался сыном Лоренцо Урбинского. Тот был известен своими многочисленными любовными связями. Но, скорее всего, отцом молодого герцога являлся кардинал Джулиано Медичи, ставший вторым папой из этого дома под именем Климента VII, и женщины низкого происхождения. Она, вероятно, была крестьянкой из Колавеккьо, деревни, расположенной недалеко от Рима, вотчины Альфонсины Орсини, а может быть, африканской рабыней, от которой ребенок унаследовал негритянские черты: толстые губы, курчавые волосы, темную кожу.

Этот Медичи оказался самым жестоким и сумасбродным деспотом, далеко превзошедшим самодура Пьеро. Злопамятность Алессандро вошла в поговорку. Никогда не прощал он никому ни малейшей ошибки и жестоко наказывал за малейшую вину. Казалось, роскошью и пышностью он стремился затмить своих предков. Он восседал на троне как король, опираясь руками в драгоценных,

сверкающих перстнях на подлокотники в виде львиных голов, ведь лев — символ власти. Вокруг трона стояла стража из преторианцев и нежные мальчишки-пажи. Он желал, чтобы его считали знатоком и любителем искусств, щедрым меценатом. Но республиканец Микеланджелло бежал от него в Рим, и Климент VII, по словам Д. Вазари, хотя и гневался, простил ему такое самоволие, будучи другом талантов.

Никакими художественными достижениями Флоренция во времена Алессандро не прославилась.

Филиппо Строцци нейтрально принял назначение Алессандро герцогом Флоренции, но вскоре, ближе его узнав, отделился от двора и перестал участвовать в государственных советах. Герцог объявил ему свою немилость и отправил в ссылку. Там по праву своего рождения и несметного богатства Строцци собрал вокруг себя недовольных, которых Алессандро расплодил несметное множество. Они называли себя республиканцами и строили смелые планы свержения флорентийского тирана.

Любимыми занятиями молодого герцога была охота и выездка лошадей. Но низкое происхождение постоянно давало о себе знать. Переодевшись матросом или солдатом, хотя его характерная внешность мулата была всем в городе прекрасно известна, с несколькими собутыльниками, Алессандро бродил по значным местам, отдавая предпочтение самым отвратительным клоакам. И было бы хорошо, не поднимай он взгляд выше. Его перестали интересовать покорные, на все согласные веселые девушки из таверн; герцог протянул свои длинные обезьяньи руки

к женам, сестрам и дочерям добропорядочных граждан. Несколько опозоренных семей покинуло город; две или три женщины умерли после перенесенного надругательства — сами наложили на себя руки или были убиты мужьями или братьями...

Распутство герцога создало массу недовольных, которые после безуспешных жалоб на него Карлу V составили заговор, но медлили, опасаясь предательства. Алессандро был достаточно умен, чтобы понимать, как настроена против него Флоренция. Он окружил себя хорошо оплачиваемыми телохранителями; повсюду были внедрены его шпионы. Герцог содержал целую армию сбиров¹, готовых выполнять любые его приказания.

Эти меры еще более усилились после смерти папы Климента. Предполагаемый отец герцога, самый красивый понтифик, Климент VII Медичи, мучительно умирал от чесотки. По другим сведениям, он скончался от малярии на 59 году жизни. Алессандро ощутил боль утраты; он почувствовал, как одинок на своем троне.

С некоторых пор постоянным спутником Алессандро стал Лоренцо Медичи, представитель боковой линии рода. Его отцом был Пьерфранческо Младший из пополланской линии семьи, матерью — Мария Содерини. Лоренцино в девятилетнем возрасте лишился отца: как правило, в его семье до старости не доживали. Начальное образование он получил под руководством матери, а с двенадцати лет

¹ Сбир — мелкий полицейский чиновник. Позднее — сотрудник инквизиции.

был передан на попечение дяди, Филиппо Строцци¹. Он имел очень хрупкое сложение, небольшой рост, унаследованный от деда, Лоренцо Пополано, и поэтому прозывался «Лоренцино» — «маленький Лоренцо». Лоренцино был темноволос, часто хмур, иногда его лицо искажалось каким-то тайным чувством. Но в нем присутствовало нечто, что обратило на юношу внимание Климента VII. Понтифик вызвал его к себе в Рим. Именно тогда Лоренцино неприятно поразил всех флорентийских республиканцев своим предложением убить папу; предпочли счесть это неудачной шуткой.

Однако Лоренцино не шутил. В юности он написал трагедию «Брут», в которой прославлял подвиг героя, избавившего отечество от тирана. Но кто по прошествии лет помнил юношеские вирши странного подростка! Тем более что его мировоззрение, казалось, радикально изменилось.

Было видно, что он искренне восхищался силой и лихостью своего родственника-герцога, его пренебрежением к приличиям, презрением к горожанам, вседозволенностью, которую тот ввел себе за правило. Получивший хорошее образование, находчивый, умевший быть обаятельным, как все Медичи, Лоренцино скоро сделался совершенно необходимым герцогу и после него стал самым могущественным человеком в городе. Алессандро так полюбил кузена и приятеля, что по его приказу для Лоренцино за-

¹ Ф. Строцци был женат на Джулии Содерини, сестре матери Лоренцино.

ново отделали дом — фаворит должен был постоянно находиться вблизи герцога.

Этот представитель великой семьи Медичи охотно демонстрировал окружающим свою мнимую трусость. При виде капли крови он лишался чувств; любое оружие вызвало у него опаску и неприязнь. Потешаясь над ним, герцог называл его тряпкой и простофилей. В юности Лоренцино пользовался известностью как искусный фехтовальщик, но теперь утверждал, что его смертельно утомляют эти упражнения. Женские занятия: вязание, вышивание — привлекали его значительно больше. Не раз, одевшись в женское платье, он потешал герцога своими забавными выходками. Мария Содерини, происходящая из благородного рода идеалистов-республиканцев, женщина признанного благоразумия и примерной мудрости, чувствовала себя оскорбленной самым существованием такого сына. Она угрожала, что публично отречется от него.

Доверие Алессандро к Лоренцино было безграничным. Знаменитый Бенвенуто Челлини, приходивший по делам во дворец, иногда заставлял герцога спать после обеда в присутствии вышивающего Лоренцино, о чем он впоследствии написал в своих мемуарах: «И я очень удивлялся, что такого рода герцог так доверчив».

Лоренцино, который добровольно взял на себя обязанности сводника, со всех сторон осыпали упреками и обливали презрением.

Сторонники республики послали вестника к Филиппо Строцци в Венецию с известием, что готовы выступить и ждут помощи.

Выходки Алессандро становились все извращеннее. Из того, что известно о его развлечениях, можно сделать вывод, что он практиковал жесткий садизм. По свидетельству одних историков, он обесчестил сестру Лорензаччо, Лаудемину. Другие утверждают, что он требовал от приятеля свести его с сестрой; третьи полагают, что Лаудемина послужила наживкой, на которую Лорензаччо хотел поймать герцога. Но стоило ли вмешивать в дело сестру, если имелось сколько угодно возможностей заколоть герцога, когда тот спал после обеда?

Филиппо Строцци, маркиз Чибо, Сильваджио Альдобрандини и другие заговорщики со своими людьми маленькими отрядами просочились в город и тут же были схвачены подручными герцога. Местных республиканцев арестовали вместе с ними. В тюрьме Строцци узнал о смерти дочери Луизы.

Представители романтического направления в литературе связывают кончину девушки с возвращением отца и порочностью Алессандро. Но никаких данных, подтверждающих эти предположения, не имеется. Может быть, она умерла от болезни — в то время это было делом обычным.

Смерть грозила и заговорщикам, схваченным с оружием в руках.

В ночь с пятого на шестое февраля 1537 года Лоренцино пригласил герцога якобы для романтической встречи в некий городской дом, где неожиданно ударил его шпагой в бок повыше плеча; острие вышло с другого бока под соском. Будучи человеком неимоверной силы, герцог

бросился к двери. Сообщник Лоренцино, наемный убийца Скоронконколло, рубанул наотмашь шпагой, раскроил Алессандро висок и отсек почти полностью левую щеку. Но раненый бешено сопротивлялся. Он набросился на Лоренцино, оба рухнули на пол. В борьбе рука Лоренцино попала в рот Алессандро, тот стиснул зубы, и кости затрещали. Скоронконколло не мог нанести точный удар, потому что противники тесно сплелись в борьбе. Наконец, он изловчился и перезал герцогу горло.

Однако город, так жаждущий восстановления республики или хотя бы свержения тирана, оказался не готов к свободе. Убийца, которого иные именовали «Новым Брутом», вынужден был бежать и скрываться. Теперь его называли не иначе, чем «Лорензаччо» — «Плохой Лоренцо».

Но не все флорентийцы осуждали молодого Медичи. Микеланджело по совету друзей изготовил бюст Брута, убившего Юлия Цезаря. Этим он как бы отдал дань своим республиканским идеалам.

Когда на другой день после убийства весть о смерти герцога Алессандро дошла до ушей кардинала Чибо, предавшего заговорщиков, тот мгновенно понял, какой помехой становятся для него Строцци и его товарищи... Смерть герцога отменяла их казнь, но, оставаясь в городе, они не допустили бы избрания нового повелителя. Поэтому их поспешили забрать из Барджелло и, сообщив, что они помилованы герцогом, препроводить до границы, а там предоставили полную свободу. Они перебрались в Венецию. Только по прибытии туда Строцци узнал из уст самого Лоренцино об убийстве герцога.

Лорензаччо нашли мертвым в 1547 году в одном из закоулков Венеции, где он жил в изгнании, ровно через десять лет после того, как новый герцог Флоренции дал клятву отомстить за смерть Алессандро.

А что же маленькая герцогиня Маргарита?

Император стал в третий раз торговать ее рукой в интересах своей политики. 13-летний принц, племянник папы Павла III, Октавио Фарнезе, получил вместе с ее рукой Парму и Пьяченцу. Маргарита стала теперь женой ребенка. Но этот союз подарил Европе одного из самых талантливых полководцев — герцога Пармского Алессандро Фарнезе.

Натура у Маргариты была неженственная. Обладая мужскими наклонностями, она вела образ жизни, который был насмешкой над ее полом. Страстно любя охоту, герцогиня закалила свое тело физическими упражнениями. Даже в ее поступи было так мало женственного, что ее можно было принять за переодетого мужчину. Природа отплатила ей мужской болезнью — подагрой. Ее духовником был Игнатий Лойола. Впоследствии Маргарита Пармская стала правительницей Нидерландов.

КОЗИМО I МЕДИЧИ (1537—1574)

Со смертью Алессандро пресеклась линия Медичи, шедшая от Козимо Старшего. Попытки флорентийцев восстановить республику окончились неудачей. Видные граждане Флоренции сочли, что реставрация республики

невозможна, так как это сделало бы Карла V их врагом. Привычка к рабскому ярму требовала отыскать хозяина и господина.

Им стал 18-летний Козимо Медичи, правнук Лоренцо Великолепного через свою мать Марию. Старшая дочь Лоренцо Великолепного Лукреция в браке с Якопо Сальвиати родила ее в 1499 году. Отец Козимо, Джованни Банде Нере, Медичи со стороны отца, был сыном Катарины Сфорца. Таким образом, в молодом Козимо, красивом, серьезном и мужественном юноше слилась кровь обеих ветвей рода Медичи. Но он унаследовал и тяжелую порочную кровь миланских герцогов, хотя передала ему ее одна из лучших представительниц этого дома.

Козимо постоянно держали вдали от государственных дел и от города. Он безвыездно жил на загородной вилле, где мать, обожавшая сына, прилагала все усилия, чтобы заставить герцога забыть о его существовании.

Он был еще юн, когда его призвали на герцогский престол. Поэтому патриции надеялись, что смогут диктовать ему свою волю и проводить через него свою политику. Всем хотелось верить в величие его души, ясность ума и мудрость суждений.

Под влиянием нобилей и духовенства, вступая на престол герцогства Флорентийского, молодой герцог поклялся, а легат кардинал Чибо принял у него следующие обязательства:

— неукоснительно чинить правосудие как над богатыми, так и над бедными;

— никогда не соглашаться на восстановление власти императора;

— быть милостивым к детям Алессандро, Джулио и Джулии;

— отомстить за смерть Алессандро.

Как показало будущее, с особым усердием он предавался исполнению последнего обета.

Козимо принес клятву и избрал себе девизом полустигшие Вергилия: «Primo avulo, non deficit alter» — «Лишь сорвут один, другой вырастает»

Но с Козимо произошло то, что обычно бывает со всяким, кого к власти возносит крутой поворот событий. На нижней ступени трона принимают условия, на верхней — их диктуют.

Пока же флорентийские патриции тешили себя надеждами на самостоятельность Совета 48 при номинальном главенстве совсем молодого человека. Видели, что юноша не по годам разумен, но не знали, как крут он в поведении.

Едва получив власть, Козимо наладил тесные связи с императором, заведя дружбу с его послом, быстро упразднил Совет 48 и покончил с влиянием аристократической верхушки. Альянс с Карлом принес ему немалые выгоды. В то время испанцы вытеснили французов из Италии и господствовали на всем полуострове. Он просил Карла отдать ему в жены Маргариту, вдову своего предшественника, но император теперь считал более полезным породниться с новым папой Павлом III — Алессандро Фарнезе.

Увидев Флоренцию в руках Козимо I, оценив со стороны угрюмый и безжалостный нрав нового герцога, сторонники республики сплотили вокруг себя всех оставшихся в Тоскане республиканцев и приняли решение открыто попытаться счастья в случайностях войны.

Мятеж против герцога возглавил благородный Строщи. Но инсургентам не было успеха: ветераны, помнившие отца Козимо, Джованни Банде Нере, поддержали сына своего покойного командира. Разбитые наголову, мятежники укрылись в цитадели Монтемурло, где их осадили войска кондотьера Алессандро Вителли.

После двухчасового кровавого побоища осаждающие — итальянские кондотьеры и испанские военачальники — взяли замок приступом, частью перебив, частью захватив в плен находившихся там республиканцев.

Филиппо Строщи отдал шпагу самому Вителли.

Козимо, выкупив пленных у захвативших их солдат, повелел доставить всех во Флоренцию и там отдать под суд трибунала Совета 48. Каждое утро в течение четырех дней на площади Синьории слетала с плеч голова одного из республиканцев. Народ не стерпел подобного зрелища. Он чувствовал, что сейчас под топором палача брызжет самая чистая и благородная флорентийская кровь.

Роптанье народа не устрасило герцога.

Он рассадил оставшихся у него еще пленников — а в числе их находился Никколо Макиавелли, сын историка, — по крепостям Пизы, Ливорно и Вольтерры.

Не прошло и месяца, как почти ни одного из них не осталось в живых. Уже не впервые проявился угрюмый

и безжалостный нрав нового герцога. Это был не Козимо Старый, не Лоренцо Великолепный, не Лев X — к власти пришел человек, сделанный совсем из другого материала.

Сохранили только пятерых, самых знаменитых: трех человек из семьи Валори, Антонио Франческо Альбицци, Алессандро Рондинелли — всем пятерым уготовано было послужить примером и назиданием. В назначенный день все пятеро после пыток были отправлены на эшафот. По иронии судьбы этих людей казнили как повинных в измене республике.

Оставался Филиппо Строцци; его жизнь принадлежала тому, кому он сдался, — Алессандро Вителли. Но тот, поместив его в каземате цитадели, где был единовластным хозяином, содержал там узника со всем должным почтением и упорно отказывался передать его Козимо Медичи.

Однако понятно, что это был только вопрос времени и денег. Козимо выкупил пленного, а император Карл V дал Вителли свое соизволение на выдачу его.

Но, к несчастью для мстительности Козимо, в день, когда пришло разрешение забрать пленника, кем-то предупрежденный об этом Филиппо Строцци перерезал себе горло перочинным ножом, предварительно написав первыми каплями своей крови вещей стих Вергилия: *Ehociare aliquis nostris ex ossibus ultor* (О, приди же, восстань из праха нашего, мститель).

Раздавлив республиканский заговор, герцог не предался праздности и удовольствиям.

Ловкий политик, он поставил своей задачей образовать из Тосканы целостное государство и сосредоточить в своих руках абсолютную монархическую власть.

Козимо усмотрел в католической реакции удобное орудие политической борьбы как с политическими, так и личными врагами. При его прямом содействии был сожжен за ересь Пьетро Карнесекки, позволивший себе критиковать герцога.

Он лишил государственные учреждения всякой самостоятельности. Выборность должностных лиц превратилась в фарс. «Нет у нас другого обычая, кроме нашей воли», — отвечал Козимо недогадливым советникам, напоминавшим ему о старинных обычаях. Ни о каком уравнивании всех жителей перед законом и речи не было. Представители городской аристократии занимали высокооплачиваемые должности при дворе и в армии. Ради них был создан духовно-рыцарский орден Сан-Стефано, им раздавались титулы и привилегии. Указывая на колонну со статуей справедливости, флорентийцы с усмешкой говорили: «Справедливость вознесена настолько высоко, что не каждый может ее достичь».

Герцог делил окружающих на две части: к одним питал ненависть, к другим презрение. Но и современники относились к нему без особенной любви, именуя «Флорентийским Тиберием». Жестоко преследуя при помощи инквизиции своих противников, герцог конфискациями и монополиями собрал значительные средства, с помощью которых создал флот, сделал важные территориаль-

ные завосвания и находил себе союзников во внешней политике.

Козимо признал членом своей фамилии Джан-Джакомо Медикини из боковой ветви рода Медичи и помог его брату получить папский престол под именем Пия IV (1499—1559—1565). Этот сомнительный Медичи в миру носил имя Джованни Анджело Медикини и происходил из Миланского герцогства. Он считался человеком ясной и спокойной души, полной радости жизни и благожелательности. Контраст с его суровым предшественником склонил кардиналов на его сторону. Это расхожее суждение плохо согласуется с той безжалостностью, с которой он отнесся к непотам Павла IV. Кардинала Альфонсо Пий приказал отправить в ссылку, Джованни был приговорен к публичной казни, а кардинала Карло Фарнезе, голосовавшего за него на конклаве, папа приказал задушить в тюрьме. Сам он был отцом четырех внебрачных детей и обеспечил им выгодные бенефиции; сыновьям трех своих сестер пожаловал кардинальские шапки.

Известность Пий получил, в основном, как вдохновитель Тридентского собора. Этот собор был первым четким ответом Реформации со стороны Римской церкви. Решения, принятые собором, подтверждали общую верховную власть церкви над христианством, но публично не оспаривали право суверенных государств применять собственные законы как в светских, так и в религиозных делах. Вместе с тем эти решения не ограничивали власть папы, отдавая под его опеку осуществление реформ церкви. Тезисы о верховенстве Собора над папой были на

долгое время отодвинуты в тень. Были преданы осуждению идеи Лютера и Кальвина и сформулированы главные принципы католической доктрины о таинствах, о милосердии Божьем и о роли церкви в спасении человечества от греха. Постановления Тридентского собора были с возмущением восприняты в Европе, особенно в протестантских странах.

Учения Реформации продолжали распространяться, и с ними по большей части Европы множились гонения и сожжение на кострах тех, кто католик ли, протестант ли, имел несчастье оказаться в несогласном меньшинстве.

В 1564 году появился обновленный, исправленный и дополненный зловещий «Индекс запрещенных книг».

Однако в разразившиеся тогда в Европе религиозные войны Пий не вмешивался.

Из дружбы с императором Козимо извлек немалую пользу: имперцы не дали ему захватить Лукку, но согласились на захват Флоренцией Сиены. Тем самым под властью герцога оказалась вся Тоскана, и в 1569 году он получил от нового папы Антонио Гислиери — Пия V (1504—1566—1572), всегда солидарного с Мадридом, титул Великого герцога Тосканского (ранее он носил лишь титул Великого герцога Флорентийского). Папа Пий V, непримиримый враг еретиков, возвел Козимо в этот высокий ранг, желая вознаградить его за его военные кампании во Франции и успешные действия пизанских галер в Средиземном море против турецких пиратов.

Франция только через год признала этот титул, и то лишь благодаря доброжелательности кузины Козимо, Екатерины Медичи.

В действительности Тоскана была государством с ограниченным суверенитетом, со стороны моря опоясанным испанскими военными укреплениями. Это вынуждало герцога проводить осторожную политику, лавируя между Мадридом и Парижем. Однако в Европе Тоскану не рассматривали как равноправного игрока на политической сцене; о Флоренции с восхищением говорили, в основном, как о городе-сокровищнице. И в этом не было преувеличения: ее кладовые были не только вновь полны, но и постоянно пополнялись.

В 1545 году от Франциска I вернулся Бенвенуто Челлини и приступил к созданию знаменитого «Персея».

Осознание того, что он смог воссоздать, хотя бы отчасти, древнюю Этрурию, направило герцога на путь изучения античности, к чему ранее он был не особенно склонен. Благодаря этому проснувшемуся интересу к коллекции Медичи были добавлены новые сокровища, такие как «Химера из Ареццо» или статуя Авла Метелла («Оратор»), один из самых знаменитых шедевров античности.

Коллекционер антиквариата, блестящий знаток алхимии и астрологии, герцог избрал своим зодиакальным знаком-символом Козерог, который принадлежал его предку Лоренцо Великолепному, императору Августу и Карлу V. Поэтому этот знак постоянно появляется в декорациях палаццо Веккио.

От представителей старшей линии рода его отличали жестокость, формализм и бесчувственность. Однако, следуя традициям семьи, он поддерживал литературу и искусства. Тем не менее, верный семейным преданиям, Козимо покровительствовал просвещению и реставрировал Университет в Пизе.

Под его патронатом были возведены палаццо Питти, в котором он жил и которое оставалось резиденцией правящего дома Тосканы до пресечения их рода, и мост Тринита. Герцог начал осушение заболоченных равнин, в том числе и удаленных от города. По мере появления новых территорий происходило их заселение.

Власть герцога основывалась на мощной и дисциплинированной наемной армии — во времена первых Медичи существовало только городское ополчение. Налоги были как никогда высоки, чиновники поддерживали повсюду жесткий порядок, за любым преступлением тотчас следовало наказание. Воин, а не банкир, Козимо, тем не менее, стремился поднять промышленность и способствовал образованию производства гобеленов, которые славились по всей Европе вплоть до XVIII века.

Заботясь о династических интересах, Козимо старался расширять свою фамилию: покровительствовал Оттавиано Медичи и его сыновьям (один из которых — Алессандро — стал впоследствии папой Львом XI), хотя эта фамилия принадлежала к другому роду.

Его собственный брак тоже был подчинен политическим интересам, но неожиданно оказался браком по любви.

Элеонора Толедская родилась в Неаполе, где ее отец герцог де Толедо занимал пост вице-короля. Она принадлежала к одному из самых знатных и богатейших семейств Испании. 22 марта 1539 года, семнадцати лет она стала женой Козимо II, который был помолвлен с ее старшей сестрой. Но, едва увидев обеих девушек, он без колебаний отказался от менее красивой, Изабеллы, и потребовал руку Элеоноры.

Аньоло Бронзино так описывал свое впечатление от молодой герцогини: «ее ... почтительные манеры, звучный голос, чистое совершенное лицо, ангельский взгляд и спокойное достоинство позволяли назвать ее замечательнейшей из женщин».

Когда она переступила порог дома Медичи, о ней говорили: прекрасна, юна и свежа, как роза. То же самое писали члены семейства в письмах.

Козимо любил свою нежную, трепетную и такую прекрасную супругу, и она тоже горячо его любила, но не играла никакой роли в политической жизни государства. Элеонора только выказывала кому-либо благосклонность или чаще вымаливала для кого-нибудь милость у герцога. О ней говорили, что она, как луна, светит отраженным светом солнца — Козимо. А он, любя ее, говорил: какая еще женщина может быть столь любящей супругой, как она?

Но флорентийцам Элеонора Толедская сначала не понравилась. Она была для них чужая — испанка по происхождению, всегда высокомерно-отстраненная, одетая в шелка и бархат, осыпанная жемчугом, державшаяся от-

чужденно, хотя и обходительно. И все же со временем она нашла дорогу к сердцам горожан. Флорентийцы оценили ее очарование, научились гордиться своей красавицей-герцогиней, восхищаться ее блистательной представительностью, роскошью и элегантностью одеяний.

Она обладала не только ангельской внешностью, но и отзывчивым сердцем, и пониманием искусства. Герцогиня была очарована посвященными ей стихами Туллии д'Арагоны, к тому же прекрасно изданными. Интеллектуальный король Флоренции того времени Бенедетто Варки сначала скептически отнесся к творчеству и самой личности Туллии, но скоро сдался под градом восхваляющих его сонетов; за ним последовали остальные. Благородная куртизанка превратила свой дом в философскую академию и воспринималась современниками как серьезный писатель.

Элеонора испросила у Козимо для Туллии право надевать драгоценности и шелковые платья и не носить головной убор с желтой полосой, свидетельствующей о ее профессии. Туллия получила официальный статус «поэтесса».

Для Элеоноры Толедской Козимо приказал Джорджо Вазари оборудовать палаццо Веккио. Бронзино, придворный живописец, украсил его фресками. На его портретах Элеонора, чье от природы хрупкое здоровье было подорвано бесконечными беременностями и родами — она произвела на свет семерых сыновей и четырех дочерей, — предстает как воплощение величавой цветущей надменной красоты. На множестве портретов мы видим

даже по меркам сегодняшнего дня настоящую красавицу. Действительность была не так нарядна. Худое лицо, запавшие глаза, лихорадочный румянец... То и дело упоминалось о том, что герцогиня нездорова.

Бронзино с удовольствием писал портреты детей герцогской четы: восхитительной Марии с белокурыми волосами и нежным личиком, маленького Джованни, держащего в ручонках птичку, красавицы Лукреции в испанском наряде, очаровательного большеглазого Фердинандо, серьезного темноволосого Франческо. Флоренция должна быть благодарна Козимо за живопись, которой он покровительствовал. Его меценатство еще больше прославило фамилию Медичи.

Когда герцогская семья со своими одиннадцатью детьми перебралась в палаццо Питти, были устроены всемирно знаменитые сады Боболи. По-неаполитански прекрасное солнце, которого никогда не было в холодном палаццо Веккио и в каменном, строго гармоничном дворце Синьории, освещало здесь жизнь молодой испанки. Новое здание на берегу Арно — Уффици — еще не было построено, оно возникло позже по предложению Вазари.

Элеонора умерла довольно рано. Ей едва исполнилось 40 лет, когда, путешествуя в Пизу с двумя сыновьями, Джованни и Гарсией, она заболела болотной лихорадкой. Уже больная туберкулезом, ослабевшая женщина не перенесла еще и этого несчастья. Дети умерли незадолго до нее. Смерть Джованни омрачила больной оставшиеся дни жизни. О болезни Гарсии ей не говорили до последней минуты. Она скончалась 17 декабря 1562 года.

Такова официальная версия, которая и была озвучена городу и миру. Однако существует и совсем другое объяснение этой печальной истории. Ходили слухи, что старший брат, любимец матери Гарсия, играя, поранил ножом младшего брата Джованни. Через несколько дней мальчик умер от заражения крови. Козимо в припадке ярости задушил Гарсию. После этого герцогиня помешалась и умерла от горя.

Однако исследование останков членов семьи герцога показало, что братья скончались от естественных причин — малярии, бывшей бичом низменных территорий Италии.

После смерти Элеоноры Козимо предался открытому разврату со многими женщинами. Одна из них, высочайшего рода, благороднейшая Элеонора Альбицци, родила ему двух дочерей, умерших вскоре после рождения, и сына Джованни (1563—1612). Хрупкая патрицианка знатного рода, чьи предки жили в Италии еще со времен римских цезарей, отмеченная нежнейшей, почти прозрачной красотой — наследственной, драгоценной, выдержанной, была бы достойной супругой Козимо. Но брак с гордой и неуступчивой аристократкой претил капризному непостоянному характеру герцога, поэтому он выдал ее замуж за Карло Панчиатицио. Потом он взял в любовницы простую незнатную женщину Камиллу Мартелли, и от нее родилась дочь Вирджиния, в 1589 году помолвленная с Чезаре д'Эсте.

Любоострастие Козимо возмущало Флоренцию и вызывало гнев при папском дворе.

В 1570 году папа Пий V приказал ему вступить в брак с Камиллой. 29 марта герцог во Флоренции женился на своей любовнице и возвел ее в сан великой герцогини.

Его целью было сделать Тоскану главным итальянским государством, а затем с помощью испанского короля образовать королевство. С этой целью он женил старшего сына Франческо на Иоганне Габсбургской. Ее родителями были император Фердинанд I и Анна Ягеллонка, братом — император Максимилиан II. Свадьба состоялась в декабре 1565 года. К этому времени Вазари закончил роспись галереи, показав связь фамилии Медичи с крупнейшими европейскими монархиями и двух пап из их дома.

Союз Франческо с Иоганной Австрийской был мучительным и болезненным для обоих, но еще более трагическими были браки его сестры Изабеллы, звезды дома Медичи, как ее называли за красоту и ум, и брата, жестокого и развратного дона Педро.

Родовая болезнь Медичи, подагра, настигла Козимо в сравнительно молодом возрасте. Одновременно последовал удар со стороны любовницы, которая его ограбила, преждевременно сокрушивший силы стареющего герцога. Для своего любимого сына Джованни он намеревался добыть кардинальскую мантию, но смерть молодого человека помешала осуществлению этих планов. Еще раньше скончались дон Педро, дон Антонио и донна Анна (титул «дон» принесла испанка Элеонора и ее придворные); позднее — 16 летняя Мария и 17-летняя Лукреция.

Мария, которая была прекрасна, как ее мать, и олицетворяла собой дух красоты, была обещана герцогу Феррары

Альфонсу д'Эсте, покровителю Тассо. Девушка мечтала посвятить себя Богу, всецело предавалась духовным исканиям и не стремилась к светской жизни или замужеству. Однако она покорно готовилась исполнить волю отца, что повелевал ей долг. Внезапно ее благие намерения были разрушены нечаянной любовью. Говорили, что страсть настолько поразила девушку, что она позабыла обо всем на свете: о долге, Боге и скромности. Медичи всегда умели скрывать свои тайны, но избранником Марии называли юного Малатесто Малатесту. Молва приписывала Козимо убийство Марии, которая дерзнула полюбить пажа: рассказывали, что он вонзил ей свой кинжал прямо в сердце, застав влюбленных вместе.

После внезапной смерти Марии ее место заняла Лукреция, но едва через три года брака она умерла от туберкулеза, не оставив потомства. И опять ходили слухи, что герцог отравил молодую супругу, заподозрив ее в неверности.

Позднее Альфонс Феррарский женился на Лукреции Борджиа.

Из одиннадцати детей Козимо семь умерли до смерти отца. Его пережили Франческо, Фернандо, Пьетро и Изабелла.

Козимо разделил власть с Франческо, но титул великого герцога носил до самой смерти.

В 48 лет он практически устранился от власти и жил со своей молодой супругой Камиллой, бывшей ему заботливой сиделкой. Он умер в 1574 году в возрасте 54 лет.

ФРАНЧЕСКО I **(1574—1587)**

Сын и преемник Козимо I — Франческо — держался направления отца, но значительно уступал ему талантами.

От своей матери Элеоноры Толедской он унаследовал утонченные черты лица и прекрасные глаза. Иногда — когда он этого хотел — в нем вспыхивало очарование прекрасной испанки. От отца, Страшного Козимо I, Франческо получил трудный характер, жестокость, невыносимую гордость и страсть к женщинам. Но политическое чутье, ясный ум и способности к управлению государством, присущие Козимо, Франческо не передались.

С юных лет он интересовался алхимией, экспериментировал с плавлением хрусталя и всерьез занимался резьбой по драгоценным и полудрагоценным камням. Ему даже удалось восстановить технологию изготовления старинного китайского фарфора, считавшуюся утерянной. У него был безупречный вкус, он обожал и любовно собирал редкие камни, предметы искусства и все красивое. В этом он был настоящим Медичи.

Однако настоящим призванием молодого принца были ночные похождения по злачным местам города в поисках галантных приключений. Закутавшись в плащ, закрыв лицо широкополой шляпой, он любил ночами бродить по городу, надеясь встретить что-нибудь пикантное. Это и определило его судьбу.

Вся его жизнь прошла под знаком любви к некой Бьянке Капелло, венецианке сомнительного образа жизни. О ней рассказывали следующее.

Она родилась в знатной венецианской семье и с ранних лет обращала внимание своей выдающейся красотой. Родители строили великие планы относительно ее будущего и даже в церковь водили девочку, только закутав в покрывало. Однако как ни стерегли домашние свое сокровище, совсем юной она познакомилась с молодым и красивым флорентийцем Пьетро Бонавентурой и бежала с ним из родительского дома, прихватив с собой деньги и фамильные драгоценности. Пьетро, назвавшийся возлюбленной громкой, известной всей Италии фамилией Строцци, оказался на деле нищим конторщиком. Он привел Бьянку в убогое жилище, которое им приходилось делить с его бедными и недружелюбными родственниками. Семья жила на ценности Бьянки, прихваченные ею из родительского дома, а когда они кончились, ей пришлось черной работой заслуживать право делить с ними кров. Любовь, которая первое время скрашивала оказавшуюся такой убогой действительность, очень быстро сошла на нет. К тому же Венеция назначила награду за выдачу Бьянки и ее соавтателя, и им приходилось скрываться. В некоторых источниках утверждается, что в это время Бьянка родила дочь и тяжелые роды в дальнейшем не позволили ей иметь детей.

Возвращаясь как-то утром домой, Франческо увидел в окне одного бедного дома необыкновенно красивую девушку и решить ею завладеть. (Многие полагали, что

семья Бонавентуры разработала настоящую стратегическую операцию, чтобы Франческо ее увидел.) Пьетро и его родные радовались возможности извлечь выгоду из красоты Бьянки. Радовалась и она, твердо решив покончить с нищетой и униженностью.

Бьянка не была невинной и скромной девушкой, скорее умелой и страстной куртизанкой. Но в отличие от множества женщин, сделавших разврат своим ремеслом, она была благородного происхождения, получила хорошее воспитание, некоторые зачатки образования, обладала вкусом и тактом. Не попадись она на глаза Франческо, она бы, наверно, стала знаменитой гетерой. Необыкновенное сочетание разнообразных достоинств очень скоро крепко привязало к ней Франческо. Не обращая внимания на гнев своего отца, он сделал мужа Бьянки своим придворным и даже безуспешно пытался через посредничество флорентийского дипломатического представителя в Венеции и папского нунция добиться для нее амнистии и примирения с родителями.

Его женитьба в декабре 1565 года на Иоганне Австрийской не уменьшила привязанности к Бьянке.

Австрийскую принцессу принято считать некрасивой и непривлекательной. Однако на раннем портрете дочь императора Фердинанда II, сестра императора Максимилиана II мила и трогательна. Она получила классическое образование; кроме родного немецкого знала французский, итальянский, латынь и венгерский языки. Под руководством своих учителей она прочитала труды римских философов, но, похоже, не прониклась ни стройностью их

логических построений, ни стремлением к идеалу. Неяркая, набожная, она, как большинство габсбургских принцесс, была воспитана в сознании, что осчастливит своей персоной будущего супруга, и являла величайшее чувство собственного достоинства.

Выданная замуж в 18 лет за 24-летнего Франческо, она была осведомлена о его страсти к Бьянке, но не снисходила с высот своего происхождения до ревности к какой-то путане. Ее задачей было родить наследников великому герцогу, воспитать их в духе почтения к императорской воле и проводить, насколько возможно, политику дома Габсбургов.

Однако первым ребенком Франческо и Иоганны оказался не мальчик, а дочь Элеонора, впоследствии выданная за Винченцо Гонзаго. И каждый год великая герцогиня рожала по девочке: Ромола, Анна, Изабелла, Лукреция, Мария. Они умирали в младенческом возрасте; выжила лишь младшая дочь, которой было уготовано большое будущее.

Бедной женщине не удалось снискать любовь супруга, но ее поддерживало доброе отношение свекра, который гордился своим родством с императорским домом. Его поддержка значила немало. И хотя ее не хватало, чтобы изгнать Бьянку Капелло, — по-видимому, Козимо не обладал необходимым для этого моральным авторитетом, — все же Иоганна пользовалась уважением, почтением, имела свой круг общения.

С ужасом она наблюдала флорентийские нравы.

Элеонора Толедская, племянница супруги Козимо I, такая же замечательная красавица, не любила своего грубого и развратного супруга дона Пьетро и изнемогала от очарования молодого рыцаря ордена Св. Стефана по имени Бернардино Антинори. За их любовь Бернардино принял смерть в подземелье Барджелло, куда был заключен по воле ревнивого супруга. Молодая женщина молчала, но не могла смотреть мужу в глаза, боясь не скрыть боль, опасаясь навлечь гнев его еще живого отца.

Когда Козимо I умер, Франческо, новый великий герцог, стал сообщником своего малодушного брата дона Пьетро.

Один современник писал в своем дневнике: «Во вторник, в пять часов утра 10 июля 1574 года скончалась Элеонора из дома де Толедо, супруга мессера Пьетро Медичи. Она умерла в Кафаджиоло (долина Муджело). Эта женщина прожила 21 год, она была прекрасна, приветлива, учтива; ее глаза сияли красотой как звезды. Это может сказать любой, кто видел ее». А устно рассказывали друг другу, что дон Пьетро собственноручно задушил ее салфеткой с молчаливого согласия брата-герцога. Впрочем, существует еще более жуткая версия гибели несчастной Элеоноры: говорили, что муж натравил на нее охотничьих собак, привычных расправляться с вепрями, и они разорвали несчастную женщину на куски.

Спустя два года после смерти Козимо разразился скандал с Изабеллой Медичи. В 21 год она была выдана за Пало Джордано Орсини, который благодаря браку получил титул герцога Браччиано. Об этом союзе договорились

отцы будущих супругов. Много лет назад у правителей из рода Медичи начала складываться традиция брать в жены принцесс из дома Орсини. Теперь, наоборот, девушка из дома флорентийских герцогов переходила как супруга и собственность к римскому патрицию.

Но римские аристократки попадали в просвещенную интеллигентную семью, представители которой славились добродушием и обаянием. Не так произошло с Изабеллой. Очаровательная, приветливая и ребячливая принцесса попала в руки необразованного, грубого, склонного к насилию мужчины. Изабелла не была застенчивой скромницей и по своему темпераменту более склонялась к Бьянке Капелло, чем к Иоганне Австрийской и Элеоноре Толедской, своей кузине, на которой женился ее брат дон Пьетро.

Изабелла была готова к династическому браку и хотела быть полезной своей семье. Некоторое время она пользовалась расположением супруга, но притяжение новизны скоро сменилось у него равнодушием и скукой. Они были такими разными!

Паоло вовсе не знал, что такое супружеская верность и преданность, и был замечен в самом низком разврате.

Изабелла родила сына Виржинию, в то время как Паоло безумно увлекся блистательной Викторией Аккорембони. Оказалось, что и он способен любить, но — увы! — не свою прелестную супругу, а несвободную женщину, жену другого человека.

Виктория родилась в знатной семье в Урбино. Она с детства обращала на себя внимание замечательным из-

яществом, красотой и чарующим голосом. Кроме этого боги даровали ей необычайное очарование, которое с первого взгляда покоряло сердце и волю каждого. Ее руки добивались многие знатные мужчины, было немало ссор, вызванных ревностью и соперничеством. Наконец, в 1573 году предпочтение было отдано Франческо Перетти, племяннику кардинала Монтальто, впоследствии папы Сикста V.

Любовь, которую питал к ней муж, превосходила всякое воображение. Ее свекровь Камилла и даже сам кардинал спешили исполнить любое ее желание. От своих новых родственников Виктория получала прекрасные драгоценности, бесценные жемчуга — все самое редкое и прекрасное, что появлялось в ювелирных лавках Рима.

Ее братья делали блестящую карьеру: Оттавио назначен епископом, Марчелло освобожден от судебного преследования за некоторые преступления и пользовался относительным спокойствием, Джулио был допущен к высшим должностям при дворе кардинала Алессандро Сфорца.

Встреча с Паоло Орсини изменила спокойное и благополучное течение ее жизни. Но сначала ее ни в чем нельзя было обвинить — лишь только в том, что своей красотой и очарованием она внушила гордому Орсини такую безумную страсть. Его чувства стали известны, об этом много говорили. Вопреки убеждению, что жены обо всем узнают последними, Изабеллу просветили относительно этой новости очень скоро.

Она вышла замуж без любви, была покорна и предупредительна, родила мужу сына и не заслужила подобного обращения. Мужчины ее семьи воспринимали измену Паоло равнодушно, и убеждали Изабеллу мириться со своей долей. Но гордая женщина не желала оставаться безвольной и безропотной отвергнутой женой.

Как Франческа да Римини, Изабелла подарила свое сердце и любовь кузену супруга, культурному и просвещенному Троило. Общность культурных запросов, взаимное влечение или обида оскорбленной женщины создали этот союз? Изабелла и Троило обожали пышные путешествия, где она блистала как принцесса рода Медичи. Влюбленные останавливались в фамильных дворцах на улице Лаура, проводили время на вилле Баронилло (теперь она называется вилла Реджио Имперiale).

Паоло Орсини в своем распутстве опускался все ниже. Старший брат Изабеллы марал достоинство великого герцога низким развратом и открыто изменял своей супруге Иоганне, а младший брат Пьетро смолоду учился жизни на его примере.

Несмотря на свою холодность к жене, Паоло Орсини не собирался терпеть неверность с ее стороны. Он решил покарать изменницу, как издавна было принято наказывать неверных жен — лишить ее жизни. Кроме того, освобождение от нелюбимой жены обещало некие перспективы для соединения с Викторией.

Когда Изабелла узнала о грозящей опасности, она бросилась во Флоренцию, к родным. С ужасом она поняла, что братья не будут на ее стороне, равно как все аристо-

кратическое общество. Измена женщины в такой же степени оскорбляла ее братьев, как и мужа. Подобные понятия были запесены в Италию испанцами.

В отчаянии Изабелла обратилась к Екатерине Медичи, королеве Франции, с просьбой о защите. Но было слишком поздно. Орсини убил Троило, посягнувшего на его добро, внезапно явился во Флоренцию и принудил жену последовать за ним на загородную виллу. Там, оставшись с ней наедине, он умертвил свою молодую супругу усекновением головы с согласия ее братьев, заверявших его в своем сочувствии.

В «Итальянских хрониках» Стендаль описал эту историю несколько иначе, но основные факты и трагическая развязка те же самые.

Вскоре муж Виктории Франческо Перетти был убит близ своего дома. Никто не сомневался, что это дело рук Орсини, пламенная страсть которого к Виктории была всем известна. Теперь любовникам ничто не мешало соединиться: на третий день после убийства мужа Виктория вместе со своей матерью поселилась в палатце Орсини. Говорили, что Орсини обещал жениться на ней, как только она овдовеет. По своему положению она стояла настолько ниже князя, что только непреодолимое могущество страсти могло заставить его заключить подобный брак. Однако Григорий XIII вырвал у герцога обещание, что он никогда не женится на Виктории. Орсини вовсе не собирался держать слово, данное под принуждением. Кроме того, после смерти Григория XIII он считал себя свободным от данного им обещания.

Влюбленные тайно поженились, не дожидаясь избрания нового папы. Оба события совершились в один день: 24 апреля 1585 года. Но супруги радовались недолго. Этот брак глубоко оскорбил папу. Как только о нем стало известно, достаточно было нескольких слов Сикста V, и Паоло покинул Рим и бежал в Падую. К этому времени князь сделался чрезвычайно тучен: его ноги были толще туловища обычного человека и одна из этих чудовищных ног была поражена волчанкой, которую лечили огромным количеством сырого мяса, прикладывая его к ране. Многие полагали, что Виктория она хотела увезти князя в Швейцарию, чтобы после его смерти без помех вступить во владение его состоянием. Он же жалел свою жену, которой после его смерти предстояло остаться без доброго имени и без денег. Ее ненавидели многие государи, она не пользовалась симпатией семьи Орсини и не имела никакой надежды на новый брак. Умиравший завещал ей драгоценности, все движимое имущество, которым они пользовались сообща, и 100 тысяч пиастров. Остаток своего состояния он передал Виржинию Орсини, своему сыну от Изабеллы Медичи, и умер после непродолжительной болезни. Родственники мужа захотели получить его лошадей и серебряную посуду, но вдова их не отдала.

Через несколько дней пятнадцать браво проникли в дом герцогини Виктории ди Браччиано. Один из них вонзил узкий кинжал под ее левую грудь. Поворачивая кинжал в разном направлении, злодей несколько раз просил несчастную сказать ему, коснулся ли он ее сердца. Так

погибла прелестная женщина, которая хотела слишком многого, но не рассчитала свои силы.

Можно предположить, что и у Франческо под влиянием семейных нравов не раз появлялась мысль о физическом устранении Иоганны. Немилая супруга мешала влюбленным соединиться. После смерти отца и гибели мужа Бьянки герцог поселил прекрасную вдову во дворце по соседству с собственным и в течение следующих четырех лет демонстрировал ее всей Флоренции как свою признанную любовницу, что глубоко унижало Иоганну. Тем не менее великая герцогиня не была окончательно покинута мужем. Она родила долгожданного сына и наследника, дона Филиппе, и герцог снова стал навещать ее спальню в надежде иметь других сыновей.

Но и Бьянка старалась привязать любовника как можно крепче. Она договорилась с ловким врачом и повитухой, которые нашли несколько бедных женщин, готовых продать своего новорожденного младенца мужского пола богатой бездетной семье. Имитируя обычное недомогание беременных и подкладывая под платье все увеличивающиеся подушки, Бьянка убедила герцога, что скоро подарит ему сына. В нужный момент мальчик появился на свет и был наречен счастливым отцом именем Антонио. Теперь герцог был готов на все, чтобы быть навсегда вместе со своей любимой.

Однажды нерадивые, а, может быть, и весьма старательные прислужники уронили носилки с беременной герцогиней Иоганной с высокой лестницы. От полученных увечий она скончалась через несколько дней. От бра-

ка с ней остались сын Фелиппе и две дочери: Элеонора и Мария, впоследствии супруга Генриха IV Французского.

Меньше чем через два месяца, 5 июня 1579 года Франческо и Бьянка наконец-то соединились как законные муж и жена — хотя из-за необходимости соблюдения траура прошел еще год, прежде чем о браке было объявлено публично. Сразу после этого Франческо направил особого посла к дожу Венеции с предложением объявить его женою дочерью республики, что должно было укрепить связи между Венецией и Тосканой. Сенат почти без колебаний одобрил это предложение, одновременно возведя отца и брата Бьянки в звание кавалеров.

Влияние второй супруги герцога было особенно вредно для финансов.

Умер маленький сын герцога, дон Фелиппе. Может быть, это произошло от естественных причин, но общественное мнение и в этом обвиняло Бьянку.

Свою мачеху Камиллу Мартелли Франческо после смерти отца заточил в монастырь. Если раньше многие ее недолюбливали и завидовали ее возвышению, то теперь бывшие хулители выступали горячими сторонниками великой герцогини.

Бьянка все еще не могла подарить своему мужу сына, что было для нее источником постоянного беспокойства. Десять лет спустя после первой попытки притворной беременности она попыталась повторить эту хитрость, но план снова не удался.

Правление Франческо было отмечено всеми безумствами, какие жажда развлечений может внушить государю,

не отличающемуся силой воли. Мрачный, необузданный и увлекаемый своими страстями, он мало заботился о том возмущении, какое вызывала его любовная связь, а потом странный брак. В стране только и было разговоров о фальшивом сыне, несмотря на то, что Бьянка отравила всех, имеющих отношение к этому темному делу.

В атмосфере всеобщего осуждения и подозрительности прошли почти незамеченными основание Франческо Академии della Cusca и его покровительство естественным наукам.

После женитьбы герцога семья правителя распалась на две враждующие группы. К одной принадлежали Пьетро, Фердинандо и две дочери герцога от первого брака; к другой — сам герцог, Бьянка и Антонио. Братья в знак протеста и неприязни к Бьянке покинули Флоренцию. Фердинандо отправился в Рим, Пьетро — в Испанию.

Братья герцога издалека умело подогревали всеобщее недовольство правящей четой. Архиепископ Флоренции выступил с кафедры с осуждением порочной женщины и с проклятиями недостойному правителю. Бьянка понимала, что Пьетро и Фердинандо — ее враги. А врагов следует уничтожать.

Скоро кардинал Фердинандо получил от Бьянки ласковое письмо с просьбой быть Франческо добрым братом, забыть взаимные обиды и помириться. Он отправился во Флоренцию, которую никогда не забывал и куда всегда стремился душой. Трудно предположить, чтобы прелат добровольно явился на заклятие, не приняв никаких мер предосторожности. Однако он согласился на приглаше-

ние брата и невестки принять участие в торжественном ужине. Дружелобное выражение лиц всех участников не могло скрыть взаимных подозрений.

После этого ужина герцог и Бьянка заболели и осенью 1587 года вместе скончались с разницей в один день. То обстоятельство, что Франческо и Бьянка умерли внезапно, в расцвете сил, в течение двух дней друг за другом, а также то, что, несмотря на взаимное недоверие между братьями кардинал Фердинандо тогда действительно наносил им визит, неизбежно привели к обычным сплетням и подозрениям. Ходили слухи об отравленном фруктовом пироге, которые, как думали некоторые, приготовил Фердинандо, но другие придерживались мнения, что, наоборот, пирог состряпала сама Бьянка для своего деверя. Согласно этой последней версии, недоверчивый кардинал осознанно испытал его на Франческо, при этом охваченная ужасом Бьянка, видя, что все пропало, жестом губельного отчаянья схватила оставшийся кусок пирога и проглотила его.

Итак, все были уверены, что смерть наступила от яда. Мнения разделялись только в одном: кардинал ли Фердинандо отравил брата-герцога и его супругу или герцогиня приготовила для кардинала отравленные пирожные, одно из которых по ошибке досталось Франческо. Увидев, что муж принял яд, Бьянка якобы тоже вполне сознательно проглотила отраву.

При вскрытии, которое Фердинандо приказал провести в присутствии членов семьи Бьянки и всех придворных

врачей, не было обнаружено ни следа яда. Полагали, что причиной обеих смертей почти наверняка стала малярия.

Фердинандо не позволил похоронить свою невестку вместе с ее мужем. Вместо этого тело было завернуто в саван и брошено в общую могилу¹. Он также приказал, чтобы герб ее семьи уничтожали, где бы он ни находился, и заменяли гербом первой жены Франческо, Иоганны Австрийской. Траур был запрещен.

Тайна их смерти уже никогда не будет раскрыта.

Но Венеция помнила свою выдающуюся гражданку, и дом, где она родилась и провела детство, все еще имеет памятную табличку в ее честь.

ФЕРДИНАНДО I (1549—1587—1609)

После смерти наследника престола дона Филиппе, сына Франческо и Иоганны Австрийской, права наследования переходили второму по старшинству сыну Козимо I — кардиналу Фердинандо. Четырнадцать лет от роду его облекли в этот высокий церковный сан без принятия священных обрядов, то есть он не принял постриг и оставался кардиналом-мирянином. Фердинандо отнесся очень серьезно к посвящению и даже подумывал о том,

¹ Как можно объяснить факт, согласно которому в 2006 году криминалисты вскрыли захоронение супругов Медичи и обнаружили в их останках мышьяк? Вряд ли тело Бьянки вынули из общей могилы и положили в герцогскую гробницу. Тогда просто дешевой сенсацией оказываются сведения о мышьяке в останках герцогской четы.

чтобы вовсе отречься от мирской суеты и предаться занятиям духовным и возвышенным. 25 лет он был одним из князей церкви.

Загадочная смерть старшего брата резко изменила его жизнь. Папа, принимая во внимание неожиданно полученную им корону, разрешил Фердинандо сложить с себя кардинальский сан и жениться, чтобы линия правящего дома не пресеклась.

Третий великий герцог Тосканы, Фердинандо не имел повадок тирана и, как показало время, стал лучшим из герцогов Медичи. Противодействуя интригам младшего брата и соперника дона Пьетро, Фердинандо был свободен от тиранической политики своих предшественников, особенно губительной в экономической сфере. Он желал проявить мудрость и благоразумие, способствовать счастьем своих подданных и искоренить при дворе интриги.

Фердинандо I проявил себя как вполне лояльный правитель, заботясь о развитии земледелия и торговли: повелел сократить налоги, уменьшил тяжесть монополий, осушил болота Мареммы, уничтожив тем самым страшный очаг малярии. Его большой заслугой является устройство гавани в Ливорно. Бывший ранее рыбацкой деревушкой, Ливорно стал крупным портовым городом, господствующим на Средиземноморье, пристанищем всех изгнанников: гугенотов, евреев и др.

Нежные отношения Фердинандо и монахини Виргии Респуччи были широко известны в Тоскане — больше всего их целомудрием. Так как устав ордена облатов, к которому она принадлежала, позволял монахиням про-

водить около двух третей года в родительском доме, она ежедневно виделась с Фердинандо, когда тот бывал во Флоренции. Тихая, застенчивая, обладавшая более чем заурядным умом, Виргилия не блистала и красотой. Но таковы странные пристрастия сердца — влюбленному она казалась совершенством. Молодой кардинал встречался с ней не иначе, как в присутствии двух-трех женщин ее семейства. Став правителем государства, он назначил ее аббатисой монастыря Санта-Рипарата, служившего убежищем всем знатым девушкам, которых родители желали принести в жертву блеску своей семьи. Изредка он приезжал в церковь Санта-Рипарата, перед ним открывали решетку хоров, и аббатиса приходила побеседовать с его высочеством. Потом и эти свидания прекратились.

Фердинандо говорил, что женится лишь на женщине, к которой не будет чувствовать никакой любви и от которой потребует только наследников престола, а не пошлых утех брака.

Он был интеллигентный человек, увлеченно коллекционировал произведения живописи и продолжил традицию своего дома покровительствовать наукам и искусству. Именно ему мир обязан основанием музея Уффици. В 1558 году Фердинандо превратил частную семейную лабораторию по обработке полудрагоценных камней в комплекс мастерских, давших начало созданию великолепной флорентийской мозаики. С легкой руки Медичи началось триумфальное шествие по Европе этого своеобразного вида изобразительного искусства.

Но среди его культурных интересов самым значительным и любимым являлась музыка. При его дворе впервые в Тоскане были поставлены оперы. Эти представления всегда собирали большое количество заинтересованных слушателей. Герцог любил музыку и старался приобщить к ней своих детей.

Фердинандо своим указом узаконил незаконного сына Козимо I от связи с Элеонорой Альбици. В соответствии со своим высоким происхождением тот прославился как стратег, как наставник начинающих военных, как архитектор новой художественной школы.

Великий герцог проводил политику сближения с Францией и некоторого отдаления от Испании. Этому способствовало то, что его родственницей была одна из величайших французских королев Екатерина Медичи.

Дальновидный великий герцог поддерживал Генриха Наваррского еще в те времена, когда тот возглавлял партию французских гугенотов и доставлял столько беспокойства королеве Екатерине. Едва вступив на престол, Фердинандо направил свой флот в бухту Марселя и захватил знаменитый замок Иф, на который покушались испанцы. Это привело к размолвке с Францией, но не помешало переговорам о браке племянницы герцога Марии с Генрихом. Этот союз позволил бы достичь равновесия в Италии и оказать сопротивление успехам Испании, достигнутым на переговорах в Милане.

Французская королева надеялась женить своего внука, маркиза де Пон-а-Муссон, наследника герцогства Лотарингского, на одной из дочерей великого герцога Тоскан-

ского Франческо. Она практически удочерила внучку Крестину, младшую дочь герцога Карла 3 Лотарингского от брака с ее дочерью, принцессой Клод Французской, и деятельно занималась поисками жениха для девушки. После ранней смерти матери Кристина воспитывалась бабушкой, которая лелеяла ее как единственный росток, оставшийся от некогда могучего дерева рода Валуа. Сначала королева хотела выдать внучку за одного из сыновей Анны д'Эсте, герцогини Немурской, то есть братьев всемогущего герцога Гиза. В конце концов, ее выбор пал на нового Великого герцога Тосканского Фердинандо: она сама предложила ему руку своей любимой внучки. Убийство герцога Гиза, дяди Кристины, едва не помешало отъезду девушки к жениху.

В апреле 1589 года 24-летняя Кристина прибыла на корабле в новую гавань Ливорно и вышла замуж за достигшего 40-летнего возраста Фердинандо. По меркам того времени она уже не считалась молодой, и поэтому 16-летняя разница в возрасте не принималась во внимание.

Этим браком объединились две ветви Медичи — Кафеджиоло и Пополано. Их венчал Антонио, друг Козимо I, в то время приор монастыря Сан-Марко и архиепископ Флоренции. О чувствах жениха и невесты вопрос не стоял.

Фердинандо беспокоило прошлое невесты, чья юность прошла во Франции, нравы которой в то время отличались изощренным развратом.

Сохранился анекдот о том, что новобрачную тут же посадили на горшок и заставили предъявить для исследования мочу. Считалось, что, исследовав эту субстанцию, можно судить о целомудрии женщины, если другие признаки искусно подделаны. Герцог не находил себе места, пока его лекарь производил анализ. Можно себе представить, что переживала ошеломленная Кристина! Однако результаты исследования порадовали Фердинандо, а чистота и невинность невесты произвели на него сильное впечатление. Сам он при папском дворе вел весьма свободную жизнь и о женской порочности знал не понаслышке. Теперь, встретив такое чудо добродетели, он старался уберечь Кристину от горя и невзгод и со временем сумел привязать ее к себе своим вниманием и нежностью.

Кристина имела приятное лицо, была высокой и стройной. Ее отличали приветливость, кротость и набожность. К сожалению, последнее качество в дальнейшем переросло почти в ханжество. Пока же она вполне соответствовала заявленным требованиям: была ровна, нежна, ласкова и родила великому герцогу восьмерых детей.

Итак, супружество Кристины и Фердинандо оказалось счастливым.

Княжеская чета имела сходные пристрастия и интересы. Они навели при дворе порядок, нарушившийся во время правления Франческо. В личной жизни великий герцог в противоположность своим предшественникам, возведшим в культ роскошь, был довольно прост, его манера держаться отличалась непринужденностью. Герцо-

гиня следовала его примеру. Зато официальные церемонии дома Медичи поражали пышностью.

Фердинандо считал долгом заботиться о своих племянницах, дочерях покойного брата. Рано лишившись матери, дочери Франческо воспитывались во Флоренции во дворце Питти вдали от двора вместе со своими кузенами, тогда как их отец жил с женщиной низкого происхождения, которую дети герцога презирали. Из этого унылого детства в замкнутом пространстве дворца девушки вынесли характерную привязанность к небольшому привычному миру, друг к другу, к своим фрейлинам.

Элеонору, старшую дочь герцога Франческо, отец в 1584 году выдал за Винченцо Гонзаго, наследника герцога Мантуанского. Эта сама по себе замечательная партия вполне могла не состояться. Винченцо женился первым браком на 14-летней Маргарите Фарнезе из Пармского правящего дома. Однако оказалось, что вследствие особенностей своей анатомии, фактически стать женой она может только после довольно сложной хирургической операции, которую в то время было почти невозможно провести. Папа назначил для разбора этого дела специальную комиссию с главным арбитром во главе, призванную досконально разобраться в этих непростых обстоятельствах. Приговор комиссии требовал расторжения брака и затворения юной Фарнезе в монастырь, причем кардинал, назначенный главой комиссии, вследствие волнений и переживаний, связанных с таким деликатным делом, скончался. Вся Италия разделилась на сторонников и противников Маргариты. Молодого мужа стали подо-

зреть в мужской неполноценности. Бьянка Капелло, не любившая Гонзаго, требовала, чтобы прежде чем жениться на тосканской принцессе, Винченцо «доказал свою мужественность». Развернулась настоящая кампания по поиску девушки, которая согласилась бы послужить живым воплощением мужской силы принца. Наконец, все устроилось, и в последний год жизни своего отца Элеонора вышла замуж в Мантую. Приданое ей выплачивал уже дядя Фердинандо. Принцесса из рода Медичи нашла при мантуанском дворе все то, к чему привыкла дома: внимание, симпатию, присутствие в ее жизни искусства, поэзии и музыки. Она очень любила мужа и родила много детей. Их дочь стала супругой императора Фердинанда II. Но именно с сыновьями Винченцо и Элеоноры пресекалась прямая линия правителей Мантуи.

Фердинандо и Кристина стали носить старый герб Медичи, герб Пьеро Подагрика, но вписали в него лилии Франции, на которые имела право Кристина как внучка Генриха II Валуа.

Крепли политические связи Флоренции с Францией. Фернандо, способствовавший разводу Генриха IV с Маргаритой Валуа, помог ему также получить корону. Папа Климент VIII счел веским каноническим аргументом духовное родство, которое, как только теперь выяснилось, связывало Генриха Наваррского и принцессу Марго. Кристина и ее тетка сосватали Генриху IV младшую дочь Франческо и Иоганны Австрийской, Марию.

Во Франции католики, с неизменным подозрением относившиеся к прогугенотским симпатиям короля из но-

вой династии, радостно приветствовали возможность его брака с принцессой-католичкой. Однако заключению брака способствовали не религиозные предпочтения, а, главным образом, деньги. Франция имела колоссальный государственный долг герцогу Тосканскому — около полутора миллионов экю золотом, и выплатить его не было никакой возможности. При обсуждении условий брачного контракта денежный вопрос стоял наиболее остро, причем французская сторона не гнушалась даже шантажом. Великий герцог Фердинандо предлагал за племянницей пятьсот тысяч экю, указывая, что Мария не дочь его, а только племянница, и более того — не старшая, которую он уже выдал за герцога Мантуанского с приданным 300 000 экю, а младшая. Французы угрожали женитьбой короля на его официальной фаворитке Генриетте д'Антранг и заявляли, что их требования весьма умеренны, поскольку речь идет о восхождении племянницы герцога на французский престол. Отныне великий герцог оказался в роли просителя. Фердинандо пришлось вытрясти из своего кошелька еще немного, и стороны сошлись на шестистах тысячах экю. 25 апреля 1600 года Медичи подписали брачный контракт, согласившись на все условия французов.

Венчание Марии Медичи в кафедральном соборе Флоренции с представителем Генриха IV Французского было пышным. Тоскана и Франция соперничали в великолепии. Мария в окружении 300 девушек, одетых в белое, получила обручальное кольцо из рук своего дяди-герцога. Принцесса витала в облаках, вознесенная на головокружительную высоту удивительной судьбой, которую ей в

детстве предсказала ясновидящая монахиня из Сиены. Ее скромные достоинства не заслуживали такого триумфа, как призналась Мария легату, она обязана им только милости Божьей.

Французский король, хотя и потомок Людовика Святого, обладал достаточно широким политическим дальновзором, чтобы жениться на «лавочнице». Марии уже исполнилось 27 лет, но она была на 20 лет моложе короля. Белокурая, низкорослая и полная, она с годами превратилась в настоящую пышку. Французы непочтительно называли ее «бочкой», а муж пренебрежительно именовал «дряблой толстухой».

Это не мешало придворному поэту французского короля Малербу воспевать молодую королеву такими стихами:

Мария — чудо и в большом и в малом,
Этрурисй дарованное галлам...
...
Твой дивный лик пленяет и манит,
И вот сражен воинственный Алкид.
Он с гневным Марсом был дотоле дружен,
Но вами он теперь обезоружен
И, отрешась от боевой страды,
Склоняется пред чудом красоты.

Однако «воинственный Алкид» не помчался в Марсель на встречу с королевой; он не спешил расстаться со своей свободой и молодой любовницей. Этим он подтвердил

сложившееся у знатных итальянцев отношение к Франции как к варварской стране. Французы были для итальянцев существами необразованными, неотесанными, грубыми, болтливými и наглými.

Королева из рода Медичи создала целую эпоху во Франции.

Фердинандо возродил Пизу так же, как Ливорно, и пригласил в качестве профессора едва 25-летнего Галилео Галилея. Он назначил этого выдающегося ученого и мыслителя наставником своего сына, будущего Козимо II.

Чтобы сохранить европейское равновесие — цель, к которой всегда стремились Медичи, — великий герцог женил своего сына на австрийской принцессе и направил тосканский флот в Эгейское море и в Африку на помощь имперцам в их войне с турками.

Хорошо знакомый со всеми тайнами и подводными течениями римского двора, Фердинандо помог своему протеже получить папскую тиару.

Папу Льва XI, Алессандро Оттавиано Медичи (1535—1605), принято считать племянником Льва X. Называют даже его родителей: Оттавиано Медичи и Франческу Сальвиати. Однако во многих родословиях Медичи и сам Алессандро, и его родители отсутствуют.

Тем не менее, согласно биографическим справкам, он родился во Флоренции, с детства обнаруживал непреодолимое влечение к религии и стремление стать служителем церкви. Пока была жива его мать, не одобрявшая выбор сына, ему приходилось скрывать свои намерения, но

после ее смерти он посчитал желательным и возможным принять духовный сан.

Алессандро пятнадцать лет прожил в Риме в должности тосканского посла и в 1574 году был назначен архиепископом Флоренции. Дружеские и родственные отношения прелата с правителями Тосканы способствовали сохранению порядка в государстве.

В 1596 году папа направил Алессандро легатом во Францию с целью уничтожения влияния гугенотов при дворе Генриха IV. Семейное ли обаяние Медичи помогло ему завоевать дружбу короля, собственные ли дипломатические таланты, но принято считать, что Генрих помог Алессандро добиться высшего чина в церковной иерархии, заплатив 300 тысяч экю кардиналам-выборщикам. Можно поверить, что вечно нуждающийся в деньгах французский король не пожалел сумму, равную половине приданого Марии Медичи, чтобы папой стал родственник его супруги, а не ставленник Филиппа Испанского.

1 апреля 1605 года Алессандро получил тиару римского первосвященника и принял имя Льва XI, но сразу после рукоположения тяжело заболел. Во время болезни ему докучали члены курии и иностранные послы, убеждая дать кардинальскую шапку кому-нибудь из его внучатых племянников. Однако папа, всегда обличавший nepотизм, каждый раз отвечал отказом.

Когда о том же самом стал говорить священник, причащавший его, Лев нашел в себе силы потребовать другого исповедника.

Он умер, побыв папой всего 26 дней. Можно представить себе огорчение французского короля и Великого герцога! Кроме вполне человеческой печали по поводу ухода из жизни друга, они потеряли своего ставленника и защитника на троне Св. Петра. Впрочем, Камилло Боргезе, ставший следующим папой под именем Павла V, оставался в добрых отношениях с Фердинандо.

Наверно, Великого герцога Фердинандо не зря называли лучшим флорентийским правителем: судьба послала ему легкую смерть. Фердинандо умер без болезней и мук, скоропостижно 7 февраля 1609 года.

Под господством этого просвещенного и миролюбивого князя, который прислушивался к желаниям своего народа, великое герцогство Тосканское получило отдых от войн и притеснений и, наконец, достигло определенного благополучия.

С помощью супруги он сделал свой двор примером роскоши, хорошего вкуса, благородства и духовной элитности. Портреты Фердинандо и членов его семейства принадлежат кисти Сципионе Пульцоне, Вентуры Салисбелли и фламандских мастеров, приглашенных во Флоренцию.

Фердинандо первый был похоронен в капелле князей. В своем завещании он назначал наследником своего Козимо под регентством матери. Великий герцог призывал его руководствоваться советами министров, которых он называл «консультантами» и которые так верно служили ему самому.

КОЗИМО II **(1590—1609—1621)**

Первые же шаги Козимо II были чередой грубых ошибок. Он прекратил деятельность банков Медичи, которые работали при Козимо II, Франческо и Фердинандо и которые финансировали половину правящих домов Европы.

Ошибкой был и брак с Марией Магдаленой Австрийской, о котором договаривался еще Фернандо. Ему было 18 лет, ей 21, когда этот несчастливый союз был заключен. Но восемь детей, которых принесло это супружество, украсили жизнь Козимо нежной любовью. Мария Магдалена была не красива и не слишком интеллигентна, но свежа и полна жизненной силы. Она любила охоту и отдых в тени садов и особенно привязалась к вилле Барончелли, которую как княжескую резиденцию построил архитектор Джулио Париджи. Но если она не охотилась, то отдавала время исключительно церкви и молитвам. Любые интеллектуальные интересы были ей чужды. Муж со своими высокими устремлениями казался странным и непонятным.

В политике Козимо искал компромисс, но всю его короткую жизнь ему приходилось разрываться между двумя самыми близкими женщинами. Кристина Лотарингская сохраняла верность своей французской родине, в то время как Мария Магдалена склоняла его к союзу с Испанией и императором. И это двувластие, царившее при дворе Медичи, в сочетании с экономическими и политическими трудностями государства явилось началом упадка Флоренции.

Во Франции Мария Медичи блестяще выполняла роль королевы-продолжательницы рода. Она родила дофина и дальше исправно рожала сыновей и дочерей. Что до остального, то отсутствие здравого смысла и причудливая смесь застенчивости и самонадеянности приносили ей много бед. Она была создана для того, чтобы слепо повиноваться фаворитам, так как никогда не вникала в суть вещей и интересовалась исключительно мелочными дрязгами. Ее угрюмый, сварливый нрав жизнерадостный король Генрих быстро ощутил на собственном опыте. Не будь она королевой Франции, ее следовало бы считать существом ничтожным. В ней не было ничего от Медичи, кроме любви к роскоши, драгоценностям и врожденного интереса к предметам искусства, но при полном отсутствии вкуса.

Король мгновенно возненавидел любимого кузена Марии, Виржинию Орсини, и дипломатично попросил его удалиться в Италию. Но после его отъезда королева приблизила к себе безродного авантюриста Кончино Кончини. Именно Мария ввела во Франции должность чичисбея — заместителя мужа знатной женщины.

Король все не находил времени или не проявлял желания ее короновать, и все силы своего существа королева вкладывала в старания по изменению этого досадного положения.

Наконец, 13 мая 1610 года Мария была коронована. Ее корону украшал привезенный из Индии бриллиант Санси весом 45 карат. 14 мая фанатик Равальяк убил короля.

Была ли причастна Мария Медичи к его смерти? Многие в это верили. Ее роль в событиях 14 мая 1610 года до сих пор остается загадкой истории.

В 1612 году Козимо II начал переговоры о браке своей сестры Екатерины (1593—1629) с правителем Мантуи Фернандо Гонзаго. Первоначально она предназначалась в жены старшему сыну и наследнику Иакова I Стюарта принцу Генри. Этот брак, блестящий во всех отношениях, имел только одно препятствие, но оно оказывалось решающим: жених был протестантом. Возмущенный папа прислал строжайший запрет на свадьбу принцессы-католички с еретиком. В утешение понтифик на выбор предложил ей принцев Савойи, Испании и Франции. Но сложная ситуация разрешилась сама собой: наследник английского престола умер от тифа.

Фернандо Гонзаго спешно признал незаконным свой брак с Камиллой де Фаа. Ее он добивался со всей энергией, присущей слабым людям, когда им чего-то ужасно хочется. Девушка, дочь графа, отличалась исключительной красотой и не стремилась стать супругой Фернандо. Однако он дал ей письменное обязательство жениться, заверенное законниками. Семья Камиллы не могла устоять перед искушением, и морганатический брак был заключен. Родные Фернандо негодовали и сделали существование молодой женщины невыносимым. Она ожидала ребенка, и под разными предлогами супругов принудили жить раздельно. Тем временем фамилия Гонзаго всей мощью своего влияния обрушилась на Фернандо, убеждая его в ошибочности сделанного выбора. Герцог и сам, когда его

прихоть была удовлетворена, сомневался в разумности совершенного шага. Даже рождение сына его не порадовало. Теперь он с такой же страстью добивался расторжения брака, с какой раньше — его заключения. Но Камилла думала о своем ребенке — ведь он являлся законным наследником Мантуи. Давление двора становилось все сильнее. Ее отец был отравлен; на других родственников совершались покушения. Фернандо требовал, чтобы она удалилась в монастырь, к чему она не чувствовала никакой склонности. Но поскольку вопрос стоял о сохранении уже не брака, а жизни, Камилла перестала сопротивляться. Два года она тихо прожила в стенах монастыря, ни на что не претендуя, как вдруг у герцога появилась возможность получить в жены одну из Медичи. Он потребовал, чтобы Камилла приняла постриг. Два года она сопротивлялась, а он настаивал, говоря, что иначе брак не может быть расторгнут. Чтобы достигнуть своей цели, Фернандо не брезговал никакими средствами. Несчастной женщине ничего не оставалось, как покориться. Их сын объявлялся незаконнорожденным и лишался всяких прав на отцовское наследство.

Фернандо женился на Екатерине Медичи. Но счастья, построенного на несчастье других, не получилось. Портрет Екатерины в молодости представляет очень красивую и представительную девушку; о ее благородном происхождении свидетельствует каждый штрих. Но мужу она не пришлась по вкусу. Он продолжал распутничать, пренебрегал женой, считая ее неаппетитной толстухой. Возможно, она действительно растолстела, но портреты

об этом не говорят — наверно, она не хотела позировать, прибавив в весе. Два раза она была беременна, но родить живого ребенка не смогла. Фернандо вскоре умер, а Екатерина, оставшись вдовой, ушла в монастырь.

Все жители небольшого герцогства следили за злоключениями Камиллы и сочувствовали ее горькой участи. Жалели ее и в монастыре, где она приняла постриг. Настоятельница заставила ее описать все, что с ней произошло. Невеселый рассказ занял всего 17 страниц, но стал первым опытом женской мемуарной прозы.

Камилла пережила бывшего мужа и его новую жену из дома Медичи. Они забыты, а Камиллу в Италии помнят и считают одной из итальянских писательниц позднего Ренессанса.

Не забыта и Мария Медичи. Эта итальянская принцесса, вышедшая за великого короля благодаря гнусной денежной сделке, бестолковая и сварливая, прославилась зависимостью от своих фаворитов и полным подчинением их влиянию. Супруг посвящал ее в дела, привлекая к управлению, и она присутствовала при заседаниях Совета, но все без особого успеха. Когда короля не стало, ее старшему сыну не было еще девяти лет, и парламент, довольный обстоятельствами, предоставлявшими ему недостижимую до сих пор политическую роль, тотчас утвердил Марию регентшей. Тщеславию ее не было границ: между 1622 и 1625 годами Пауль Рубенс, придворный живописец Марии, написал 27 огромных аллегорических полотен с изображением отдельных эпизодов из жизни королевы.

Но реальных механизмов управления страной в ее руках не оказалось. Кроме того, ее фавориты, Леонора Галигаи с мужем Кончино Кончини, полностью владели волей королевы.

В 1614 году Людовик XIII достиг совершеннолетия, приказал убить Кончини и сослал свою мать. Это был первый и последний случай, когда королева-мать была наказана за отправление регентства.

Королева взбунтовалась, и дальнейшая ее жизнь состояла из мятежей и фальшивых примирений с сыном, который ее не любил. В этой посредственной женщине стремление к власти преобладало над материнским долгом и честью королевы. Она печально закончила свои дни в изгнании в 1642 году.

Это был период, когда над всей Италией нависла злобующая тень Испании. В течение более чем столетия испанские амбиции сдерживались Францией. Но Франция отказалась от своих итальянских владений еще в начале века, а после убийства Генриха IV наступило регентство Марии Медичи, непоколебимой сторонницы Испании. Испания владела Миланом и Неаполем, Козимо II, зажатый между испанскими территориями, к тому же двоюродный брат Марии, почти полностью находился под испанским контролем.

Козимо II как родственник французской королевы и испанского королевского дома имел еще вес в Европе. Он был избран «двойным посредником» при заключении брака Людовика XIII и Анны Австрийской и наследника испанской короны с Елизаветой Французской.

Правление, с фантастическими планами завоеваний на Востоке и полным подчинением Испании, вело государство к упадку. Только покровительство просвещению оставалось при нём неизменным.

При дворе Козимо, как и во времена его отца, творил Юстус Сустерман — отличный художник, но уже не флорентинец и даже не итальянец. С упадком Флоренции уменьшилось и число талантов. Его перу принадлежат портреты семьи Медичи той поры.

Галилео Галилей открыл спутники Юпитера и назвал их «светилами Медичи», или «планетами Медичи», или «звездами Медичи» и посвятил свое открытие великому герцогу Козимо. Его «Звездный вестник» увидел свет 8 марта 1610 года. В своем посвящении Козимо Медичи Галилей писал: «Едва лишь на земле начали блистать бессмертные красоты твоего духа, как на небе яркие светила предлагают себя, чтобы словно речью возвестить и прославить на все времена выдающиеся добродетели. И вот они — четыре звезды, сохраненные для твоего славного имени, и даже не из числа обычных стадных и менее важных неподвижных звезд, но из знаменитого класса блуждающих; вот они с удивительной быстротой совершают свои круговые движения с неравными друг другу движениями вокруг благороднейшей других звезды Юпитера, как бы родное его потомство, и в то же время в единодушном согласии совершают великие круговые обходы вокруг центра мира, то есть самого Солнца, все вместе в течение двенадцати лет. А что я предназначил эти новые планеты больше других славному имени твоего высочества, то

в этом, оказывается, убедил меня очевидными доводами сам создатель звезд». Галилей утверждал, что между восхождением к власти Козимо Медичи и открытием «звезд Медичи» в феврале—марте 1610 года, существует нерушимая связь. Четыре звезды, кружащие вокруг Юпитера — это Козимо Медичи и три его брата, благороднейшая звезда Юпитера — символ Козимо I и рода Медичи, и не Галилей открыл эти звезды, а «сам создатель звезд» открыл их Галилею.

Козимо принял посвящение Галилея в связи с тем, что Юпитер играл главную роль в недавно созданной мифологии семейства Медичи. Юпитер был изображен на гербе Козимо I, основателя династии, а «звезды Медичи» были представлены как символ потомства Козимо I.

Козимо II поощрял Галилея, способствовал его занятиям наукой и подарил ему виллу «Бонавентура». Публикация «Звездного вестника» разительным образом изменила социальный статус Галилея: из профессора математики, получавшего небольшое жалованье и подчинявшегося университетской дисциплине, он превратился в придворного философа, свободного от обязанностей преподавателя, получавшего вознаграждение, сравнимое с оплатами самых высоких придворных. Он пропагандировал труды Николая Коперника и особенно тезис, что «Солнце не движется вокруг Земли и земля не является центром Вселенной».

Однако, несмотря на такое высокое «звездное» покровительство, Козимо умер молодым, в 31 год.

ФЕРДИНАНДО II (1610—1621—1670)

Новому великому герцогу Фердинандо II было 11 лет, когда скончался его отец.

В это время Флоренция и сама семья Медичи держались только на ресурсах прошлого. Двор великих герцогов все еще был изобильным и экстравагантным в расходах, а его главы покровительствовали искусству и культуре. И все это в каком-то смысле являлось только фасадом, которому не удавалось скрыть падение экономики Тосканы и ее политическое бессилие. Страна уже давно перестала быть центром процветающей промышленности, и сельское хозяйство пришло в упадок. Граждане облагались огромными налогами, чтобы финансировать дорогой двор и обеспечивать субсидии, которые великий герцог должен был платить иностранным державам. Самым тяжелым бременем было для людей среднего класса, фермеров и купцов, которые всегда были опорой экономики Тосканы. Росли бедность и безработица. Грандиозные религиозные праздники и пышные светские зрелища, которые отвлекали флорентийцев, не могли убедительно скрыть гниющую болезнь экономики.

Однако уровень художественного производства, связанного с потребностями двора, оставался непревзойденным, а объемы значительными.

В своем завещании Козимо II указал, что мать и бабушка нового правителя должны управлять Флоренцией до его совершеннолетия. Во исполнение воли Козимо

Кристина и Мария Магдалена с усердием занялись делами правления. Они ввели в придворную жизнь сугубую пунктуальность и ханжество. Обе женщины были святошами, и во время их правления духовенство процветало, а церкви росли как грибы. Даже инквизиция, со времен Савонаролы не имевшая большого распространения во Флоренции, вернулась в город. Братья-доминиканцы занимались темными делами в Санта-Кроче и устраивали аутодафе своим жертвам на площади, которая раньше, во времена Лоренцо Великолепного и его брата Джулиано, служила местом блестящих турниров

Мария Магдалена значила, несомненно, больше своей свекрови для политического и финансового абсолютизма Тосканы, но она также способствовала клерикализации атмосферы герцогского двора и всего города.

После смерти своего супруга вдовствующая герцогиня охотно сменила яркие роскошные одежды, которые вынуждена была носить во время приемов, праздников и маскарадов, на темные вдовьи одеянья и возвела в культ строжайшее соблюдение этикета. Жизнь двора, помпезная при Козимо II, сменилась лицемерной атмосферой притворного смирения и преувеличенного религиозного рвения. Мария Магдалена, безусловно, творила много добра, но это так называемое добро было тем, что считала хорошим и полезным она сама, а не другие.

В деле Ливии Фернацци проявилось никак не христианское милосердие, а прямо-таки изощренная жестокость герцогини. Вместе со своей свекровью она с глубокой,

непреходящей ненавистью преследовала эту женщину и, наконец, добилась ее гибели.

Ливия Фернацци принадлежала к побочной линии дома Медичи: она была женой дона Джованни, внебрачного, но узаконенного сына Козимо I и Элеоноры Альбицци. Джованни родился спустя много времени после других детей великого герцога, в 1567 году, когда Козимо уже подходил к концу своего жизненного пути. Семейные скандалы, многочисленные насильственные смерти родных, связь старшего сына с Бьянкой Капелла подточили его силы. Жизнь как подарок судьбы скрашивал только восьмилетний сынишка Джованни, который с маленькой пикой и прочим воинским снаряжением ждал его в Пизе, куда вырывался от своих государственных забот великий герцог.

Позднее, став серьезным стратегом, Джованни поступил на службу Венеции и получил должность ее главного военачальника. Принц был самым умным, самым жизнерадостным членом фамилии. Повсюду прославлялись его манеры, внешность и обаяние. Дворец Джованни на Виа Парионе был украшен прекрасными произведениями искусства и полон книг, которые он, любитель литературы, сам делающий попытки писать, собирал любовно и бережно. Здесь поэты и художники находили круг духовно близких им мыслящих людей, как будто вернулись времена Лоренцо Великолепного.

Джованни хорошо понимал музыку и сам был одаренным музыкантом; любил архитектуру и сам являлся вы-

дающимися строителем. В своей семье его любили все: Кристина, Мария Магдалена и особенно Фердинандо I.

Он женился на Ливии Фернацци, женщине, безусловно, сложной, противоречивой, не безупречной репутации, но он любил ее «сверх всякой меры» и эта любовь стала единственной в его жизни. В 1619 году они обвенчались против воли семьи и уехали в Венецию, став врагами собственного дома. В том же году у них родился сын Джованни-Франческо, который дожил до 70 лет.

Дон Джованни был баловнем семьи. Он не верил, что родные могут не радоваться вместе с ним рождению его сына. Вместе с женой и ребенком он хотел тут же вернуться во Флоренцию и примириться с семьей, но смерть в 1621 году не дала его надеждам осуществиться.

В этом же году умер Козимо II.

Ливию выманили во Флоренцию по фальшивому приглашению. Там она была схвачена и подверглась всем проявлениям ненависти великой герцогини Кристины. Ее разлучили с сыном и заперли на вилле Максима в Мантуе. Позднее ее перевели в крепость Бельведер; там она провела 16 лет под замком, пока в виде милости не была отправлена в монастырь Св. Онофрио. Только Фердинандо II в 1639 году снова поселил ее на виллу Максима, где она, всеми презираемая, лишенная своего имущества — попросту ограбленная, — умерла в 1655 году.

Дону Джованни не выпало на долю быть погребенным в капелле князей, которую он сам спроектировал, он был похоронен в Венеции в церкви Св. Лючии. Собор был сне-

сен в 1860 году, и на его месте теперь возведен вокзал. Ливии не привелось соединиться с мужем и после смерти.

Мария Магдалена умерла раньше своей свекрови, но во время ее регентства Тоскана дошла почти до полного одичания.

Фердинандо II достиг совершеннолетия, но власть по-прежнему находилась в руках ханжеватого окружения его бабки Кристины Лотарингской и перешла к нему только после ее смерти в 1639 году.

Получив власть, молодой герцог усердно старался улучшить положение страны, но без особого успеха. Он явно показал несогласие с преувеличенно религиозными взглядами бабушки и матери. Но его характер, нерешительный и уклончивый, сложившийся у него в детстве под влиянием лавирования между двумя сильными женщинами, не позволял Фердинандо проявлять свою волю. Поговаривали о его гомосексуальных склонностях.

Пересказывали следующую историю.

Мария Магдалена дала сыну список сановников, обвиняемых в гомосексуализме. Он, усмехаясь, вписал в него свое имя. Герцогиня не смутилась и озвучила старую флорентийскую норму о том, что подобных извращенцев надлежит сжигать на костре. Фердинандо взял листок из рук матери и бросил его в огонь камина.

Его протест против религиозных догм ярко проявился, когда он взял под свою защиту Галилея, возобновившего свое наступление на церковь. «Ученейший среди князей и князь среди ученых» — называли Фердинандо не только Галилей, но и Торричелли, Вивиани и др. Однако когда Га-

лилей умер в 1642 году, великий герцог не смог добиться у церкви его посмертной реабилитации. Это удалось только последнему князю из рода Медичи уже в XVIII веке.

В его правление проявились трагические последствия, которые имело для Италии изгнание Камиллы Фаа и признание незаконным ее сына, — в определенной степени спровоцированные Медичи.

Как будто злой рок преследовал старшую ветвь рода Гонзаго: они были несчастливы в своем потомстве. В 1628 году после смерти последнего бездетного правителя Мантуи, Винченцо II, разразилась короткая, но исключительно жестокая война за Мантуанское наследство между Францией и империей. Правление Людовика XIII или, точнее, кардинала Ришелье подняло страну на такую ступень могущества, что она заявила о притязаниях на роль ведущей мировой державы и стала оспаривать этот титул у Испании. Фердинандо II пытался противостоять попыткам вовлечь Тоскану в этот военный конфликт, но был принужден воевать на стороне испанцев. Верх одержали военный гений и дипломатический талант Ришелье. Однако имперские войска захватили столицу герцогства, и произошло так называемое «разграбление Мантуи». Сокровища и произведения искусства были расхищены, богатейшая библиотека герцогов вывезена в Германию, вся красота уничтожена, население города из-за резни и эпидемий уменьшилось более чем на три четверти. Для выживших оставалось только утешение: чума, опустошив Мантую, перекинулась на германских завоевателей,

немногим из которых посчастливилось вернуться домой живыми.

Заслугой Фердинандо II является попытка организовать Лигу итальянских государств, чтобы ее объединенные силы могли при необходимости противостоять Испании или Франции. Он сделал попытку присоединить к Тоскане принадлежавшее Сфорца графство Санто-Фьоре и городок Понтремоли, бывший испанским владением.

Фердинандо создал Экспериментальную академию, которую впоследствии возглавлял его брат, умный и образованный Леопольдо.

Об этом Медичи следует сказать особо. Он как будто воскресил времена Лоренцо Великолепного: покровительствовал наукам, искусству, живописи, поддерживал одаренных людей. Великий герцог привлек его к делам правления. Разнообразные таланты брата он использовал для выполнения дипломатических миссий.

В 1607 году папа Павел V возвел архиепископа Леопольдо в сан кардинала. Леопольдо был верным сыном церкви, что не мешало ему на протяжении всей жизни поддерживать тесные контакты с европейскими философами и писателями.

Ему в огромной степени была присуща фамильная тяга к коллекционированию: он собирал буквально все — от картин и миниатюр до монет и медалей, от фарфора — до статуй и гемм, коллекционировал драгоценности, оружие и минералы. Благодаря Леопольдо появилась коллекция автопортретов художников (сейчас она находится в Уффици), а также коллекция графики.

Другой брат Фердинандо, Маттео, служил императору и прославился как полководец во время 30-летней войны. Он принял участие в ряде сражений, в том числе в битве при Нерлиндгене, где проявил себя бесстрашным и решительным военачальником. Судьба привела его под стены Кобурга, где, снова отличившись в сражении, он получил «30 башенок из слоновой кости, выточенных в форме ваз» мастерами Маркусом Хайденем и Иоганном Айзенбергом для герцога Саксонского Иоганна-Казимира. Они пополнили фамильную коллекцию.

Для сестры подобрали подходящую брачную партию. В Парму, в знаменитый род Фарнезе, отправилась Маргарита. Анна была слаба здоровьем и осталась дома, а потом ушла в монастырь.

Добрые отношения с братьями не компенсировали неурядицы в семейной жизни великого герцога.

В браке неустойчивость его характера стала особенно заметна. Давно была решена женитьба Фердинандо на кузине, Виттории делла Ровере. Она была дочерью сына Франческо Марии делла Роверо, Федерико Убальдо и Клаудии Медичи, сестры Козимо II. Другими словами, она приходилась двоюродной сестрой Фердинандо.

Виттория родилась от несчастного брака. Федерико Убальдо после своей свадьбы и рождения маленькой дочки продолжал жизнь жуира и бездельника, прекратив все отношения со своей молодой женой, на которую не однажды поднимал руку. Его жизнь была сплошным скандалом, до тех пор, пока совершенно неожиданно в разгар

лета 1623 года он не скончался скоропостижно в возрасте 18 лет. Его смерть изменила жизнь маленькой Виттории.

Клаудиа не успела привыкнуть к своему новому дому, да и трудно было угодить жестоким родным ее мужа. Она исступленно стремилась вернуться во Флоренцию.

Тоскана все больше напоминала монастырь, а более всего был похож на мрачный монастырь дворец великих герцогов. Может быть, на расстоянии Клаудии он виделся уютным и милым, или она успела забыть, какие там царят нравы. Так или иначе, едва минуло 40 дней после смерти Федерико Убальдо, она покинула Урбино и вернулась во Флоренцию. Франческо делла Роверо не позволил ей забрать дочь.

На родине она стала жить в клерикальной атмосфере двора своей матери Кристины и Фердинандо II во дворце Питти, до тех пор, пока родные не выдали ее за эрцгерцога Леопольда Тирольского.

Виттория оставалась у деда, в то время как между Франческо делла Роверо и флорентийским двором велись переговоры о браке 15-месячного ребенка с Фердинандо Медичи.

Затем маленькая Виттория была помещена во флорентийский монастырь Сан-Джованни на попечение монахинь, куда однажды приехала проститься ее мать перед своим браком и отъездом.

Уже после первых лет в монастыре, где зависть, ограниченность и духовное убожество были в порядке вещей, девочка стала походить на свою бабушку Кристину, которая определяла политику дома Медичи. Честолюбие, стя-

жательство, суетность нашли в душе Виттории хорошую почву. Блеклые дни монастыря расцветивались лишь воскресными мессами, нравоучительными беседами с духовником да вышиванием священных покровов. Безрадостные детство и юность вкупе со стремительно набирающим силу во Флоренции религиозным поветрием сделали девушку ханжески набожной.

Второго августа 1634 года в палаццо Питти, где после смерти Марии Магдалины жила Кристина, состоялась скромная частная свадьба. 6 апреля 1637 года, когда невесте исполнилось 15 лет, ее официально обвенчали с 26-летним герцогом. Особенных праздников не было, так как герцогиня Кристина недомогала. Но вся семья Медичи присутствовала: кардинал Джан-Карло, искусный полководец Маттео и последняя знаменитость из дома Медичи, кардинал Леопольдо, защищавший вместе с Фернандо Галилея. Присутствовали также Галилей, Евангелиста Торричелли и Франческо Реди.

В браке каждый шел своей дорогой. Виттория, помня свое происхождение, была безмерно высокомерна. Обладая молодостью и красотой, она не получила навыков общежития, не умела и не брала на себя труд быть приятной и занимательной. Обычно принцесс воспитывали для брака, но кто мог научить ее быть хорошей женой и матерью в монастыре? Она не сумела снискать любви супруга. Научные и культурные интересы Фердинандо ей были скучны и непонятны, прекрасные художественные собрания Медичи оставляли равнодушной.

Внешне крепкая и сильная, Виттория оказалась не приспособленной к деторождению. Первый ребенок, девочка, чуть было не стоила матери жизни и умерла сразу после появления на свет. Еще три мучительные попытки дать Тоскане наследника также закончились трагически. После перенесенных мучений Виттория отказала мужу в ложе, 18 лет княжеская чета жила раздельно. Брак был мучителен для обоих.

Современники видели причину этого в нетрадиционной ориентации Фердинандо. Его привязанность к своему молодому пажу графу Брутто делла Молары расценивалась как любовная связь. Полагали, что он предпочитал обществу жены общение с этим молодым человеком. Другие утверждали, будто сама Виттория избегала греховной близости с мужем. Однако грехом не только перед Богом, но и перед домом Медичи был также отказ от исполнения своих супружеских обязанностей, поэтому высокомерная герцогиня избирала меньшее зло.

Надо сказать, что браки последних Медичи со своими близкими родственниками усугубляли тяжелую наследственность. После того, как Джованни Банде Нере женился на своей дальней родственнице Марии Сальвиати, Фердинандо I взял в жены племянницу, а Фердинандо II — двоюродную сестру, родственные браки приводили к угнетению потомства. Четверо детей герцогской четы умерли вскоре после рождения. Потом родился Козимо, будущий великий герцог, затем после долгой разлуки родителей — Франческо Мариа, любимец матери.

Виттории не позволяли принимать какого-либо участия в управлении государством, что было совершенно не характерно для дома Медичи, где женщины часто определяли политику Тосканы. Это оскорбляло герцогиню, вызывало ее глубокую досаду. Зато она имела возможность по своему разумению воспитывать сыновей и сделала из старшего мрачного мизантропа, исполненного сознания собственной греховности, страха смерти и ужаса перед загробными мучениями.

Все начинания Фердинандо, его увлечения и привязанности в извращенной трактовке Виттории несли на себе печать вины, безбожия и возмутительного вольнодумия. Его действительная скупость подтверждала все другие ложные измышления. Казалось бы, само Провидение поддерживало мрачную славу герцога: в правление Фердинандо Тоскану постигло ужасное бедствие — чума. Об этом несчастье написал свой роман Манцони.

Виттория пережила мужа на 24 года и умерла в 1694 году в Пизе.

КОЗИМО III (1639—1670—1723)

Сын и пресмник Фердинандо, Козимо III, имел строгий и мрачный нрав, можно сказать, был настоящим ипохондриком, подверженным ужасному страху смерти, который с удовольствием культивировала в нем мать и ее клерикальное окружение. Ханжа и педант, он не мог

остановить упадка Флоренции. Воспитанный своей глубоко набожной матерью, несчастной в браке с его отцом, Козимо вырос ограниченным, серьезным и ревностным богомольцем, более подходящим для церковной, а не светской карьеры. В 20 лет о нем говорили, что ему свойственны «признаки исключительного благочестия... он подвержен меланхолии сверх всяких обычных пределов... никогда не видно, чтобы принц улыбался». Жизнь его была постоянным обходом церквей, ибо он посещал пять или шесть храмов ежедневно, и величайшим наслаждением для него было принимать участие в религиозных процессиях.

Английский посол вспоминал, что в более поздние годы у великого герцога была «машина в его личных покоях, на которой были закреплены маленькие серебряные образки всех святых в календаре». Машина была так устроена, что поворачивалась и выдвигала вперед святого данного дня, и перед ним Козимо служил непрерывную службу.

Вероятно, наибольшее удовлетворение в жизни даровал ему папа, назначив каноником Св. Иоанна Латеранского; эта привилегия давала ему возможность касаться святой реликвии — платка Св. Вероники, который по легенде, использовал Христос по дороге к кресту и на котором неясно отпечатались его таинственные черты. Козимо был горд, когда на портрете его изобразили в одежде каноника.

Такая религиозность, отнюдь не необычная во флорентийском обществе того времени, могла бы быть незаметной, если бы она не находила выражения в законо-

дательстве. Тут-то и проявилась воля великой герцогини Виттории: она предлагала законодательно закрепить все свои человекопенавистнические задумки. Великий герцог, как и его мать, был нетерпим в отношении к отступлениям от норм морали и веры. Он пытался предать анафеме женщин-актрис, запрещал мужчинам заходить в дома, где были незамужние девушки. Он издал серию грозных и нетерпимых антисемитских указов. Были запрещены браки между евреями и христианами; христиане не должны были жить в одном доме с иудеем. Еврей, который обращался к проститутке-нееврейке, штрафовался на 300 крон, тогда как проститутка подлежала публичной порке, обнаженная до пояса. В ноябре 1683 года было запрещено христианским кормилицам выкармливать еврейских младенцев.

Великий герцог пытался контролировать школы и университет, чтобы объявить вне закона все, что можно было истолковать как вызов общепринятым нормам. Он приказал удалить из собора статую Адама и Евы Бландинелли, потому что она казалась ему неблагопристойной.

В зарубежных поездках его встречали торжественным церемониалом, приличествующим благородному принцу. К его огромному удовольствию, он получил от императора право именовать королевским высочеством, а не просто высочеством и титул «самый невозмутимый», но эти почести были чисто номинальными: Флоренция превратилась в третьеразрядную страну, ее армия была маленькой, а флот, когда-то значительный, перестал существовать. Флоренция оставалась мирной и сравнительно свободной

от иностранного вмешательства только потому, что великие державы не считали важным вмешиваться в ее дела.

Правление Козимо не было ни особенно хорошим, ни особенно плохим. Но длительное нахождение у власти повлияло на определенные грани его собственного характера.

Его брак стал трагедией и для него, и для его молодой супруги.

Маргарита-Луиза (1645—1721), дочь Гастона Орлеанского и Маргариты Лотарингской, двоюродная сестра Людовика XIV, была богато одарена разнообразными художественными способностями. Особенно ярко они проявлялись в гармонической сфере: она чудесно пела, очаровательно танцевала и безумно любила музыку. Девушка с густыми каштановыми волосами и зеленовато-голубыми глазами была прелестна и восхитительна, кроме того, прекрасно воспитана и достаточно просвещена.

Что касается ее нравственных качеств, то даже в столь юном возрасте она демонстрировала такие надменность и себялюбие, что это вызывало неприятное изумление. В свои тринадцать лет она желала быть только императрицей; сан великой герцогини был для нее слишком убог. Полагая, что с ее красотой, происхождением, умом и характером достойна самого лучшего, она мечтала о великом будущем.

Но кардинал Мазарини, определявший в то время французскую политику, счел полезным для Франции брак принцессы с Тосканским герцогом, хотя ее мать

умоляла его не отдавать Маргариту-Луизу «безвестному итальянцу».

С дипломатической точки зрения выбор супруги великого герцога казался отличным; он на первый взгляд предполагал все возможности для продолжения рода Медичи — цель, которая давно и серьезно занимала мысли Козимо. Этот союз, сказали ему, принесет такие плоды, которые утешат в старости и увеселят родословную великого дома. В невесте текла одна четвертая крови флорентийских герцогов: ее бабушкой с отцовской стороны была Мария Медичи.

В преддверии блестящего супружества Козимо даже стал следить за своим внешним видом и одеваться по французской моде. Но при первой встрече невеста настолько явно продемонстрировала ему свое неудовольствие, что он смутился и снова ушел в себя.

Свадебная церемония была необычайно пышной: невеста в фамильных драгоценностях Медичи, молодые под золотым балдахином. Но всем своим видом принцесса изображала жертву.

На самом деле трудно было найти более яркий пример супружеской несовместимости, чем брак Козимо и Маргариты-Луизы.

Муж проявлял строгий и мрачный нрав, и был настолько не расположен к физическим контактам с очаровательной принцессой, что кое-кто подозревал его в гомосексуализме. «Он спит со своей женой только раз в неделю, и то под наблюдением врача, который затем распоряжается, чтобы он покинул постель, дабы не повредить здоровью».

Его жена, наоборот, отличалась чрезвычайной живостью, физической энергией и, как и подобало дочери Гастона Орлеанского, гордостью, упрямством и эгоизмом.

Выданная замуж через представителя в Париже, она морем отправилась в Италию, где ее новые подданные устроили ей великолепную торжественную встречу. Но ничто не могло утешить принцессу. Она была влюблена в своего двоюродного брата Шарля Лотарингского и хотела выйти за него, а не за Козимо Медичи. Ей не нравилась Тоскана, флорентийцы казались ей провинциальными, сдержанными и неинтересными, а муж невыносимым. Тесть отослал домой ее французских сопровождающих и оказывал на нее сильное давление, чтобы заставить выполнить свой долг. Но только через пять лет наследник, Фернандо, появился на свет

Будущая великая герцогиня все еще не хотела примириться со своей судьбой. Ее отправили успокоиться в загородный дворец, где, как она писала французской королеве, она была «лишена всех удобств и похоронена заживо в ужасном одиночестве», хотя на самом деле при ней находился многочисленный двор. Визит ее бывшего возлюбленного принца Шарля не примирил ее с семейной жизнью, хотя в результате его женитьбы их любовь закончилась. Убедившись, что он охладел, она стала заваливать его пылкими письмами, которые перехватывал муж. Когда принцесса обнаружила, что снова беременна, то попыталась вызвать выкидыш: целыми днями она скакала верхом по-мужски, но ребенок не желал покидать ее лоно. В августе 1667 года родилась принцесса Анна-Мария.

Маргарита-Луиза настойчиво требовала, чтобы ей разрешили вернуться во Францию. Когда она наотрез отказалась спать со своим супругом, ее кузен Людовик XIV написал ей, чтобы она вела себя прилично.

Козимо отправили в дорогостоящий заграничный вояж, очевидно полагая, что разлука делает сердца нежнее. Действительно, по возвращении он и его жена возобновили супружеские отношения, и 24 мая 1671 года родился их третий ребенок Джан Гастоне. Сначала можно было надеяться, что этот сын примирит герцогиню с судьбой: он получил имя ее отца и унаследовал характерные черты внешности Гастона Орлеанского. Но скоро стало очевидно, что Маргарита-Луиза не испытывает никаких материнских, да и просто добрых чувств к трем своим детям. Особенно ненавистна была ей Анна-Мария, которая, несмотря на все старания матери, все-таки увидела свет. Маргарита-Луиза вытребовала у мужа фамильные драгоценности Медичи и попыталась переправить их во Францию. К счастью, Козимо был начеку и успел помешать бесстыдному воровству.

Дворец герцогов тосканских превратился в ад. Маргарита-Луиза безумствовала, утверждая, что брак с Козимо был заключен против ее воли и поэтому не может считаться действительным. Ее жалобы французскому двору на жестокое обращение вызвали требование Людовика XIV, чтобы с принцессой обращались сообразно ее рангу.

В конце концов герцогиня добилась своего и после семнадцати лет тягостного для обоих супругов брака отбыла

из Тосканы во Францию навсегда. Быть может, она мечтала, что своей красотой сможет увлечь ветреного кузена, как некогда смогла это сделать Генриетта Английская, и ее жизнь при блестящем французском дворе превратится в вечный праздник. Но мечты о счастье и свободе очень скоро рассеялись. Король-солнце не любил скандальных женщин и не собирался прощать кузине более чем экстравагантное поведение, о котором в Европе «говорили».

В XII веке далские предки Маргариты-Луизы — Людовик VI и его супруга Аделаида Савойская — основали женское бенедиктинское аббатство, где после смерти короля его вдова стала аббатисой. Здесь с 1675 года практически под домашним арестом вместе со своей очень набожной сестрой Елизаветой-Маргаритой жила Маргарита-Луиза, расставшаяся с Козимо. Ей разрешили построить прескрасный дом, но доступ в высший свет, который неудержимо манил ее, был закрыт волей короля. Однако и в этих стесненных обстоятельствах она старалась не ограничивать свой круг общения и не менять привычек. Формально почти узница, она пела, брала уроки музыки, танцевала и все чаще совершала вылазки ко двору. Она всем своим существом ненавидела Тоскану и весь род Медичи. Недобрые чувства распространялись и на собственных детей: не было такой ядовитой клеветы, которую она не пускала гулять по свету, расстраивая их планируемые браки. Что касается мужа, свекра и свекрови, то тут ей и вовсе не было удержу. Король снова вынужден был призвать ее к порядку, что не улучшило его отношения к кузине.

Через много лет она умерла, одинокая и эгоистичная, в возрасте 76 лет.

Козимо, для которого этот брак был настоящим адом, обрел, наконец, покой. Свободный и почти счастливый, он путешествовал по многим передовым странам Европы, понимая, что Тоскана уже не входит в число последних. Ему хотелось найти образец, по которому можно преобразовать герцогство в соответствии с требованиями современности, не отказываясь, тем не менее, от установленных порядков.

Великому герцогу было суждено дожить до очень преклонных лет. Все свое 35-летнее правление он стремился предотвратить конец династии Медичи. Он постоянно посещал церкви и монастыри, которые богато одаривал. Над Флоренцией звучали церковные хоралы, псалмы и литании. В обществе развивался декаденс.

Козимо понимал, что прежде всего следует обеспечить преемственность в государстве. Для этого надо было подыскать подходящую невесту престолонаследнику. Достойная кандидатура долго не появлялась, и тем больше было радости, когда возникла возможность взять в жены сестру супруги дофина, баварскую принцессу Виоланту.

Наследник Козимо III, великий герцог Фердинандо женился через посредника. 16-летняя невеста в конце ноября прибыла во Флоренцию. Ее первым и самым сильным впечатлением был собор Св. Петра, в чей величественный и гармоничный облик она сразу влюбилась. 24 мая 1688 года состоялось венчание, а 9 января 1689 года Виоланга Баварская была коронована в Дуомо. С этим венча-

нием и коронацией в последний раз вспыхнули величие и блеск дома Медичи.

Фердинандо нашел свою высокородную невесту не очень красивой — ее узкое лицо портил длинный нос, — но соразмерно сложенной и изящной в движениях. Ее ранимая доброта и очаровательная благожелательность не произвели на него впечатления. Однако больше всего впечатляла не внешность Виоланты, а ее высокий ранг и роль, которую она должна была сыграть в жизни Тосканы.

Великому герцогу Козимо, напротив, девушка очень понравилась. Он оценил ее скромную прелесть, мягкость и спокойствие и сразу принял в свое сердце как дочь. Может быть, у него мелькала мысль, что будь такой его бывшая супруга Маргарита-Луиза, их брак не закончился бы катастрофой.

Для Фердинандо с женитьбой ничего не изменилось. Он не проявлял никакого энтузиазма в этом союзе и продолжал удовлетворять свои культурные интересы: закончил строительство театра на вилле Пратолино, декорации в котором создавал венецианский архитектор и инженер Пьетро Талла. Благодаря его мастерству в театре удалось добиться великолепной уникальной акустики. Обожая музыку, Фердинандо вступил в переписку с Амедео Скарлатти, с которым познакомился в Венеции. Эта переписка и теперь очень важна для ценителей музыки, интересующихся творчеством неаполитанского композитора. Тот родился в семье музыкантов и с раннего детства обнаружил редкую одаренность. Уже в юности, гастролируя в Вене-

ции и Тоскане, он обрел славу великого исполнителя и композитора. Во Флоренции он привлек внимание правителей и познакомился с Фердинандо, более ученым и музыкантом, чем правителем. Скарлатти написал несколько опер на мифологические сюжеты, множество ораторий и кантат. Никто до него не умел так внимательно вслушиваться в плеск и говор жизни, так глубоко чувствовать и поэтически и точно запечатлевать в музыке эмоции, нравы и быт стран, которые ему довелось увидеть и где пришлось жить. Его братья и сыновья, особенно Доменико, тоже были одаренными музыкантами, и Фердинандо очень привлекало это музыкальное общество.

И конечно, принца влекли новые романтические авантюры.

Жизнь герцогини в бесконечных залах палаццо Питти проходила вдалеке от Фердинандо. Принцесса была достаточно умна, чтобы понять и признать неудачу брака. Она знала, что коронованные мужья не всегда соблюдают верность своим высокородным супругам, и заранее была готова к такой неприятности. Виоланту не так унижали равнодушие мужа и его бесконечные любовные похождения, как просьбы и мольбы Козимо о рождении наследника. Как будто это зависело единственно от нее!

Виоланта глубоко страдала. Может быть, эта нескончаемая боль способствовала тому, что свое нереализованное материнское чувство принцесса обратила на маленького Джана Гастоне. С золовкой Анной-Марисей они не сошлись: гордость и высокомерие дочери Медичи смущали и отталкивали кроткую Виоланту.

В карнавальные дни 1696 г. Фердинандо снова отправился в Венецию в поисках новых знакомств с женщинами и мужчинами. Дома удушливая атмосфера палаццо Питти давила его. Зная слабость своего сына, Козимо предостерегал его в письме: «Я хочу, чтобы ты пообещал воздерживаться от развлечений, которые губительны для души... и чтобы ты избегал неприлично близких отношений с музыкантами, комедиантами (людьми, известными своим бесстыдством) и не принимал участия в разговорах, а еще меньше в развлечениях с куртизанками». Но то, от чего Фердинандо, талантливый эстет, получал удовольствие, были именно «неприлично близкие отношения с музыкантами». Он был захвачен несуществованием карнавала и устремился в новые любовные авантюры. Его наставник уже изгнал из дома певца Пестрилло, поразившего воображение принца своей раскованностью. Скоро Фердинандо нашел ему замену, кастрата Чеканно де Кастриса, который оказывал на него большое влияние. Если бы он ограничивался кастратами, это было бы не так вредно для его здоровья. К сожалению, во время своего следующего визита в Венецию Фердинандо был очарован певичкой, которая совсем недавно была простой крестьянкой, но за распутное поведение оказалась выброшенной из своей общины. Ее называли «Ватная куколка». Во Флоренцию он вернулся вместе с ней и полностью порвал все отношения с Виолантой. В своих ли странствиях он подхватил «французскую болезнь», наградила ли его этой болезнью Куколка, последствия были плачевны. Задолго до смерти он потерял все волосы и память, его умственные и физи-

ческие способности расстроились. Он стал жертвой общего паралича безумных, вызываемого сифилисом.

Такое существование, полное невыразимой боли, продолжалось пятнадцать лет.

Все это время Виоланта кротко и самоотверженно ухаживала за ним и до последнего вздоха облегчала его страдания.

30 октября 1713 года мучения Фердинандо закончились. Кто-то сказал, что он пал как «мученик Венеры».

Козимо очень сопереживал невестке. Ему хотелось дать какое-то возмещение за ее неудавшуюся жизнь. Он подарил Виоланте фамильные украшения из рубинов и сапфиров и сделал ее правительницей Сиены.

С горечью осознав, что наследника у герцогства нет, правитель переключил внимание на брак своей дочери Анны-Марии.

Она была вторым и любимым ребенком Козимо. Дочь приносила в его жизнь ту женственность и нежность, которую не могла и не хотела дать Маргарита-Луиза. Бабушка не чаяла в ней души, девочка тоже ее очень любила. Благодаря любви отца и бабушки отсутствие матери не так травмировало детей, хотя обстановка глубокой религиозности и косности плохо сказывалась на младших членах семейства Медичи.

Анна-Мария отличалась изысканной красотой: у нее была изящная точеная фигура, блестящие черные волосы и огромные темные глаза. Прекрасная кожа и безукоризненная форма рук свидетельствовали о ее высоком происхождении. Чем старше становилась принцесса, тем со-

вершешей сияла ее красота. Ее внешность была почти не подвластна жестокому влиянию времени.

Но не только внешняя привлекательность была присуща Анне-Марии. Ее отличали твердость характера, высокое чувство собственного достоинства, глубокий ум, разносторонняя образованность. Она владела почти всеми европейскими языками и знала латынь, хорошо рисовала, занималась разведением экзотических цветов, прелестно танцевала, была влюблена в музыку (единственное, что передалось детям от Маргариты-Луизы) и играла на многих музыкальных инструментах. Она разбиралась в хитросплетениях политики, была сведуща в родословных всех правящих домов, хорошо знала историю и географию Европы.

Принцесса была очень горда; но если ее властность подавляла, то ласковый голос и нежные губы внушали преданность.

Попытки отца найти ей мужа в Испании, Португалии и во Франции не увенчались успехом. Брак с дофином был расстроен интригами великой герцогини Маргариты-Луизы, не забывшей ужасов своего замужества. Очень привлекательный для Медичи план брака с Витторио Амадео II Савойским также не был реализован.

Наконец, по совету императора жених был найден — курфюрст Пфальцский Иоганн Вильгельм, вдовец, три сестры которого были императрица, королева Испании и королева Португалии, а три брата — епископами. Только на один год старше своей невесты — ему было 33 года — он был государственным человеком, много сделал для укре-

пления авторитета своей страны: поднял ее политическое положение, способствовал развитию промышленности и сельского хозяйства. Иоганн Вильгельм был просвещенным государем, ... увлекался охотой и рыбной ловлей

Анна-Мария оказалась в чужой стране совсем с другими обычаями. Но она была умная, волевая и имела привлекательную внешность. Ее скоро оценили. Она стала настоящим бриллиантом двора курфюрста, при котором часто звучала музыка, которую здесь любили и понимали.

Она привезла из Флоренции свою прекрасную мебель (письменный стол можно увидеть во дворце Питти; он и сегодня производит сильное впечатление), произведения искусства, восхитительные драгоценности. Она часто уносилась мыслями в родную Флоренцию, которую так любила и где любили ее. Но печальные вести с родины она старалась не принимать близко к сердцу: при этом дворе ей тоже было хорошо.

В 1711 году она с мужем ездила на императорскую коронацию во Франкфурт, и в этом же году у ее мужа случился сердечный удар. Его состояние здоровья долго оставалось неважным, но потом он вернулся к нормальной жизни. В 1716 году курфюрст снова тяжело заболел, «грудной болезнью», как писала Анна-Мария. 5 недель она провела у его постели как сестра милосердия. Его положение ухудшалось. Он не мог лежать, задыхался. 8 июня 1716 года, приняв святое причастие, он умер.

При всем внешнем благополучии этого брака потомства от него не появилось. Известно, что у Анны-Марии

случился выкидыш, который объясняли «расстройством, полученным сию от мужа, ибо хотя он ее очень уважал и любил, благодаря широте своего горячего сердца часто отвлекался на другие увлечения». Принцесса ездила в Аахен принимать ванны, «чтобы способствовать плодovitости», но напрасно.

Таким образом, Фердинандо заживо гнил от сифилиса, Анна-Мария уехала в Дюссельдорф и страдала от своего бесплодия, Джан Гастоне считался неудачным ребенком.

Козимо заставил своего брата кардинала Франческо Медичи сложить сан и попытаться дать Тоскане наследника. Кардинал был полной противоположностью своему брату: жизнелюбивый, хотя и князь церкви, снисходительный к недостаткам, любящий мирские удовольствия и чрезвычайно прозорливый. Хотя Франческо было всего 48 лет, он являл собой гору мяса, изуродованного оспой, с огромным животом, с непроходящей одышкой. Здоровье его было сильно подорвано неумеренностью, он страдал подагрой и катаром. В жены ему предназначалась юная Элеонора, дочь Винченцо Гонзаго, герцога да Гуасталла, родственница Медичи по материнской линии. В 1708 году пятнадцатилетняя Элеонора стала женой Франческо Медичи. Гротескная свадьба, проведенная при замшелом, окостенелом дворе Медичи, была насмешкой над жизнью и любовью. Новобрачная нашла «молодого» супруга таким отвратительным, что не сразу смогла согласиться на близость с ним. Она всеми силами старалась избегать мужа, а он — никогда не выпускать ее из поля зрения, что очень ее стесняло. Но Элеонора скоро освободилась

от этого ярма. Едва через два года после венчания болезни сделали свое дело: Франческо Медичи умер в объятиях своего мавра Эммануэля, который долгое время наставлял его и лечил от водянки.

Со смертью Франческо погибла последняя надежда Козимо на наследника по мужской линии. Все, что он мог сделать — это отыграться «на лакеях, пажах и грумах своего брата, о большинстве которых он заботился в их молодости за их пригожесть, а потом они выросли в поместьях упомянутого принца и служили ему сводниками и доставляли ему других красивых мальчиков и компаньонов... Некоторых выгнали, другие отправились на галеры».

Что касается его вдовы Элеоноры Гонзаго, то она нашла утешение у своих французских лакеев, которых она нашла более соблазнительными, чем пожилой муж, и родила двух сыновей, Миньона и Франческо.

Один из дипломатов писал в своем письме: «Как простить ей, что все мольбы и все красивые молодые парни, которые попадались ей на каждом шагу при жизни кардинала, не могли заставить ее сослужить Тоскане такую службу (родить наследника), а после его смерти она грешит со всеми лакеями, чтобы увеличить число сирот!»

Итак, надеждой семьи становился младший сын герцога, Джан Гастоне.

В детстве он страдал от недостатка внимания из-за сложных отношений родителей и оставался заброшенным после их разрыва. Современники отмечали, что он почти всегда казался молчаливым и печальным, уединялся и

плакал один в своей комнате. Окружающие размышляли, в своем ли он уме. Очевидно, ребенок страдал какой-то формой депрессии.

Джан Гастоне никто не принимал во внимание.

Когда ему исполнилось 23 года, отец решил его женить. Выбор пал на богатую вдову, Анну-Марию-Франческу, дочь герцога Саксен-Лауснбургского и вдовы графа Пфальцского. Это была грубая, неприятная женщина, несколько неряшливая, огромная и грозная на вид, с «суровым некрасивым лицом и массивными нескладными конечностями». Она интересовалась только охотой, лошадьми и своими богемскими поместьями. У нее не было особого желания снова выходить замуж, она пошла на этот брак только под давлением императора и определенно не намерена была пересезжать во Флоренцию. Фактическим условием брака было пребывание ее и предположительно ее мужа в Богемии.

Молодые обвенчались в Дюссельдорфе, но недели через три молодая жена, к полному отчаянию Джана Гастоне потребовала возвращения в свои поместья.

Джан Гастоне от семейной жизни пришел в ужас. Он невзлюбил богемскую деревню, запах конского пота и навоза, пропитавший одежду Франчески, и не стремился к возможным сношениям с непривлекательной женой. За утешением он обратился к своему лакею Гвиглиано Дами, человеку низкого происхождения, который стал его любовником, а позднее сводником. Этот лакей оказал огромное влияние на всю жизнь Джана Гастоне.

К 1698 году принц болсе не мог выносить обстановку копошши и псарни в доме своей жены и направился в Париж, надеясь свидеться там с матерью и, может быть, завосвать се любовь. Его надежды не оправдались. 53-летняя мать жила исключительно ради собственного удовольствия, вычеркнув из своей жизни ужасные годы, проведенные во Флоренции. Необходимость предпринимать какие-то действия для устройства этого нескладного молодого человека, являвшегося, к немалой досаде Маргариты-Луизы, ее родным сыном, до крайности раздражала эгоистичную, заботящуюся лишь о своем комфорте принцессу. Взрослый сын нарушал ее имидж вечно юной нимфы. Определенные странности и провинциальность итальянца компрометировали утонченную кузину короля во взыскательном парижском высшем свете, хотя он был в то время стройным и достаточно приятным юношей. Разветвленный французский королевский дом не признавал Джан Гастоне равным себе, но осуждал черствость и равнодушие Маргариты-Луизы к внуку первого принца крови. Словом, Флоренция снова напомнила о себе самым неприятным образом. Попытка сближения с матерью не удалась и окончилась взаимным разочарованием.

Печальный Джан Гастоне вернулся в резиденцию супруги Рейхштадт, но не смог преодолеть величайшее отращение к жизни с этой женщиной. Рейхштадт был достаточно плох летом, зимой он был невыносим. На советы и увещевания императора попытаться наладить семейную

жизнь принц твердо отвечал, что все его старания окончились неудачей.

В октябре 1703 года он перебрался в Гамбург, где оставался до февраля, находя там плотские удовольствия, недоступные в Рейхштадте. Но когда он пересел в Прагу, то казался совершенно подавленным, инертным и замкнутым и по большей части просто смотрел в окно. Только хорошенькие молодые мордашки могли отвлечь его от глубокой тоски.

В 1705 году он навсегда вернулся во Флоренцию. Казалось совершенно невозможным, чтобы жена приехала к нему туда или чтобы у него появились дети. Кроме молодых мальчиков, этот толстый человек, большой любитель посеть и выпить, любил одиночество, любил проводить время в садах Боболи, где с большим усердием ухаживал за растениями и цветами. В свои 25 лет он жил и действовал как старик. Так продолжалось почти четверть века.

После 27 лет жизни на чужбине и 26 лет бесплодного брака овдовевшая Мария Луиза покинула Дюссельдорф и вернулась на землю Тосканы. С собой она взяла только свои личные вещи: драгоценности, произведения немецких художников, которые купила сама или получила в подарок. Уже не было ее бабушки, с которой Анна-Мария проводила так много времени в детстве и юности.

Она демонстрировала явное неприятие сговора европейских держав, в соответствии с которым Тоскана должна была перейти герцогам Лотарингским или Габсбургам. Она посвятила себя делу завершения колоссального мавзолея в городе Медичи. По наследству к ней перешли ху-

дожественные коллекции, собираемые Медичи в течение трех столетий.

Козимо сделал отчаянную попытку добиться ее права унаследовать великое герцогство, если Джан Гастоне умрет раньше него. Наверно, умная и амбициозная принцесса пылко желала этого. Но император заявил, что поскольку герцогство является имперским феодалом, дочери не имеют на него наследственных прав.

В 1723 году, в канун Праздника всех святых, Козимо III, правивший Тосканой 53 года, скончался.

52-летний, преждевременно состарившийся Джан Гастоне, сменил его на престоле.

Он стал последним великим герцогом Тосканским из рода Медичи.

Едва взойдя на трон, Джан Гастоне изменил свои приятные манеры на прямо противоположные. Его вялость, ставшая притчей во языцех, и полное отсутствие интереса к делам государственного правления, повсеместно обсуждались. Однако он хорошо выбирал министров. Власть его мало привлекала, скорее раздражала, и он жил животной жизнью среди пьянства и разврата, все больше погружаясь в эту трясиину.

Флорентийское правительство в некоторых отношениях было лучше и определенно более либеральным, чем во времена его отца. Сильная рука церкви в защите устоявшихся и устарелых норм морали и нравственности несколько ослабела. Там, где Козимо не скупился в расходах на религиозные цели, Джан Гастоне экономил. Совет четырех был упразднен и восстановлен старый секретариат.

Драконовы законы его отца были отменены. Галилею был возвращен почет, было разрешено опубликовать произведения Гассенди. Налоговое бремя несколько облегчилось. Восшествие на престол Джана Гастоне ознаменовало более просвещенную и либеральную систему управления. Но недостатки, которыми страдала Флоренция, нельзя было уничтожить росчерком пера.

Джан Гастоне казался сильно озабоченным будущей преемственностью в великом герцогстве.

За десять лет до того, как он стал правителем, окончание войны за Испанское наследство дестабилизировало Италию. Великие державы спорили за право заполучить государство. Как и его отец, он сохранял нейтралитет Флоренции, к великому негодованию заинтересованных сторон, особенно Испании и Австрии.

В 1731 году представители великих держав договорились в Вене, что в случае смерти Джана Гастоне великое герцогство перейдет к сыну Филиппа V испанского и Елизаветы Фарнезе, дону Карлосу Пармскому. Он был хотя бы наполовину итальянцем, а также молодым и белокурым, что произвело благоприятное впечатление на великого герцога. Но в результате войны за Польское наследство и последующих династических перестановок дон Карлос получил королевство Обеих Сицилий.

В качестве наследника стал рассматриваться Франц Стефан, герцог Лотарингский, муж Марии Терезии, наследницы Габсбургской империи. Под тяжестью давления, оказываемого великими державами, Джан Гастоне оказался бессильным. Флорентийцам даже не разрешили

торжественно отметить праздники в ознаменование великих дат правления Медичи. Иностранные войска оккупировали город. Но все-таки Джан Гастоне удалось настоять на том, что Флоренция никогда не будет включена в состав империи Габсбургов. Наверно, это было самым главным делом его жизни, поскольку оно обеспечило будущую независимость Флоренции.

Джан Гастоне стал недобросовестным правителем, алкоголиком с явно извращенными вкусами. Он смотрел на жизнь сквозь туман постоянного опьянения. Один раз, когда он был пьян, он упал с лошади. Посетив прием, который давала его невестка Виоланга, он так напился, что вел шокирующе непристойные разговоры, его рвало, и пришлось силой заталкивать его в карету.

Центром его существования стала спальня. За последние восемь лет своей жизни он ни разу не вставал с постели, на которой грязные и заскорузлые простыни никогда не менялись; в белье заводились паразиты. В комнате разило табаком, выпивкой и экскрементами. Великий герцог совершенно не обращал внимания на свою внешность: ногти на руках и ногах ему не стригли, и они загибались. С огромным животом и многочисленными подбородками, в несвежей сорочке без воротника он, тем не менее, носил большой грязный завитой парик, и видели, как он вытирал им рвотную массу со своего лица.

Гвилиано Дами, ставший придворным камергером, вместе с двумя своими приспешниками действовал, как сводник, поставщик молодого тела для удовольствий великого герцога. Они выискивали юношей и мальчиков, «свос-

питанных и грязных», но «наделенных соблазнительным взглядом и внешностью Адониса». Их называли руспанги, потому что за свои услуги они получали от одного до пяти рупии. Они не носили ливреи, но их узнавали по их локонам, всегда завитым и напудренным, что являло странный контраст с самим Джаном Гастоне. Космополитические руспанги, которых было около 370, некоторые даже благородного происхождения, должны были быть красивыми, молодыми, очень сексуально привлекательными и достаточно невосприимчивыми к хорошему вкусу и запахам, чтобы вынести атмосферу спальни принца. Их единственной обязанностью было являться к нему, когда бы он ни пожелал.

Из аристократов одна невестка Виоланта могла выносить общество этого опустившегося человека, жалея его и по-прежнему видя вместо неопрятного, безобразно распившегося маргинала маленького заброшенного мальчика. Она была с ним до конца, который наступил в июле 1737 года.

Джан Гастоне был давно и серьезно болен, мучаясь от большого камня в мочевом пузыре.

В ночь его смерти разразился небывалый ураган с грозой и ливнем. Если он и был нерадивым правителем, смерть восстановила его репутацию у флорентийцев. Его препроводили в усыпальницу со всей торжественностью, на какую был способен город пышных зрелищ.

Увы, я слышал горестные вести:

Угасли Медичи, а с ними век наш вместе.

Теперь, Флоренция, твой жребий предрешен.

Последняя в роду Медичи курфюстина Анна-Мария еще шесть лет прожила во дворце Питти и умерла 18 февраля 1743 года. Во время ее агонии поднялся сильный ветер, который дул около двух часов. Когда все было кончено, засияло яркое солнце. Простые люди были убеждены, что принцессу унес ураган. То же самое случилось, когда умирал Джан Гастоне.

По своему завещанию Анна-Мария-Луиза оставила все личное имущество и собственность Медичи городу «навечно» при условии, что никакая часть сокровищ Медичи не может быть вывезена из Флоренции, и они должны быть открыты для всеобщего обозрения. По этой причине художественные коллекции Уфицци остались в городе и не уехали в Ватикан. Сделав так, курфюстина от имени своего дома отплатила флорентийцам за ту преданность, которую они питали к этой семье триста с лишним лет.

ЛИТЕРАТУРА

Брагина Л.М. Этические взгляды Джованни Пико дела Мирандола // сб. Средние века, вып. 28. М., 1965.

Бьяджиоли М. Галилей — придворный: научная деятельность в культуре абсолютизма. Biagioli, 1993. С. 103.

Веселовский А.И. Италия и Возрождение. Сочинения. Т. 6. М., 1894.

Виллари П. Макиавелли и его время. Т. I. СПб., 1914.

Гвиччардини Ф. Сочинения. М., 1934.

Галлам Г. Европа в Средние века. М., 1952.

Гриш В. Безумные короли. Личная травма и судьба народов. Пер. с англ. Н.Г. Милых. Ростов н/Д: Феникс, 1997.

Гуковский М.А. Заметки и материалы по истории рода Медичи. I. Ученые записки Ленинградского гос. ун-та. Вып. 4. № 39, 1939; II. Там же. № 86, вып. 12, 1941.

Гуковский М.А. Итальянские войны и высокое возрождение XVI в. (до 1559).—«Очерки истории Италии», гл. VII. М., 1959.

История Италии. Т. 1 / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1970.

Ковалева М.В. Синьория Висконти в Милане. Вестник Орловского университета, № 3(7), 2007. С. 171—181.

Кулуа И. Лоренцо Великолепный. М., Молодая гвардия, 2007.

Ковальский Я.В. Папы и папство. Пер. с польск. М.: Политическая литература, 1991.

Макиавелли Н. Сочинения. М., 1934

Макиавелли Н. История Флоренции / перевод Н.Я. Рыковой. Л.: Наука, 1973.

Ролсва А.Д. Возникновение Синьории Медичи. Культура и общество Италии накануне нового времени. М., 1993.

Мерль Р. Изабелла. М.; Мир, 1964.

Стендаль Ф. Итальянские хроники.

Суховерхов В.В. Карл V и Франциск I: «Итальянские войны». Вопросы истории, № 4, 2011.

Сфармели М. Сокровищница Медичи. ФГКУК ГИМЗ «Московский кремль». М.: АзБука, 2011.

Тик Л. Виттория Аккоромбони. Пер. Е. Соколовой. М.: Наука, 2003.

Тарле Е.В. История Италии в средние века. СПб., 1901.

Johnson P. The Renaissance. London, 2000.

Hollingswort M. Patronage in Renaissance Italy From 1400 to the Early Sixteenth Centuri. London, 2004.

Masson G. Courtesans of the Italian Renaissance. London, 1975.

Micheletti E. Die Medici in Florenz. Florenz, 1993.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ИСТОКИ МОГУЩЕСТВА МЕДИЧИ. ДЖОВАННИ БИЧЧИ (1360—1429).....	8
КОЗИМО СТАРЫЙ (1389—1469).....	17
ПЬЕРО МЕДИЧИ (ПОДАГРИК) (1416—1469).....	37
ЛОРЕНЦО ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ (1449—1469—1492).....	61
ПЬЕРО НЕСЧАСТЛИВЫЙ (1471—1503)	101
ДЖОВАННИ — ЛЕВ X (1476—1521). ДЖУЛИАНО (1479—1516). ЛОРЕНЦО МЕДИЧИ (1492—1519). ДЖОВАННИ БАНДЕ НЕРЕ (1498—1526).....	132
ДЖУЛИАНО МЕДИЧИ (КЛИМЕНТ VII) (1478—1523—1534). ИПОЛИТО МЕДИЧИ (1511—1535). ЕКАТЕРИНА МЕДИЧИ (1519—1589)	157
АЛЕССАНДРО МЕДИЧИ (1512—1532—1537). ЛОРЕНЦИНО МЕДИЧИ (1511—1547)	189

КОЗИМО I МЕДИЧИ (1537—1574).....	197
ФРАНЧЕСКО I (1574—1587).....	213
ФЕРДИНАНДО I (1549—1587—1609).....	227
КОЗИМО II (1590—1609—1621)	240
ФЕРДИНАНДО II (1610—1621—1670).....	248
КОЗИМО III (1639—1670—1723).....	259
ЛИТЕРАТУРА.....	284

Научно-популярное издание

History files

Майорова Елсна Ивановна

ВОКРУГ ТРОНА МЕДИЧИ

Выпускающий редактор *М.К. Залеская*

Корректор *Р.Ф. Зайнуллина*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Веч»

Юридический адрес:

109004, г. Москва, ул. Николаямская, дом 43, корпус 4.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: vcche@vcche.ru

<http://www.vcche.ru>

Подписано в печать 30.03.2012. Формат 84×108 1/32.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ. л. 9. Тираж 2000 экз. Заказ № 1128.

Отпечатано с электронного оригинал-макета,

предоставленного издательством,

в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@yaroslavl.ru www.printing.yaroslavl.ru

ISBN 978-5-9533-6591-8

9 785953 365918

Флоренция — в переводе с итальянского значит «цветущая». С этим городом самым тесным образом связано восхождение к власти и активная государственная деятельность династии Медичи, чьи представители оставили глубокий след в истории всего человечества. Сначала Медичи пользовались дурной репутацией; их считали завистливыми и мстительными. Среди Медичи встречались даже преступники — воры и убийцы; некоторые за свои деяния были приговорены к смертной казни. Но династия постепенно и неуклонно поднималась к своему олимпу.

Последняя в роду Медичи курфюстина Анна-Мария-Луиза в 1843 году завещала все имущество «Флоренции навечно» при условии, что никакая часть сокровищ Медичи не может быть вывезена из города и они должны быть открыты для всеобщего обозрения. Сделав так, курфюстина от имени своего дома оплатила флорентийцам за ту преданность, которую они питали к этой семье триста с лишним лет.

HISTORY
FILES

